
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2015/1-2

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2015

Редакционный совет:

проф. д-р Валентина Аврамова, проф. д-р Ренета Божанкова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева, доц. д-р Стефка Калева.

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котнорова (Россия)
проф. д-р Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д-р Петр Буняк (Сербия)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)
доц. д-р Катажина Воян (Польша)

Редакционная коллегия:

доц. д-р Илиана Вladoва (главный редактор), доц. д-р Ирина Захариева (зам.гл. редактора), доц. д-р Димитрина Лесневска (зам. гл. редактора), проф. Елена Стоянова, доц. д-р Христо Манолакев, Екатерина Солнцева-Накова (отв. секретарь).

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Елена Меснянкина, Римма Спасова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В
СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ6

Лилия Муллагалиева

ЭМПИРИЧЕСКОЕ КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОВАРЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА XIX– НАЧАЛА XXI ВВ.26

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ирина Захариева

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ЗАКАТНОМ РОМАНЕ ЮРИЯ
НАГИБИНА41

Ангелина Вачева

В ПОИСКАХ КОМЕДИЙНОГО КАНОНА: „МОСКОВСКИЕ“ КОМЕДИИ
ЕКАТЕРИНЫ II55

Румяна Парашкевова

МОНАСТЫРЬ И ВЛАСТЬ В ДРАМАТИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ А. К.
ТОЛСТОГО66

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Екатерина Солнцева-Накова

ВКЛАД РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В БОРЬБУ ПРОТИВ ФАШИЗМА В
БОЛГАРИИ81

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Димитрина Лесневска

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ В ТЕОРИИ
И ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ В БОЛГАРСКИХ
НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ВУЗАХ88

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Илиана Владова

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ99

ДЕБЮТЫ

Атанаска Методиева

ТИПОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ И ФИГУРА РЕБЕНКА –
ЧУДО РУССКОЙ ПОЭЗИИ НИКИ ТУРБИНОЙ 110

РЕЦЕНЗИИ

Татьяна Федь

ЗАХАРИЕВА И. П. РУССКИЙ РОМАН XX ВЕКА: АВТОРСКИЕ ОПЫТЫ СПЕЦИФИКАЦИИ ЖАНРА. – СОФИЯ: МУЛТИПРИНТ, 2014 – 143 с.... 118

Димитрина Лесневска

КОРОСТОВА С. В. ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ СМЫСЛЫ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ. – РОСТОВ-НА-ДОНУ: ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2014. – 224 С. 121

ХРОНИКА

Оргкомитет IV Международного форума

ИТОГОВОЕ СООБЩЕНИЕ IV МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА «РУССКИЙ ЯЗЫК ЧЕРЕЗ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ И РУССКОЕ ИСКУССТВО» 125

Екатерина Солнцева-Накова

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ „РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ“ 141

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОГО ИНТЕРНЕТА

Екатерина Солнцева-Накова

СПИСОК ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ, СОДЕРЖАЩИХ ИНФОРМАЦИЮ О ГРАНТОВЫХ КОНКУРСАХ ДЛЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ..... 143

ЮБИЛЕИ

Редколлегия

ТОДОРУ МИНЧЕВУ 90 ЛЕТ 149

Димитрина Лесневска

ИЛИЯНЕ БОЗАРОВОЙ 80 ЛЕТ 151

IN MEMORIAM

Надежда Делева

Ирина Червенкова (1931 – 2014)..... 152

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 155

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 157

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 160

Уважаемые читатели!

Наступило время, и мы почувствовали неотложную необходимость возобновления основного журнала нашей организации „Общество русистов Болгарии”.

Журнал „Болгарская русистика” выходил около сорока лет /с 1974 года/, объединяя специалистов в области русского языка, русской литературы и культуры, но по причине материальных затруднений мы были вынуждены прекратить его издание в последние четыре года. Сегодня благодаря поддержке Фондации „Славяне“ и Федерации дружбы с народами России и СНГ наш журнал будет доступен вам, дорогие читатели.

Годы испытаний доказали, что русский язык, русская литература и культура очень близки культурному сознанию болгар. Мы призваны свято беречь язык Пушкина, Толстого, Чехова и распространять русское слово на территории Болгарии и за ее пределами.

От редколлегии

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Елена Меснянкина, Римма Спасова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Публицистический стиль более всех функциональных стилей тесно связан с областью социальных отношений, и в последние два десятилетия в его системе под влиянием экстралингвистических факторов происходят заметные лингвистические изменения. Перестройка системы средств массовой информации (СМИ) в связи с политическим и идеологическим расслоением общества, а также отмена цензуры – все эти социально-общественные преобразования коснулись языка СМИ, усиливая, таким образом, его социальную оценочность и сдвигая стилевую норму публицистического стиля в сторону разговорности, раскованности и свободы языкового употребления.

Благодаря взаимодействию информативной и воздействующей функций в системе публицистического стиля реализуются новые, необычные выразительные средства, нередко переходящие в стандарт, в речевые штампы. Это объясняется тем, что на организацию языковых средств и на их функционирование в системе публицистического стиля доминирующее влияние оказывает, с одной стороны, принцип социальной оценки, на основе которого эти языковые средства „актуализированы известными коммуникативными задачами и условиями создания текста, его публицистической тональностью” [Бельчиков 2004: 116]. С другой стороны, внутренняя организация языковых средств в системе публицистического стиля основывается на активном взаимодействии стандартизованных и эмоционально-экспрессивных языковых средств. Таким образом, использование языковых средств обуславливается во многом их социально-оценочными качествами и возможностями, с точки зрения эффективного воздействия на

аудиторию, а именно: при подаче информации журналисты прибегают к сенсационности, „завлекательности”, сочетая стандартизованные речевые штампы с экспрессивными оценками, с различными „ловушками внимания” (catch-words) [Костомаров 2005: 195]. Вот почему в современной публицистике отмечается возрастание сенсационной роли негативных сообщений, содержащих в себе черты „эстетики безобразного” [Какорина 2000], в которой явно преувеличивается область отрицательных оценочных номинаций.

Характерная для СМИ социальная оценочность, основанная на глобализации общества и на величайшем техническом прогрессе в последние два десятилетия, определяет и мотивирует употребление языковых средств в публицистических текстах, в которых происходит качественное и количественное накопление новых эмоционально-экспрессивных средств и стилистических приемов. Так, например, активно функционируют тропы, оригинально трансформируются фразеологизмы, создаются сатирические пародии и остроумные заголовки. В последние годы в публицистике широкое распространение получает такой стилистический прием, как ирония, выполняющая функцию косвенной социальной оценки, вследствие чего собственная позиция автора остается завуалированной, его четкие идеологические ориентиры прямо не высказываются.

В стремлении к обновлению и оригинальности в выражении мысли журналисты часто прибегают к языковой игре, создавая в процессе словотворчества нестандартность и своеобразие высказывания. Языковая игра (ЯИ) – определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном нарушении системных отношений языка, т.е. на «деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызвать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [СЭСРЯ 2006: 657].

В научных трудах последних десятилетий вопросу о ЯИ, а также проблеме определения и характеристики данного термина посвящено множество теоретических исследований в области филологических наук [Витгенштейн 1953, Бахтин 1974, Береговская

1984, Норман 1987, Булыгина, Шмелев 1990, Вежбицкая 1996, Земская 1996, Гридина 1996, Стоянов 1999, Цонева 2000, Санников 2002]. За время становления и период развития ЯИ ее авторы накопили и стали использовать для ее реализации большой спектр языковых средств. Именно поэтому она начала представлять серьезный интерес для исследователей-лингвистов.

Как понятие термин „языковая игра” присутствует и используется в науке давно. Еще в „Филосовских исследованиях” Людвига Витгенштейна „языковая игра” рассматривается как „единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен” [Витгенштейн 1994: 34]. В.З. Санников объясняет феномен ЯИ как некоторую языковую неправильность осознаваемую говорящим (пишущим) и намеренно допускаемую [Санников 2002: 23]. В самых общих чертах, ЯИ определяется как целенаправленное отклонение от установленных языком норм для достижения определенного воздействия на реципиента, цель которой в большинстве случаев связывается с забавной, юмористической направленностью высказывания [Цонева 2000: 7].

Начиная с XVII века, в произведениях русского писателя, поэта и драматурга Симеона Полоцкого (1629-1680гг.), опубликованных в рукописном сборнике русских пословиц, можем найти такое обыгрывание слов:

„Еллином Богатств бог бе нареченный Плутон,
Аз его именую – поистине плут он”;
„У Фили пили, да Филю же били”.

Использование ЯИ для выражения шутливого, иронического и сатирического тона значительно возрастает в следующем - XVIII веке, во второй половине которого ЯИ достигает и своего расцвета. Игра слов занимает важное место и в творчестве замечательных русских писателей, поэтов, представителей „Золотого века русской литературы”, таких, как Н. Лесков, В. Бунин, М.Салтыков-Щедрин, А. Чехов.

Блистательным мастером каламбура был А.С. Пушкин. Он часто украшал свои письма остротами и шутками, чем вызывал восхищение у современников, например: „Со злости духом прочел „Духов” или „Домик колом мне пришелся” – о „Домике в Коломне”.

Вот еще один пример использования Пушкиным игры слов в шутовском обращении к детям, основанном на столкновении слитного и раздельного написания одного и того же отрезка речи:

„Вы, щенки! За мной ступайте!
Да смотрите ж, не болтайте,
Будет вам по калачу,
А не то поколочу”.

Необычайно искусным автором популярных обличительных стихов, экспромтов, эпиграмм, пародий и каламбуров был поэт XIX века Д. Минаев, который поражал современников своим остроумием и неповторимой оригинальностью. Одной из отличительных черт его поэзии была каламбурная рифма, основанная на членении слов на самостоятельные слова:

„Область рифм – моя стихия,
И легко пишу стихи я”;
„И прежде служивший мне стих,
Струною оборванный, стих”.

Список мастеров словесной шутки дополняется также и следующими замечательными авторами, творцами не только „Серебряного века”, но и XX века: В. Шкваркиным, Н. Глазковым, И. Ильфом и Е. Петровым, Э. Кротким, Ф. Кривиным, В. Высотским, Б. Заходером, А. Кнышевым и другими.

В. Маяковский также, как и Д. Минаев, в своих произведениях употреблял каламбурную рифму, так как считал, что эта разновидность рифмы застает читателя врасплох, поражает своей художественностью, оригинальностью и остротой, например: „Лет до ста расти, Нам без старости” или „Голодные? Устали? Разве бывает усталъ у стали?”.

В прозаических произведениях успешно использовал каламбурную рифму и Ф. Кривин. Вот один пример, взятый из его многочисленных лингвистических сказок: „Вот вам и Промежуточек, которого мама нашла промеж уточек, когда сами уточки уже улетели...” (Ф. Кривин „Принцесса Грамматика”).

Поэты, писатели, журналисты наших дней продолжают использовать традиционные формы ЯИ в различных стилях, реализуя тем самым свои творческие возможности. Безусловно, ЯИ – это

многоаспектный и сложный феномен, который сегодня все чаще становится объектом исследования ученых-лингвистов.

ЯИ присутствует на всех уровнях языка в различных функциональных стилях, а в последние годы использование словесных игровых форм чувствительно активизируется в публицистическом стиле, на материале которого и рассматриваются структурно-семантические типы традиционных форм ЯИ в данной статье.

Российские и болгарские исследователи [Паси 1972, Лыков 1976, Земская 1996, Цонева 2000, Санников 2002] анализируют и дифференцируют некоторые традиционные формы ЯИ, которые проявляют свои особенности в различных функциональных стилях. Используя данные классификации, мы выделяем следующие структурно-семантические типы ЯИ, функционирующие в текстах современной публицистики:

1. Каламбуры.

В связи со сложностью данного феномена ЯИ и его недостаточной изученностью долгое время термин „каламбур” служил для определения и наименования понятия „языковая игра”. К сожалению, и в современных исследованиях можно заметить, как некоторые лингвисты не просто не разграничивают, а даже взаимозаменяют такие понятия, как языковая игра, игра слов, игрословие, каламбур [Шмелев 1964, Гвоздев 1965, Маслова 1997].

В современных энциклопедических словарях термину „каламбур” (франц. calembour) даются следующие определения: это игра слов, оборот речи, шутка, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства разнозначных слов или словосочетаний, например: „Осип охрип, а Архип осип” [БЭС 1991]; это стилистический оборот речи или миниатюра определенного автора, основанные на комическом использовании одинакового звучания слов, имеющих разное значение, или сходство звучащих слов или групп слов, либо разных значений одного и того же слова и словосочетания [БСЭ 1970: 146].

Точное, но не достаточно исчерпательное определение дается и в „Словаре лингвистических терминов” О.С. Ахмановой. Каламбур – это „фигура речи, состоящая в юмористическом (пародийном)

использовании различных значений одного и того же слова или двух, сходно звучащих слов”. Более полное определение, однако, можно прочесть у Ю.М. Скребнева: „Каламбур строится на использовании смысловой многоплановости слова или выражения и представляет собой элементарную логическую ошибку... Каламбур специально предназначен для использования в юмористических целях” [Скребнев 1975: 152]. Л. Цонева считает, что каламбур является основной и самой важной формой проявления языковой игры [Цонева 2000: 97]. Действительно, следует отметить, что для большинства современных лингвистов, как и для Л. Цоновой, каламбур не является синонимом языковой игры, а представляет собой только одну из ее разновидностей, при этом, самую типичную и самую яркую.

Каламбуры создаются благодаря умелому использованию в целях достижения комического эффекта различных созвучий, полных и частичных омонимов, паронимов и таких языковых феноменов, как полисемия и видоизменение устойчивых лексических оборотов. Таким образом, удачный каламбур можно сравнить с большим искусством, а основная цель этого искусства – создание комического эффекта (от греч. *komikos* – веселый, смешной). Разумеется, что спектр разновидностей комического – достаточно широкий, а первая мысль о конкретизации вызывает ассоциации с юмором, иронией, сатирой и гротеском. Под маской комического каламбур дает уникальную возможность открыто „выразить те смыслы, которые (по разным причинам) находятся под запретом” [Санников 1995: 56], ибо, как писал Аристотель о комическом, это „...ошибка и безобразия, никому не причиняющие страдания и ни для кого не пагубные”.

Чаще всего каламбур строится или на специальном столкновении или на смысловом объединении разных значений одного слова или словосочетания (которые являются сходными или тождественными по звучанию) в одном ограниченном контексте. Именно контекст и общая стилистическая окрашенность текста зачастую могут определить принадлежность или непринадлежность высказывания к каламбуру. Намеренное и резкое противопоставление значений многозначных слов провоцирует

свободное, прямое или переносное их использование в каламбуре, но следует отметить и тот факт, что, с точки зрения эмоционально-оценочной окрашенности, каламбур имеет четкие правила построения элементов в нем, так как положительно окрашенное слово всегда стоит перед отрицательно окрашенным, как у Д. Минаева [Санников 1995], например:

„Я думал он товарищ,
а он презренная тварь лишь”

Итак, каламбур строится на основе следующих примеров творческой игровой сочетаемости слов:

а/ полисемии – обыгрывании различных значений многозначных слов; надо отметить, что слова, которые по своей природе двулики или многолики (омонимные или многозначные слова), содержат в себе две части, два смысла, и это делает их благодатным материалом для языковой игры и, разумеется, поэтому они гораздо чаще остальных обыгрываются и в каламбурах. Приведем пример, указанный В.З. Санниковым:

Знаешь, женщины красивее мужчин.
Естественно!
Нет, искусственно.

В каламбурную игру с многозначностью включаются и различные типы лексических значений, например, прямое и переносное:

„Снова тему исчерпали,
Водку, рюмочки достали.
А как водку исчерпали,
Веселей ребята стали. [artbull.ru 15.4.2009];

б/ омонимии (греч. *homonyma*, от *homos* - одинаковый и *онума* – имя) - сочетания слов с одинаковым звуковым составом и различным значением. При омонимии ожидается, что формально совпадающие слова должны совпасть и семантически; таким образом, в случаях подчеркнутого отсутствия семантической близости возникает словесная игра. При омонимии создается особый оттенок – оттенок неожиданного появления нового значения у слова, т. наз. „эффект обманутого ожидания” (*ef-fet de surprise*): „Я большой писатель, у

меня рост 180” - из интервью с писателем Татьяной Устиновой, опубликованном в газете „Комсомольская правда” 5.3.2011г.;

д/ обыгрывания омоформов – слов, совпадающих в одной из своих форм (частичное совпадение), например: „Везет тому, кто везет” [Комсомольская правда 8.04.2011];

е/обыгрывания омофонов – слов, которые произносятся одинаково, но различаются в написании, например: „«Именины» - или «имя Нины?»” [Комсомольская правда 28.12.2010]; „Вводка столичная” звучит, как „водка столичная”, но статья посвящена введению в Москве особых штрафов за нарушение Правил дорожного движения [Московский комсомолец 26.03.2011];

ж/ обыгрывания омографов – слов, которые пишутся одинаково, но различаются в произношении. Использование омографов в каламбуре рассчитано на слуховое восприятие, которое характерно для устной речи, поэтому и обыгрываются они не так часто;

з/ паронимии, т.е. сближения однокоренных, родственных слов, сходно звучащих. В широком понимании – это любые слова, близкие по звучанию; слова и словосочетания, сходные по форме, но различающиеся по значению. При этом семантические различия могут быть как очень тонкими и незначительными, так и радикальными, например: „Россия гнет свою Ливию”, где „Ливия” близка по звучанию со словом „линия” – статья о конфликте между М. Каддафи и Западом, где Москва заняла позицию заинтересованного наблюдателя [Коммерсантъ 22.03.2011];

и/ паронوماзии – обыгрывания слов, имеющих формальное сходство (даже незначительное), например: „Обман вместо обмена” – о нелегальных пунктах обмена [Комсомольская правда 30.03.2011] или же „Булгаков тоже был непростым писателем! Много чувствовал тайного. Помните, его герой, который не **уберёт** себя от **бера** на первых страницах романа, **Берлиоз!**”;

„Сегодняшние **чувства**, **чуйка**, **чутьё**, **чудо** (то, что вызывает чувство: восторг, восхищение!). А «**чадо**» – это для родителей «**чудо**!»” [блог Михаила Задорнова, Московский комсомолец 22.4.2011].

Как отмечают исследователи, каламбур может строиться на основе следующих структурных моделей: а/ самостоятельное произведение, миниатюра; б/ оборот речи, элемент данного текста; в/ заголовок; г/ подпись к рисункам или карикатурам [Влахов, Флорин 1980]. А по степени распространенности каламбура в рамках одного текста можно говорить о следующих структурных моделях: а/ каламбур, локализованный в одном предложении или реплике; б/ каламбур, присутствующий в более, чем одном предложении или реплике; в/ каламбур, распространенный в большей части текста и представляющий сложное синтаксическое целое; г/ каламбур, употребленный в законченном тексте.

Ставя в основу семантической классификации каламбура характер семантических связей между обыгрываемыми словами в нем, В. Санников выделяет три основных типа каламбура. Используя данную классификацию, мы попытаемся дифференцировать анализируемые в данной статье примеры из публицистических текстов следующим образом:

I. Каламбур „соседи”. Этот тип каламбура основан на простом суммировании созвучных или сходных по смыслу слов. В данном случае, обыгрываемые слова „мирно сосуществуют”, т.е. ни один из смыслов не заменяет другой. В каламбурах этого типа редко присутствует богатый добавочный смысл, а степень удачности самого каламбура прежде всего зависит от его „технической сложности”, например: „Если хочешь выглядеть молодой и стройной - держись поближе к старым и толстым” [Комсомольская правда 21.3.2011];

II. Каламбур „маска” предполагает „резкое столкновение смысла” обыгрываемых слов или фраз, при котором первоначальное понимание неожиданно заменяется другим. В таком случае, отношения между частями каламбуров могут быть построены на основе следующих стилистических приемов:

а/ на эффекте „обманутого ожидания”, когда обычное явление, кажущееся естественным на первый взгляд, „демаскируется” как абсурд или ошибка: „Чисто прибранная квартира и вкусный ужин - два признака неисправного компьютера”; „Ничто так не снимает

сонливость, как чашечка крепкого, сладкого, горячего кофе, пролитого на ЖИВОТ!” [Комсомольская правда 21.3.2011];

б/ на эффекте „комического шока”, когда необычное или абсурдное становится вполне понятным и логичным: „Если перхоть двигается, значит это вши” [Комсомольская правда 21.3.2011].

III. Каламбур „семья” характеризуется тем, что обыгрываемые смыслы (как и в „маске”) резко сталкиваются, но нет победителя, ни один из смыслов не отменяет другой.

Следует отметить, что В. Санников относит к этому типу и трансформации клишированных выражений, известных цитат, крылатых фраз, пословиц, поговорок, стихов и песен, поскольку понимание таких фраз предполагает знание их прототипов: „Все, что не делается, делается в Китае...” [Комсомольская правда 21.3.2011]; „Страна восходящего стронция” [Экспресс газета 18.4.2011].

Несомненно, воздействующий потенциал каламбуров типа „маска „ и „семья” намного больше, чем у каламбура „соседи”, так как они основаны на столкновении смыслов, а, значит, в большей степени драматизированы.

Анализируя стилистические функции каламбура, следует отметить, что в целом данный вид ЯИ выполняет те же стилистические функции, что и словесная игра. Пытаясь уточнить данный факт, можно обратиться к перечисленным Т.Г. Гридиной стилистическим функциям ЯИ, а именно: к фатической или контактоутанавливающей, эвритической, гедонистической, тренировочной, эвфемистической, релаксационной.

2. Окказиональные слова.

Одним из проявлений ЯИ на словообразовательном уровне является образование окказиональных слов. Как указывает Л. Цонева, словесная игра чаще всего проявляется в „выдумывании”, „сочинении” новых, незнакомых, в большинстве случаев „смешных” языковых единиц – на первом месте лексических, а также морфологических и синтаксических” [Цонева 2000: 48].

Тема окказиональности до сих пор недостаточно разрабатывалась лингвистами, которые отдавали предпочтение скорее языковым узуальным явлениям в своих исследованиях. Окказионализмы – явление речевое, проявление индивидуального

словотворчества и словоупотребления, они „показывают, на что способен язык при порождении новых слов, каковы его творческие потенции, глубинные силы” [Земская 1992: 180]. По традиционному определению, – это слова „однодневки”, создаваемые в момент речи, „по случаю”, контекстуально зависимые, некодифицированные [Лыков 1976: 71].

Большая часть окказиональных слов создается по аналогии с созданием узуальных слов, по давно сложившимся законам в языке, а именно: используются уже существующие слова и система словообразовательных средств, например:

окказиональные слова с суффиксом “-ация”: обамизация, медведевизация, макдональдизация;

окказиональные слова с суффиксом “-изм”: ельцинизм, зюганизм, путинизм;

окказиональные слова на “-цы”: жириновцы, майкрософтовцы, чубайсовцы, камазовцы, лимоновцы, алексеевцы;

окказиональные слова на “-ка”: андроновка;

окказиональные слова, образованные при помощи вкрапления, добавления букв, например: „Без плагиМата” [Московский комсомолец 13.03.2011]; „Полковник Путин провел штабные мучения” [Коммерсантъ 13.03.2011].

Окказиональные слова всегда характеризуются экспрессивностью, которая появляется вследствие нарушения языковой нормы. Окказионализмы не „называют”, а выражают оценку, отношение, которое в большинстве случаев оказывается негативным, например: „Путин и Медведев **схлестнулись** из-за Ливии” - о том, как западная пресса пытается понять, насколько серьезны противоречия между Путиным и Медведевым по вопросу о военной операции в Ливии [Коммерсантъ 22.03.2011].

Очень часто окказиональные слова выражают стремление к творчеству, к инновации, к новому в языке, к созданию оригинальных, незнакомых языковых единиц. Современные окказионализмы демонстрируют неисчерпаемые возможности языка, они более насыщены по смыслу и эмоциональной выразительности, чем нейтральные языковые средства, вот почему возрастает их активность и в публицистическом стиле.

Л. Цонева в книге „Езиковата игра в съвременната публицистика” выделяет основные и характерные способы создания окказиональных слов. Анализируя игровой словесный материал из текстов современной публицистики и используя данную классификацию, мы дифференцируем различные способы словообразования при создании окказионализмов следующим образом:

а/ *аффиксация*, т.е. образование новых слов при помощи уже существующих слов и системы префиксально-суффиксальных средств, например: „**Лимоновцев** отделили от **алексеевцев**” [Комсомольская правда 31.01.2011]; „**Мусоризация** страны” [Московский комсомолец 31.03.2011];

б/ *композиция* как способ образования сложных слов путем соединения двух (реже трех) мотивирующих основ в одно целое, например: „Шатровое **бомбометание**” - статья о военной операции против режима М. Каддафи [Коммерсант 22.03.2011]; „**Единороссы** будут бороться за...” [Комсомольская правда 11.01.2011]; „Телевизионные **вострословы** обсуждают новости” [Комсомольская правда 10.02.2011]; „**Путанокрация** в опасности” о скандале вокруг премьер-министра Сильвио Берлускони [Московский комсомолец 23.03.2011]; „Депутаты проявили **единомэрие**” о выборе нового мэра в Перми [Коммерсантъ 24.03.2011]; „**Тапкозакидательские** настроения” о том, как бельгийские социальные работники проголосовали ботинками против отсутствия работы [Труд 30.03.2011];

в/ *контаминация*, т.е. объединение двух слов или частей этих слов, при котором создается третье - окказиональное слово, например: демократура, путиномика, горбостройка. Некоторые ученые относят контаминацию как продуктивную и частотную разновидность словообразования „к явно искусственным”, если она намерена, или к „патологическим”, если она бессознательна, способам номинации” [Журавлев 1982: 86];

г/ *аббревиация*, которая в публицистическом стиле отличается особой экспрессией. Языковая игра в процессе создания аббревиации – полифункциональна, например: „Ща как **ДАМ!**”, где ДАМ является инициалами Дмитрия Анатольевича Медведева [Московский

комсомолец 23.03.2011]; **ВВП** – инициалы Владимира Владимировича Путина – это аббревиация, обыгрываемая довольно часто, как, например:

Вести Верную Политику;

Встанем Вспашем Посеем;

Всегда Везде Первый и др.

Как отмечают исследователи, в публицистическом стиле в последние годы значительно расширился арсенал игровых средств аббревиации. К игровой расшифровке аббревиатур добавился способ двойной мотивации, а также графические игры с прописной буквой, использованием латиницы и других графических средств (акростиха, точки, исправления, надстрочного знака), обыгрывание от аббревиатурных производных [Стахеева 2008: 11].

3. Окказиональные словосочетания.

Не менее частотной формой проявления ЯИ является создание окказиональных словосочетаний, в которых нарушается „нормальная”, узувальная сочетаемость и игнорируются синтаксические и/или семантические отношения языковых единиц. Такое игровое нарушение семантической и лексико-семантической сочетаемости довольно активно используется в современной публицистике. На основе словесной игры вместо привычных словосочетаний создаются „новые”, „невозможные” сочетания слов.

Примером такой формы языковой игры на семантическом уровне служит оксиморон, возникающий на основе игры с несовместимыми элементами (от греч. охутого – остроумно-глупое). В лингвистических исследованиях понятию „оксиморон” приводятся различные определения. Чаще всего его дефинируют как сочетание слов с противоположным значением, называющих несовместимые или взаимоисключающиеся понятия [Розенталь 1974, Павлович 1979, Бояджиев 1986, Цонева 2000]. Приведем некоторые примеры окказиональных словосочетаний из текстов современной публицистики: „С „холодом” в Москве будет горячо” - об исчезновении кондиционеров [Московский комсомолец 23.03.2011]; „Живые, но мертвые” - о детских домах-интернатах [Московский комсомолец 25.03.2011].

Исследователи выделяют следующие типы оксиморонов на основе создания творческой, нестандартной сочетаемости слов:

- а) сочетаемость наречий с существительными;
- б) субстантивные словосочетания с префиксально-аффиксальными наречиями типа „по-русски”;
- в) игровое столкновение лексических единиц различных стилей в рамках субстантивно-адвербиальной конструкции;
- г) расширение синтаксического потенциала переходных и непереходных глаголов.

4. Метафоры.

Метафора является традиционным игровым лингвистическим средством, построенным на двуплановости содержания. Обычно метафора встречается там, где появляется новая интрига, когда в языке возникает что-то новое, ранее не сказанное, не выраженное, создающее аналогию или сходство между совсем различными объектами, которые неожиданно оказываются близкими. В публицистических текстах метафора используется очень часто, благодаря своей образности, двуплановости, суггестивности, а также сочетанию номинативной и эстетической функции. Метафора тесно связана с контекстным окружением, и чем дальше друг от друга стоят семантические поля сопоставляемых слов, тем ярче и сильнее метафора.

Метафора (от др.-греч. – „перенос”, „переносное значение”) – это фигура речи, основанная на принципе сходства. Метафоры определяются исследователями как нестандартный перенос значения, как использование существующих в системе языка слов, называющих определенные предметы и явления, для названия других предметов и явлений, связанных с первыми каким-нибудь сходством, аналогией (внешней, внутренней или же функциональной). В основе метафоры лежит параллелизм основного и переносного значений. Метафора рассматривается Н.Д. Арутюновой, как вид семантической неправильности, которая возникает в результате так называемого „нарочного” игрового нарушения закономерностей смыслового соединения слов [Арутюнова 1979:147].

В современных публицистических текстах, как показывают результаты нашего анализа, важное место занимает метафорическое

употребление слов, происходящих из сферы медицины, например: „Каддафи может уйти в отставку путем ухода в кому” [Комсомольская правда 21.03.2011]; „У властей плохие анализы” [Московский комсомолец 29.03.2011]; „Депозитная лихорадка” [Коммерсантъ 28.03.2011]; „Противобюджетная операция” [Коммерсантъ 28.03.2011].

В исследуемых нами контекстах из газет и журналов активно используется метафорическая и военная лексика, например: „Бомбардировки по нормам” [Московский комсомолец 25.03.2011]; „Бой полковника с тенью” [Известия 2.04.2011]; „Генералы стиральных машин” [Известия 2.04.2011]; „Война не на жизнь, а на нефть” [Коммерсантъ 31.03.2011]; „Мир хижинам, война дверям” [Московский комсомолец 13.03.2011].

Достойное место в текстах современной прессы занимают метафоры, построенные на обыгрывании театральной лексики, например: „Сама себе театр” - об актрисе Л. Гурченко [Московский комсомолец 1.04.2011].

В газетах не редки случаи использования метафорической лексики, связанной с темой „движение”, например: „Трамвай желанный” о закупке импортных трамваев [Известия 30.3.2011]; „Москвичи проехали по городу ... на яхте” [Комсомольская правда 1.04.2011].

Часто в публицистическом стиле встречается метафорическая спортивная лексика, например: „Прокуратура наносит ответный удар” [Московский комсомолец 31.03.2011].

Немало примеров использования конкретных существительных, называющих предметы и явления живой и неживой природы, например: „Жадность чиновников дала всходы весной” [Московский комсомолец 25.03.2011]; „Садовое кольцо может стать „золотым”- о замене асфальта плиткой [Московский комсомолец 26.03.2011].

5. Фразеологизмы.

В современной лингвистике пока нет общепринятого понимания и общепринятой классификации фразеологизмов, однако большинством лингвистов фразеологизмы или фразеологические единицы (ФЕ) понимаются как семантически связанные

словосочетания или предложения, которые воспроизводятся в речи в зафиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава.

В современной публицистике констатируется активное функционирование фразеологизмов и особенно т. н. „прецедентных текстов” (текста в тексте). Они употребляются как в исходной, так и в измененной форме, т. е. окказиональной. Изменяя фразеологизм, трансформируя его, журналисты пытаются вернуть ему образность, освежить его и осовременить в связи с изменениями в обществе.

Трансформации подвергаются следующие фразеологически связанные словосочетания: идиоматические выражения, пословицы и поговорки, крылатые выражения. Трансформируются также названия художественных произведений и кинофильмов, строки из стихотворений и песен, цитаты из книг, лозунги, девизы, призывы, высказывания политиков и известных личностей, библеизмы, рекламные тексты. С целью использования ЯИ окказиональные фразеологизмы чаще всего употребляются в заглавиях современных газет и в рекламных текстах.

На основе анализируемого материала следует отметить, что при создании ЯИ фразеологизмы трансформируются путем изменения их структуры или их семантики. Например, для достижения юмористического эффекта происходят следующие изменения в структуре фразеологизма: а/ расширение или сокращение его состава, например: „**Пьяному** теракт **по колено**” [Московский комсомолец 20.08.2011]; б/ замена одного из компонентов другим, например: „Австралия: **не подмажешь, но поедешь**”, статья о том, что в Австралии нет коррупции [АиФ 09.10.2011]; в/ контаминация двух фразеологизмов.

Семантические трансформации ФЕ намного сложнее. В них сталкиваются различные значения, и это дает нам основание отнести их также и к каламбуру. Семантическая двусмысленность / двуплановость ФЕ происходит от того, что, с одной стороны, – это целое, устойчивое, нераздельное сочетание, а с другой, – свободное.

6. Цитирование.

Цитирование как игровой элемент в лингвистических разработках используется для распространения широко известных

текстов. Поставленная в новый, необычный для нее контекст, цитата кардинально меняет свой смысл, чем производит комический эффект, достигая, таким образом, целей словесной игры. В широком плане цитацию часто объединяют с аллюзией – ссылками на „эпизоды, имена, названия и т.д. мифологического, исторического или собственно литературного характера” [Походня 1989: 48].

Цитация – это использование в публицистическом тексте элементов из другого, ранее знакомого читателю или слушателю художественного или публицистического текста. Очень часто неточное и вольное употребление цитаты может обеспечить созданному материалу комический эффект.

Анализ примеров из публицистических текстов показывает, что ЯИ создается путем следующих трансформаций цитат:

а) расширения, например: „Грачи прилетели! Но могут еще передумать” [Комсомольская правда 28.02.2011]; „Карта прокуроров не бита” [Коммерсантъ 22.03.2011];

б) вкрапления множественного числа, например: „Что ищут они в стране далекой” - о военном конфликте в Ливии, ср.: „Что ищет он в стране далекой?” [Труд 22.03.2011];

в) замены элементов другими, актуальными для нового текста, например: „Постой, самолет, не шумите турбины...” - ср.: „Постой паровоз, не стучите колеса...” - о запрете шумных лайнеров в аэропорту „Внуково” [Комсомольская правда 28.02.2011]; „Банки смягчают условия. Брать или не брать?” - ср.: „Быть или не быть?” [Комсомольская правда 24.03.2011]; „Бел воротник, да дорог” – о показе американского сериала „Белый воротник” - ср.: „Мал золотник, да дорог” [Комсомольская правда 23.03.2011]; „Язык твой – враг мой!” - о запрете песен на русском языке в Грузии, ср.: „Язык мой - враг мой!” [Комсомольская правда 28.01.2011]; „Арчилом общим не измерить” - об актере Арчиле Гомиашвили, ср.: „Аршином не измерить” [Московский комсомолец 23.03.2011]; „Центр выводят на чистые роды” - о достройке объекта до раскрытия уголовного дела, ср.: „Вывести на чистую воду” [Коммерсантъ 23.03.2011];

г) обыгрывания аббревиатур; таким трансформациям подвергаются цитаты из различных источников: из художественных, публицистических, библейских, евангельских текстов, лозунгов,

крылатых выражений, афоризмов, песен, фильмов, телевизионных передач.

7. Игра графикой.

Это экстралингвистическое средство достижения экспрессивности также является игровой формой, которая не может существовать вне письменной речи. Графическое выделение частей слов, слов или целых частей текста происходит различными визуальными способами в публицистических текстах, например: обозначение другим цветом, курсором, крупным шрифтом и др. Игра графикой является единственным экстралингвистическим приемом ЯИ, который активно участвует в газетных текстах, например: „У Бога обнаруЖЕНА” - у общего Бога всех христиан, мусульман и иудеев была жена, богиня плодородия [Московский комсомолец 22.03.2011]; “уДачных выходных!” - рубрика газеты Комсомольская правда про дачу; “С цветами не МАЙтесь” – статья о том, что последние весенние цветы расцветают в мае [Комсомольская правда 30.04.2011]; „История великого обМММана” – о фильме „ПираМММида” [Известия 30.03.2011].

Игра графикой используется для создания каламбурного эффекта, создания окказиональных слов или при создании омографов.

8. Эквилибристика.

Д.Н. Рубина в своей книге „Больно только когда смеюсь” упоминает еще об одном юмористическом эффекте при создании словесной игры – эквилибристике, т.е. „переворачивании смыслов”. Автор книги описывает случай с известным режиссером Сергеем Параджановым, который, будучи за границей, „красовался” на торжественном приеме в джинсах и свитере, вместо обязательного традиционного смокинга, предварительно повесив себе на грудь табличку: “ноу смокинг” [Рубина 2008: 155].

В Комсомольской правде от 14.03.2011г, в статье „Расчесавшийся Бахрейн” рассказывается следующий анекдот:

- Что-то меня Гондурас беспокоит, - жаловался один собеседник другому.

- Не чеши его! - следовал ответ.

Этот анекдот в 80-е годы стал примером неповторимой юмористической образности русского языка.

Итак, рассматривая лингвостилистические особенности различных структурно-семантических типов ЯИ, следует отметить, что ЯИ - одна из самых оригинальных отличительных черт все активнее развивающегося в наши дни публицистического стиля. Данная многофункциональная языковая единица, усиливая экспрессивную выразительность публицистической речи и придавая ей ироническую, сатирическую или юмористическую окраску, проявляется на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом, „хотя и не всегда возможно отнести ту или иную игровую форму к определенному уровню” [Л. Цонева 2000: 159].

Анализируемые нами структурно-семантические типы ЯИ раскрывают потенциальные связи слов, создающие новые ассоциативные цепочки, что способствует повышенной активности восприятия информации. Стилистические приемы, на основе которых создаются различные структурно-семантические типы ЯИ, с одной стороны, определяются тенденцией к поискам нового в языке, к желанию создать оригинальные, прежде не использованные, остроумные языковые единицы, однако, с другой стороны, они обуславливают отступление от языковой нормы, „синтезирующее разговорную и книжную разновидности употребления языка” [Костомаров 2005: 218], а также создают намеренное нарушение языковых стандартов.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1979 - *Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора (Синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979.

Бельчиков 2004 – *Бельчиков Ю. А.* Публицистический стиль // Стилистика и литературное редактирование / под ред. В. И. Максимова. М., 2004.

БСЭ 1970 - *Большая Советская Энциклопедия* в 30 т., 3-е издание. М., 1970. Т.15.

БЭС 1991 – *Большой Энциклопедический Словарь.* М., 1991.

Витгенштейн 1994 - *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Избр. Философские работы. М., 1994, ч.1.

Влахов, Флорин 1980 - *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М., 1980

Земская 1992 - *Земская Е.А.*: Словообразование как деятельность. М., 1992.

Какорина 2000 – *Какорина Е. В.* Отражение социальной дифференциации русского языка в современной прессе // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000.

Костомаров 2005 – *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.

Лыков 1976 - *Лыков А.Г.* Окказиональное слово как лексическая единица речи // Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976.

Походня 1989 - *Походня С.И.* Языковые виды и средства реализации иронии. Киев, 1989.

Рубина 2008 - *Рубина Д.* Больно только когда смеюсь. М., 2008.

Санников 2002 - *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.

Скребнев 1975 - *Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1975.

Сметанина 2002 – *Сметанина С. И.* Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.). СПб, 2002.

Солганик 2000 - *Солганик Г. Я.* Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000.

Стахеева 2008 - *Стахеева А.В.* Аббревиация: словопроизводство и словотворчество. Ростов-на-Дону, 2008.

СЭСРЯ 2006 – *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006.

Цонева 2000 - *Цонева Л.М.* Езиковата игра в съвременната публицистика. Велико Търново, 2000.

Лилия Муллагалиева

ЭМПИРИЧЕСКОЕ КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX– НАЧАЛА XXI ВВ.

Конец XX – начало XXI века является периодом глобализации мира, распространения массовой культуры в противоположность национальной самобытности и индивидуальности. Данный процесс наиболее активно происходит в области онтологии языка как носителя духа и ментальности народов. В настоящее время ведётся научная дискуссия по вопросам возможных положительных и отрицательных последствий глобализации для нашей страны. При этом за пределами обсуждения остаётся сущность изменений, происходящих в бытии языка. Данное обстоятельство обусловлено интуитивностью, аспектностью наблюдений и устаревшими представлениями о стабильности и динамике языковых процессов.

В современном российском исследовательском сообществе, пожалуй, нет специалиста, который бы отрицал наличие изменений, происходящих в бытии языка. Однако никто из них не может доказательно обосновать сущность происходящих процессов на основании эмпирических наблюдений. Это связано с тем, что интуитивно и эмпирически наблюдаемые феномены недостаточны для индуктивных обобщений. Значительное препятствие для исследования составляет гипостазированность метафоры И. С. Тургенева «русский язык велик и могуч», опирающаяся в современных условиях лишь на произведения художественной литературы XIX века, богатство словаря и численность носителей русского языка. Попробуем осмыслить этот миф.

Пик богатства, разнообразия и художественной ценности русской литературы, способной оказать влияние на развитие языка и культуры, с очевидностью остался в XIX веке. XX век для русской литературы стал периодом критического спада, обусловленного волнами эмиграции писателей и поэтов за рубеж, затем репрессиями и господством идеологии. Постсоветский период стал временем развития низкопробной коммерческой литературы в условиях глубокого социально-экономического и культурного кризиса.

Это обстоятельство не могло не сказаться на словаре русского языкового бытия. Заметим, что в середине XIX века, на момент первых систематических наблюдений и исследований, английский язык насчитывал 250 тыс. слов, а русский язык около 150 тысяч. В настоящее время в английском языке зафиксировано более миллиона слов. Это означает, что если бы русский и английский языки развивались параллельно, то в русском языке в настоящее время должно было бы быть около 480 тыс. слов, а в самом последнем «Большом академическом словаре» 2004-2010 гг. фиксируется лишь 150 тысяч. Налицо значительное отставание в темпах увеличения численности элементов языка, приводящее к качественной отсталости, в условиях глобализации английского языка.

Численность говорящих в современных условиях не является главным фактором устойчивости языка. Гораздо более значимым должна считаться способность к динамичному расширению языкового пространства, увеличению количества и качества элементов в соответствии с изменяющимся социально-экономическим и политическим бытием. При этом заимствования готовых элементов языка из других языков необходимо определять в качестве компенсационного процесса, который свидетельствует об отставании.

Оценить устойчивость и развитие бытия языка можно на основе компаративного эмпирического исследования словарей XIX, XX и XXI вв. Для этого совершенно не обязательно анализировать и сравнивать все 150 тысяч слов. Это сверхтитаническая и во многом не показательная работа, так как элементы языка не равнозначны. Язык содержит союзы, частицы и предлоги и т.д., являющиеся словами, но не имеющие понятийного значения. Сами понятия также не тождественны по ценности, так как в своей номинативной функции они выражают разные по аксиологической значимости предметы. По этой причине целесообразно прибегнуть к методологии концептуализма, идущей от Дж. Локка.

Согласно данному подходу, бытие языка определяется всеми словами, но ключевое значение имеют концепты – понятия, укоренённые в мышлении на уровне архетипов, играющие ключевое значение в культуре, социальной, экономической и политической

сферах жизни и деятельности общества, выражающие дух народа. По выражению С. С. Неретиной, «каждый концепт показывает полное изменение конфигурации мира» [Неретина 1999]. Концепт имеет ту же онтологическую природу, что и понятие, однако сущность концепта состоит в том, что он аккумулирует культуру народа – носителя языка и имеет особую значимость для духовного бытия и ментальности общества. Концепт является объемным (многоуровневым) ментальным образованием, имеющим особую социальную и культурную значимость и отражающим знания и опыт народа об определенном фрагменте действительности в слове.

В этом контексте самостоятельное обоснование достаточного количества концептов для показательности анализа процессов в языке являлось бы титанической работой, на которую не хватило бы всей человеческой жизни. В словаре «Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации» [Муллагалиева 2006: 234] мне удалось описать и обосновать лишь небольшую их часть. По этой причине целесообразным оказалось прибегнуть к работе, проведенной научным и философским сообществом по обоснованию статуса концептов за отдельными понятиями. Дело в том, что в течение более чем двадцати лет в докторских и кандидатских диссертациях разные исследователи обосновали более 150 концептов. В обобщенном виде данная работа исследовательского сообщества представляет собой естественную предельно аргументированную, весьма ценную выборку, пригодную для любого компаративного изыскания. Воспользовавшись ею, результатами собственной работы по обоснованию концептов и работами наиболее авторитетного современного отечественного концептоведа – Ю. С. Степанова - была сформирована выборка в количестве 255 концептов русского языка. На этом завершился первый этап исследования.

Второй этап анализа связан с определением словообразовательной области концептов. При этом главной задачей являлось выявление слов, связанных с концептом единой корневой основой. Эта работа проводилась по наиболее крупному двухтомному «Словообразовательному словарю русского языка» под ред. А. Н. Тихонова, изданному в 2003 г. и насчитывающему 145 тыс. слов. В рамках данной работы была выявлена словарная область

каждого концепта, насчитывающего от 1 до 361 слова, связанных с концептом единой корневой основой.

Третий этап компаративного исследования состояния данных концептов проводился на основании академических словарей русского языка. Это обусловлено тем, что данные издания, с точки зрения современной науки, наиболее объективно отражают состояние языка и мышления на определенном историческом этапе развития общества. По выражению Н. Ю. Шведовой, «словарь разворачивает перед своим читателем картину мира так, как она существует в сознании носителей данного языка, причем эта картина словарем представляется в исторической перспективе... Погружаясь в мир слов, читатель открывает для себя живую картину общественных отношений, быта, национальных знаний и умений, представлений об окружающем мире, закрепившихся в народе социальных оценок и квалификации» [Шведова 1988: 162]. Однако во всей полноте отразить состояние бытия языка и мышления общества способен не каждый словарь. В настоящее время публикуется огромное количество словарей XIX, XX и начала XXI века, в которых часто имеет место субъективная выборка («Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и т.д.) или они охватывают предметную область бытия языка лишь аспективно («Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой).

По этой причине правильным было использовать в компаративном исследовании словари академического типа. В них помещаются материалы, полученные в результате системного эмпирического анализа, зафиксированные в употреблении в масштабах всей страны. Академической словарь, по выражению Л. В. Щербы, «это нормативный, описывающий лексическую систему данного языка; в нем не должно быть фактов, противоречащих современному употреблению» [Щерба 1974: 276]. Академическое издание «содержит научно выверенный текст и его различные варианты, комментарии и др. справочный аппарат» [БЭС]. Академическая лексикография при подходе к материалу традиционно отличается взвешенностью и определенной долей консерватизма. К созданию академического словаря привлекаются наиболее

авторитетные специалисты теоретической и практической лексикографии, которые трудятся над его разработкой десятилетиями, что обеспечивает высокое качество словаря, который является с момента своей публикации «фундаментом всех прочих лексикографических построений» [Козырев, Черняк 2004: 6]. Согласно И. Дымову, академический словарь – «это словарь-эталон, учитывающий употребления слов на протяжении последних двух столетий развития русского языка. Впоследствии ни один новый словарь русского языка, будь то словарь XIX века или словарь, показывающий те или иные исторические изменения в лексике русского языка, не может уже быть создан без учета достижений... академического словаря» [Дымов].

Появление в 1847 г. самого полного в истории России академического «Словаря церковно-славянского и русского языка» в 4-х т., составленного Вторым Отделением Императорской Академии Наук, под ред. А. Х. Востокова, насчитывающего более 110 тыс. слов, вызвало бурную реакцию научного сообщества. Заложенные в нём теоретико-методологические подходы и материалы явились основой для всей последующей традиции исследования бытия русского языка в 90-е гг. XIX века. Необходимо отметить, что в него были включены только слова, находящиеся в массовом употреблении, за его пределами осталась лексика от Ломоносова до Пушкина, полная заимствований и считавшаяся в то время новоязом. Следует отметить, что появление «Словаря церковно-славянского и русского языка» являлось закономерным этапом изменения вектора интересов элиты от подражания европейской культуре к осознанию собственной идентичности, происходившему под влиянием реформ министра образования С. С. Уварова. Данный период был ознаменован эпохой управляемых социально-экономических и политических трансформаций, стимулировавших развитие бытия русского языка и литературы.

Следующим по значимости должен был являться большой академический «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина, насчитывающий около 120 тыс. слов. Работа над данным изданием велась более семнадцати лет с 1948 г. по 1965 г. В

состав данного словаря было включено большое количество научных и политических терминов, не укоренённых в массовом употреблении и сознании. Данное издание носит скорее энциклопедический характер. В нём описывается в большей степени не само бытие русского языка, а предметы материального и духовного мира. Имея большое историческое значение, не составляющее, впрочем, ценности для нашего исследования, данное издание изначально создавалось в идеологических целях. При помещении материалов в этот словарь авторы руководствовались политической конъюнктурой, оставляя без внимания требования, предъявляемые исследованиям подобного формата. Например, в него включены понятия «партийный билет», «партгруппорг» и т.д. Методологический подход авторов, основанный на принципе партийности, привёл к интерференции (взаимодействию) противопоставляемых антагонистических политических систем и экспрессивной социальной окраске, проявляющейся в определении слов и иллюстрациях значений. Как писал один из авторов словаря Ф. П. Филин, «конечно, элементы историзма в нем имеются, причем представлены они шире, чем в четырехтомных словарях» [Филин 1963: 178]. По этой причине сущность данного словаря можно характеризовать в качестве политически-оценочного, что явилось главным фактором его непригодности для эмпирического исследования бытия русского языка.

Говоря о четырёхтомном словаре как о менее идеологизированном, Ф. П. Филин имел в виду «Словарь русского языка» под ред. А.П.Евгеньевой. Появление данного издания стало новой вехой в исследовании бытия языка. Работа, начатая коллективом исследователей по руководством А. П. Евгеньевой в 1953 году, продолжалась до 1981 года (2 редакция – в 1982 г.) и привела к появлению четырёхтомного академического словаря, в основе которого была та же словарная картотека, что и у авторов «Словаря современного русского литературного языка». В отличие от семнадцатитомного издания, четырёхтомный «Словарь русского языка» действительно содержит в себе значительно меньшее количество идеологизированных слов. Коллектив под руководством А. П. Евгеньевой стремился максимально следовать научной

методологии формирования материала. По этой причине словарный состав словаря в первом издании насчитывал всего лишь 82 тыс. слов и лишь во втором издании 1982 г. превысил 90 тыс. слов. Малый академический «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой вплоть до 2004 года оставался наиболее объективным и информативным источником, отражающим языковое бытие и мышление общества XX века. Данное обстоятельство явилось причиной включения этого словаря в наше исследование.

В 2004 г. коллектив авторов под руководством К. С. Горбачевича приступил к публикации нового «Большого академического словаря русского языка». Авторы словаря планируют включить в него около 150 тыс. слов. Данная работа пока не завершена. Исследователи издали лишь 13 томов до буквы «О» включительно из запланированных 30-ти.

По этой причине мне пришлось внести дополнительные поправки в своё компаративное исследование бытия русского языка. Они состоят в следующем:

- 1) сравнению подвергается словообразование в области концептов XIX и XX века в полном объёме;
- 2) сравнению подвергается словообразование в области концептов XIX, XX и XXI века от «А» до буквы «О» включительно.

Рабочей гипотезой эмпирического исследования являлся тезис о том, что словарное поле, образующееся вокруг концептов на основе единой корневой основы, по сравнению с XIX веком в XX и XXI веке сокращается. Данная гипотеза основана на собственных предварительных эмпирических наблюдениях, результаты которых совпали с гипотезой, высказанной М. Н. Эпштейном, утверждающим, что «наряду с депопуляцией страны происходит делексикация ее языка, обеднение словарного запаса... Самое тревожное - что исконно русские корни в XX веке замедлили и даже прекратили рост, и многие ветви оказались вырубленными» [Эпштейн 2006: 192].

Проведённое компаративное исследование состояния 255 концептов русского языка по словарям XIX и XX вв. выявило следующие показатели: по словарю 1847 г. область концептов составляла 8122 слова, а по словарю 1982 г. - 5062 слова. Таким образом, область словообразования концептов с 1847 г. по 1982 г.

сократилась на 3060 слов. Иными словами, каждый концепт в среднем утратил по 12 словообразований.

По словарям XIX, XX и XXI от «А» до буквы «О» компаративное исследование выявило преобладание тенденции сокращения количества словообразований, связанных с концептами единой корневой основой. По словарю 1847 г. словообразования составили 5206 слов, по словарю 1982 г. - 2694 слова, по словарю 2004-2010 г. - 3695 слов. Таким образом, область словообразования концептов по сравнению с 1847 г. в 1982 г. сократилась на 2512 слов, а с 1847 г. по 2004-2010 г. сократилась на 1511 слов. Таким образом, с 1847 г. до 1982 г. каждый концепт утратил в среднем 9,85 слова, с 1847 г. до 2004-2010 гг. каждый концепт утратил 5,92 слова. Полученные результаты не должны вводить исследователей в ложный оптимизм. Напомним, что словарь 1847 г составляет 110 тыс. слов; словарь 1982 г. составляет более 90 тыс. слов; словарь 2004-2010 г. подготовлен на 150 тыс. слов. Иными словами, по численности разница между словарями 1847 г. и 1982 г. не значительна и составляет всего 20 тыс. слов., а между словарями 1847 г., 1982 г. и 2004-2010 г. значительна и составляет соответственно 60 тыс. слов и 40 тыс. слов. Таким образом, складывается пропорция, в соответствии с которой область утраты словообразований концептов с 1982 по 2004-2010 гг. увеличилась почти в 2 раза от общей численности слов в словарях.

Наиболее серьезные потери понесли слова, называющие духовные концепты русской культуры (*бог, вера, воля, гостеприимство, дар, добро, дружба, закон, земля, зло, любовь, красота, мир, мысль, небо, родина, свет, сердце, слава, слово, страх, тьма, язык* и др.).

Проиллюстрируем сказанное результатами эмпирического исследования. Так, концепт „бог” в словаре 1847 г. вербализуется словами, образующими гнездо из 361 слова, в словаре 1982 г. - 41 слова, в словаре 2004-2010 г. – 58 слов. Концепт „добро” – соответственно 180 – 70 – 88 слов. Концепт „родина” в словаре 1847 г. насчитывал 238 слов, в словаре 1982 г. - 159. Наоборот, гнездо слова „война”, называющего негативный, разрушительный концепт культуры, значительно приросло: 19 слов в словаре 1847 г. и 34 слова

словаре 2004-2010 гг. (*военщина, военизировать, военно-воздушный, воен-инженер, военачальник, военка, военкоматовский, военкоровский, военно-исторический, военно-медицинский, военно-стратегический, военно-экономический, военно-патриотический, военнопленный* и т.д.). Единственно живое слово, обнаруженное нами среди новых слов, образующих поле духовного концепта, – *добротворчество* (концепт „добро”). Менее значительное сокращение у слов, называющих материальные концепты (*балалайка, двор, дерево, игра, империя, песня* и др.).

Бытие языка чутко реагирует на изменения в других сферах бытия российского общества. Социально-экономический кризис, увеличение бедности и нищеты в конце XX – начале XXI вв. отразились в расширении словарного поля отрицательных понятий „бездомность” (9 новых слов: *бездомник, бездомница, бездомничать, бездомничество, бездомовник, бездомовница, бездомовный, бездомовый, бездомье*) и „безотцовщина” (*безотцовщина, безотцовский, детдом, детдомовец, детдомовский, детприемник*) и т.д. Исследователи отмечают угрожающие масштабы явления бездомности: «Общая численность бездомных в стране в отечественной литературе определяется различными величинами: от 450–500 тысяч человек до 3,3 млн. человек, около 4 млн. человек, от 4 до 5 млн. человек» [Столыга 2009: 35]. Истоки «бездомности» или «безотцовщины» Е. О. Труфанова видит в феномене «протеанизма» (термины, введенные американским психиатром Р. Дж. Лифтоном). Р. Дж. Лифтон утверждает, что современный человек подобен Протею – божеству из древнегреческой мифологии, и «вынужден постоянно изменяться, его идентичность не может больше оставаться стабильной». Революция в средствах массовой информации, приведшая к взаимопроникновению культур, непрерывному обмену культурными ценностями приводит к тому, что «человек хочет он того или нет, становится «гражданином мира», и, находясь в своей культурной среде, он продолжает постоянно испытывать чужеродные социокультурные влияния извне» [Труфанова 2010: 19]. «Состояние глобального социального кризиса детерминирует ситуацию, когда в поисках стабилизации своей идентичности человек всегда ищет стабильность вне себя, на

которую он может ориентироваться» [Труфанова 2010: 20]. «Общественные и исторические кризисы приводят к тому, что у индивидов возникает конфликт между тем, кем они себя ощущают, и тем, какие ожидания в них вкладывает общество. Возникающее чувство «бездомности» может привести не только к трагическому исходу кризиса идентичности, так и привести к позитивному результату – когда человек отправляется на поиск нового «дома» [Труфанова 2010: 20]. Под «домом» Е. О. Труфанова понимает широкий спектр понятий – от просто географической смены места жительства до смены психологических настроок личности.

Итак, увеличение количества слов, образующих отрицательные понятия „бездомность” и „безотцовщина”, отражает негативные трансформации бытия российского общества: глубокий социальный и духовный кризис. Примечательно, что в словарь 2004-2010 гг. уже не вошли слова „детолюбивый, детолюбие”, отмеченные в словарях 1847 г. и 1982 г. Корень „любовь” исчез не только в словарном поле концепта „дитя”, но и концепта „брат”: исчезло 6 слов со значением „любовь” из поля концепта „брат” (*братолюбец, братолюбиво, братолюбивый, братолюбие, братолюбно, братолюбный*), отмеченных в «Словаре 1847 года». Из бытия русского языка исчезли слова, называющие негативные оценки ненависти одного брата к другому (*братоненавидение, братоненавистник, братоненавистница, братоненавистный*).

Наиболее ярким примером разрушения духовной основы бытия русского языка является увеличение словарного поля понятия „матерщина”. Если в словаре 1847 г. отмечено лишь 5 слов, называющих это явление, то в словаре 2004-2010 гг. - 22 новых слова со значением „материться”. В языке получили свое оформление тончайшие оттенки явления, что отразилось в таком продуктивном словообразовании: *матерщинник, матерщинница, матерщинный, матерщинничать, мат-перемат, матюг, матюгание, матюгать, матюгнуть, матюкать, матюкнуть, по-матерному* и т.д.

Разрушение мыслительной способности человека, искажение отечественного мышления знаменует трансформация слов, образующих поле концепта „мысль”. Из бытия языка исчезли слова *богомысленно, благомысленный, высокомысленный, гордомысленный,*

добромысленный и их производные (словарь 1847 г.). Зато появилось *безмыслие*, *мыслебоязнь* и *двоемыслие* (словарь 2004-2010 гг.).

Вместо создания необходимых для гармоничного воспроизводства общества положительных понятий в языковом бытии в словарных гнездах важнейших концептов русской культуры (дом, дитя, женщина) расширилось поле канцелярских советизмов (*домоуправление*, *домком*, *домостроевицина*, *деткор*, *деткоровский*, *детсад-ясли*, *женотдел*, *женотделка* и др.). Увеличение поля понятий „матерщина”, „война” и др. при одновременном сокращении поля концептов „любовь”, „добро”, „родина” и многих других важнейших концептов является показателем глубинных изменений в духовном бытии общества. По выражению Л. И. Михайловой, «в условиях кризисного общества, ломки политических и экономических отношений усиливаются динамические процессы во всех сферах, в том числе в социальной сфере, в которой происходит трансформация устоявшихся ценностей и норм жизнедеятельности человека» [Михайлова 2009: 8]. Из этого следует, что выявленные в настоящем исследовании примеры трансформации бытия языка являются маркером изменения ценностных ориентаций общества, разрушения традиционных ценностей, развития общества не по пути духовного развития и социальной гармонии, а в русле создания рыночной экономики, информатизации и технократизации без созидания и защиты духовных ценностей.

Согласно результатам эмпирического исследования, трансформации экономического, научно-технического бытия также вызвали изменения в бытии языка. Явления мирового и российского научно-технического прогресса дали увеличение словаря русского языка. Так, в поле концепта „звезда” появились слова *дозвездный*, *звездолёт*, *звездолётчик*, *звездоплаватель*, *звездоплавание*, *межзвёздный*. Возникли слова, связанные с открытием Луны: *лунит*, *лунник*, *лунодром*, *луномобиль*, *лунопроходец*, *лунотрясение*, *луноход* и др.

Достижения НТР также отмечают зафиксированные в словаре 1982 г. и словаре 2004-2010 гг. слова *домофон* (концепт „дом”), *автодорога*, *железнодорожный* и т.д. (концепт „дорога”), *игротека*, *игротехник* („игра”) и др. Очевидно, что этих слов в словаре 1847 г.

быть не могло. При этом подавляющее большинство слов, обозначающих новые явления науки и техники, образованы с помощью иностранных (англоязычных) корней: *фон, авто, мобиль, драм, техник* и т.д., что создает онтологическую зависимость бытия русского языка от бытия глобального английского языка. Подобные новообразования М. Н. Эпштейн называет «членистологиями», «поскольку они механически состоят из готовых частей» [Эпштейн 2006: 197] и лишь добавляют к значению слова значение приставки. Согласно философу, «эти новые слова поражают своей неживостью, механичностью, отсутствием малейшей языковой фантазии и творческой новизны. По своему значению они маргинальны, а по образованию – автоматичны. Ни одно не представляет движения мысли, какого-то нового образа или понятия» [Эпштейн 2006: 196].

Примечательно, что наиболее масштабно из бытия русского языка выпали слова с исконно русскими корнями: так словарное поле концепта „красота”, согласно «Словарю 1847 года», образовывали слова с корнями „благо”, „леп”, „песн”, „люб” и т.д.; из поля концепта „любовь” исчезли корни „мысл”, „глагол”, „глас”, „нрав”, „песен”, „разум”, „реч”, „слов”, „совет”, „твор”; из поля концепта „закон” исчезли слова с корнями „благо”, „блюсти”, „ясн”.

Если изучить источники прироста словарного запаса русского языка, зафиксированные в словаре 2004-2010 гг., можно обнаружить следующие тенденции: за полноценно новые слова, которые должны называть в сущности новые мысли, понятия, идеи и т.д., выдаются лексические словоформы, образуемые регулярным способом с помощью морфем (приставок и суффиксов). Так, поле концепта „зло”, согласно словарю 2004-2010 гг., по сравнению со словарем 1847 г., приросло словами *злыхатель, злыхательница, злыхательский, злыхательски, злыхательство, злыхательствовать* и др. Эти слова отличаются только морфологически – принадлежностью к разной части речи, при этом они называют одно и то же понятие „причинение зла”. Как отдельные, новые слова в словаре 2004-2010 гг. приводятся слова *красивее, красивей*, которые по сути являются лишь формами сравнительной степени сравнения.

Многokратное увеличение количества слов, согласно словарю 2004 -2010 гг., дают уменьшительно-ласкательные суффиксы и суффиксы со значением лица: *больнехонький, больнешенький* (концепт „болезнь”), *бороденка, бородища, бородушка* (концепт „борода”), *критик, критикан, критиканка, критиканиша, критикесса* (концепт „критика”) и т.д.

По сравнению со словарем 1847 г. поле концепта „медведь” в словаре 2004-2010 гг., казалось бы, обогатилось более чем в два раза (с 13 до 30), однако рассмотрение способов пополнения поля этого концепта иллюстрирует принцип механического увеличения объема словаря, а не обогащения его словами, несущими новые понятия и идеи. Так, показать прирост лексики языка призваны абсолютные синонимы: *медвежсватый, медвежсковатый, медведеобразный, медведеподобный*; слова с уменьшительными суффиксами: *медведик, медведина, медведиха, медведушка, медведюшка, медвежатинка, медвежатка, медвежище, медведко, медвежоночек, медвежатушки* и т.д. Идентичные тенденции прослеживаются во всех немногочисленных случаях увеличения словарного поля концепта в XX веке по сравнению с XIX веком (концепты „ангел”, „барыня”, „береза”, „быт”, „волк”, „книга” и др.). Наряду с синонимами *женофоб, женоненавистник*, в словаре 2004-2010 гг. сосуществуют абсолютные дуплеты: *женолюб и женолюбец* (концепт «женщина») и др.

Увеличение количества слов языка дают видовременные формы (*накупить, накупиться, накупать, накупаться*) и отрицательные словоформы (*красивый - некрасивый, некультурность, некультурный*), включение которых в словарь 2004-2010 гг. позволит его создателям по окончании публикации последнего тома действительно приблизиться к цифре в 150 тысяч слов. Иными словами, одно и тоже слово в словаре 2004-2010 гг. считается несколько раз. Однако корректность подмены новых слов «дутыми» словообразованиями, лексическими словоформами, принятая в отечественной лексикографии, не выдерживает критики. Представление о лексическом богатстве русского языка во многом основано на видовременных формах и уменьшительных суффиксах, которые утраивают, а часто и упятеряют количество слов,

официально приводимых в академических словарях. Показательно, что, по сути, в проективный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, насчитывающий более 200 тыс. слов, не включены слова с уменьшительными суффиксами.

Результаты эмпирического компаративного исследования бытия языка, осуществленного в рамках методологии концептуальной философии, выявили разнонаправленные тенденции в бытии языка. В них преобладают деструктивные трансформации русского языка под влиянием объективных и субъективных экономических, социальных, политических и культурных факторов. Очевидно, что богатство словаря, который преподносится некоторыми отечественными учеными как главный фактор устойчивости и могущества русского языка, создается искусственно за счет формального увеличения количества словоформ, а не словарного обогащения, пополнения новыми идеями, понятиями, смыслами.

Русский язык претерпевает становление в небытие, главным образом, потому, что в нем почти не образуются слова на основе исконно русских корней (кроме *отморозок, беспредел, париться* и др., образующих блатную лексику языка), а количество иностранных слов с каждым днем все возрастает. Область словообразования на основе концептов русского языка и культуры постепенно сокращается. Образующиеся лакуны – пустоты в языке - заполняются иностранными словами и выражениями, имеющими аналоги, точные эквиваленты в русском языке. Значительную опасность для сохранения устойчивости бытия русского языка представляют заимствования, которые размывают традиционные ценности и негативно воздействуют на аксиологический аспект языкового бытия (культ материального потребления). Итак, отсутствие словообразования на основе исконных корней при одновременном вытеснении слов родного языка иностранными терминами на периферию приводит к делексикации и, в конечном итоге, детерминирует становление бытия языка.

ЛИТЕРАТУРА

БЭС *Большой Энциклопедический Словарь*. URL : <http://www.slovarion.ru/2/192/204375.html> (дата обращения 25.02. 2010).

Дымов - *Дымов И.* Твердыня традиций. URL : <http://www.book-review.ru/news/news2818.html> (дата обращения 20.07.2010).

Козырев, Черняк 2004 - *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Русская лексикография: пособие для вузов. М., Дрофа, 2004.

Михайлова 2009 - *Михайлова Л. И.* Методологические подходы и логика мониторингового исследования социальной сферы российского общества // Социальная политика и социология. 2009, №1.

Муллагалиева 2006 - *Муллагалиева Л. К.* Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: словарь. Элективный курс 10-11 классы. М., 2006.

Неретина 1999 *Неретина С. С.* Тропы и концепты. М.: РАН, 1999. URL : <http://www.philosophy.ru/iphras/library/neretina.html> (дата обращения: 18.10.2010)

Степанов 1997 - *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Столыга 2009 - *Столыга И. А.* Социальные практики в работе с бездомными // Социальная политика и социология. 2009, № 1.

Тихонов 1985 - *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка в двух томах: Ок.145000 слов. М., 1985.

Труфанова 2010 - *Труфанова Е. О.* Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010, № 2.

Филин 1963 - *Филин Ф. П.* О новом толковом словаре русского языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXII. Вып. 3. М., 1963.

Шведова 1988 - *Шведова Н. Ю.* Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988.

Щерба 1974 - *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Эпштейн 2006 - *Эпштейн М. Н.* Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006, № 1.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ирина Захариева

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ЗАКАТНОМ РОМАНЕ ЮРИЯ НАГИБИНА

Юрий Нагибин (1920-1994) в конце восьмидесятых годов был награжден премией лучшего писателя Европы. Для него, обделенного знаками признания на родине, был исполнен значения уже сам по себе факт награждения за литературные труды. При этом на родине регулярно издавались книги рассказов и повестей Нагибина, а на экранах демонстрировались фильмы по его сценариям.

В последнее пятилетие своего земного бытия он планировал создание серии книг автобиографического, исповедального содержания. Издатель последних нагибинских произведений Александр Рекемчук высказал предположение, что если бы замысел был осуществлен, русская литература обогатилась бы “сводом романов”, сопоставимым с циклом Марселя Пруста “В поисках утраченного времени”. [Нагибин 1996: 546]

Серия автобиографических вещей была начата повестями “Тьма в конце туннеля” и “Моя золотая теща”. Далее последовал прощальный, как оказалось, роман “Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя. История одной любви”. По рассказу журналистки Марины Гениной, автор вслед за ней “вычитывал до конца” текст накануне передачи в печать. 17 июня 1994 года он окончил чтение, “поставил последнюю в жизни точку ... и уснул, очень усталый и, наверное, очень счастливый... И не проснулся”. [Нагибин 1996: 540].

В пору отмеченного критикой интереса к постмодернистской прозе поздний Нагибин погружался в собственные воспоминания пережитого, возможно, бессознательно игнорируя прокламируемую культуру и поэтику постмодернизма.

Из прозаиков более молодого поколения он выделял Сергея Довлатова (1941-1990). Несмотря на то что по возрасту Довлатов

принадлежал к “шестидесятникам”, его деятельность была заторможена советской цензурой, и основные произведения публиковались в 1980-х годах в США.

Нагибин присматривался к манере Довлатова, и ход его размышлений был таков: создается впечатление, что писатель “насквозь ... автобиографичен”, но если любую его повесть воспринять как “фрагмент жизни автора”, то при “сложении” фрагментов не получится единой картины, потому что воспоминание в его текстах – это “творческий акт”. [Нагибин 1996: 437 - 438]

Таким развернутым воспоминанием пережитого и перечувствованного на фоне трех общественных эпох занимался и Юрий Нагибин в своем романе. Психологический подход к избранной теме оговаривался текстуально: “... я пишу ... о жизни человеческого сердца” [Нагибин 1996: 417].

Получал авторскую мотивировку и *метаприем* использования литературных реминисценций в романе: “Я насквозь литературный человек. Книжных героев я воспринимаю как живых людей, ... нахожусь с ними в постоянном обмене, диалоге, споре... Пытаюсь разобраться в собственных обстоятельствах, я редко обращаюсь к жизненным примерам, предпочитая литературу” [Нагибин 1996: 521].

Уточним и причастное к заглавию понятие, проясняющее целенаправленность нашего анализа.

Под термином реминисценция (лат. *reminiscentia*) подразумевается в данном случае сопоставление на основе возникающей в сознании пишущего ассоциации с тем, что уже существует в литературных текстах. [Богданов 1993: 323].

В избранной теме мы сталкиваемся с усложненной ситуацией, организованной автором.

С одной стороны, поздний Нагибин *самовыражается* не через вымышленные образы, а от своего имени, показывая намерение устранить дистанцию между собой и читателем. Но тайники своего сознания и подсознания он обнаруживает посредством реминисцентных уподоблений. Избрана *опосредствованная* форма обобщенности и зашифровки.

Казалось бы, литературная топография дополнительно консервирует запечатленную картину, однако Нагибин сталкивает

литературность с обыденностью; его жизнеощущение не выходит за рамки житейских координат, а самоирония помогает сохранить непосредственность связи с реципиентом.

Как новеллист с многолетним стажем он чувствителен к развитию сюжета, мастерски оперирует коллизиями психологического естества, что помогает ему удерживать читателя в перманентном состоянии заинтересованности.

Понаблюдаем и осмыслим результативность использования реминисценций в качестве метаприема в автобиографическом исповедальном романе.

Заглавие предлагает модель на паратекстовом уровне, где уже заявлено о подключении частной любовной истории к мировому литературному опыту. Заявлено и о растворении событий интимной жизни автора в непреодолимых противоречиях эпохи, сегментированной в трех общественных этапах. В тексте обозначенные этапы синтезированы. Значительная часть жизни автора проходит в послевоенной фантастмагории с “врачами–отравителями” и “разгромами лучших писателей и музыкантов”; последовавшая затем хрущевская “оттепель” второй половины пятидесятых годов в изменившихся условиях была истолкована идеологами как “волюнтаризм буйного Никиты”, а брежневский *застой* конца шестидесятых годов для автора связан с событием *разрыва* многолетней любовной связи: “С приходом эпохи застоя расстались Дафнис и Хлоя” [Нагибин 1996: 489-490].

Как объяснял романист свое затянувшееся прощание с “первой любовью”, личная тема обременяла его память из-за тревожного ощущения *незавершенности* любовного сюжета: это “решающе важное” душевное переживание так и оставалось “до конца ... не понятным” [там же: 283].

Попытаемся развернуть линию реминисцентных соответствий в воспоминаниях Нагибина - по мере возможности - в их хронологической последовательности.

Встреча российских Дафниса и Хлои происходит летом 1938 года в Коктебеле - месте, связанном с именем Максимилиана Волошина.

По эскизам поэта и художника построили “Дом поэта”, ставший Домом отдыха для писателей. Волошин умер в 1932 году, а часть дома сохранила за собой его вдова Мария Степановна. “Наследники волошинского духа” каждый сезон совершали нашествие на землю своего кумира. Они сохраняли ритуалы и манеру общения знаменитых друзей Волошина, гостивших в Коктебеле. Отдельно существовали *обычные* отдыхающие литераторы – в другом помещении дома отдыха.

В обстановке, пропитанной токами литературы прошлого, 18-летний Юра Нагибин встретил 20-летнюю Дашу Гербет. Вымышленные имена любимой и ее родителей были предпочтены из-за сугубо *обывовленного* отношения к ним автора. В романе родители именуется: Август Гербет и Анна Михайловна. На самом деле это близкие друзья Бориса Пастернака и Генриха Нейгауза – теоретик эстетической философии Валентин Фердинандович Асмус (1894-1975) и его жена Ирина Сергеевна. Настоящее имя дочери Ирины Сергеевны (прототипа Даши) – Маша. Подчеркнем: и героиня, и Пастернак, как эпизодический персонаж, у него *приземлены*.

При подступе к теме романист вдохновлен мыслью: “Каждый человек творит свою мифологию, почти всегда она приходится на юность” [Нагибин 1996: 317].

Юношеские годы Нагибина протекали в литературной домашней среде. Иная по характеру литературная среда влияла на встреченную им девушку.

Отношения с любимой уже при своем зарождении изображаются в романе в стилизованной манере. В одну из первых прогулок с Дашей в парке они целуются под “дряхлым волошинским фонарем” на “трухлявой скамейке”, помнившей летучие “поцелуи Андрея Белого с какой-нибудь русалкой” [Нагибин 1996: 315].

Пытаясь понять, что же с ним произошло, автор обращается за помощью к “простым и мудрым словам Гете: очень легко полюбить ни за что, очень трудно – за что-нибудь” [Нагибин 1996: 316]. Так с самого начала сюжет ранней любви обретает *привкус* полужизненной – полулитературной истории.

Реминисцентное творчество Юрия Нагибина полузашифровано: он использует текстуальное наследство с поразительной свободой и ничем не регламентированной условностью, учитывая лишь претворение любого артефакта в собственном сознании.

Можно объяснить, почему упоминание имени Иоганна Вольфганга фон Гете соответствует начальной поре сближения Юрия и Даши.

При ознакомлении с романом Нагибина становится ясно, что им развиты два положения из книги “Разговоров” Эккермана с Гете /предисловие к русскому переводу книги написал Николай Вильмонт, принадлежавший к кругу В.Асмуса/.

Романист 1990-х годов, отличавшийся влюбчивостью, напоминающей автора „Фауста”, приводит воспоминание пожилого Гете о *неповторимости* своей юношеской любви к Лили: “Она ведь была первой, кого я глубоко и по-настоящему любил. И последней тоже, ибо все последующие мои увлечения были лишь легкими и поверхностными в сравнении с этой первой любовью” [Эккерман 1981: 600].

Подобное же признание находим в нагибинском тексте. Романист *прочитывает* у Гете то, что сопоставимо с его собственным душевным опытом.

По-видимому, привлекает автора и высокая оценка “веймарским мудрецом” [там же: 319] поздневизантийского романа “Дафнис и Хлоя”: “Вкус, законченность, тонкость восприятия ставят его в один ряд с лучшим из того, что когда-либо создано в этом жанре”. Нагибин воспользовался заглавием и духом вечного романа.

“Дафнис и Хлоя” Лонга – древнегреческий любовный роман II-III веков н.э. – “прообраз “пасторальных романов”. Его юные герои, выросшие среди пастухов, отличаются максимальной степенью неведения в любовных делах. После того, как подростки увлеклись друг другом, им предстояло “пройти еще незнакомую им “науку любви”, и “последовательные этапы этого процесса, начиная от первого пробуждения неясных ... томлений”, что и составляет “содержание романа...” [Тронский 1988: 258].

В дальнейшем, в эпоху европейского Возрождения, развивающийся “пасторальный роман” учитывал архитектонику, атмосферу и эмоциональную наполненность “Дафниса и Хлои”. Юрий Нагибин актуализировал пасторальный жанр в конце XX века, обогащая его вторжением иронически окрашенного социопсихологизма.

Стилистика повествования об интимных отношениях героя с Дашей преследует цель *иронической имитации* “пасторального романа”: “Из буколического пастушка я превращался в фавна, сатира, объятая нечистым пламенем” [Нагибин 1996: 335].

Сталкивание контрастирующих стилевых рядов в произведении мы назвали авторским метаприемом. Избираем момент, когда герой испытывает неудовлетворенность от излишней сдержанности Даши. Для выражения чувства повествователя используются эротические строки из лирики Бориса Пастернака:

*Тяни, но не слишком,
Не рваться ж струе!..* [Нагибин 1966: 344].

“Даша перетянула, и струна лопнула” [там же: 344]. Свою измену герой объясняет, оперируя используемой метафорикой: “...Гера ... сыграла на этой струне с виртуозностью Паганини” [там же: 344]. Для визуализации факта измены в романе обыгрывается пастернаковский образ туго натянутой – и *лопнувшей* в случае с повествователем – струны.

Воспроизведем в полном виде выражение сексуальной неудовлетворенности из стихотворения Пастернака “Марбург” (1916), связанного с неудачным опытом ранней любви:

- мне больно, довольно, есть мера длине,
тяни, но не слишком, не рваться ж струне,
мне больно, довольно –
стенает во мне
Назревшее сердце, мой друг в матинэ... [Пастернак 1989: 491].

Совершая “обратный путь” к любимой, герой-повествователь использует образ из стихотворения М.Ю.Лермонтова “Утес” (1841): “Я вновь знал, что люблю только Дашу, а Гера – это тучка золотая, от которой не останется влажного следа в морщине старого утеса” [Нагибин 1996: 349].

Незакавыченные строки из стихотворения М.Ю.Лермонтова “Утес” видоизменены в романе в том смысле, что лермонтовский “старый утес” пережил влюбленность и потому продолжает помнить об отлетевшей “золотой тучке”: “...остался влажный след” в его “морщине”. [Лермонтов 1957: 69] Между тем нагибинский герой, в отличие от лермонтовского условного персонажа, признается в мимолетности своей чисто сексуальной связи со знакомой из Коктебеля, не породившей памятных эмоций.

Бытовой и литературный планы изложения в романе развиваются параллельно. Даша, привыкшая поступать так, как считала нужным ее мать (отталкивание от реально-бытового плана), начала томиться создавшимся положением, когда “скудный быт” торжествует над “праздником любви”, “советское убожество над прелестью Дафниса и Хлои” [Нагибин 1996: 366]; представление о бытовом существовании подкрепляется реминисцентной ассоциацией).

Физиологическое воссоединение персонажей современной пасторали подключается к тональности русской классической поэзии – совершается под строки А.С.Пушкина, обращенные к жене:

О, как милее ты, смиренница моя!
 О, как мучительно тобою счастлив я,
 Когда, склоняясь на долгие моления,
 Ты предаешься мне нежна без упоенья,
 Стыдливо-холодна, восторгу моему
 Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
 И оживляешься потом все боле, боле –
 И делишь наконец мой пламень поневоле! [Пушкин 1959: 347].

В сексуальных переживаниях автор ощущает в себе сходство с Пушкиным: “Мне близко пушкинское: “Насколько ты милей,

смиреница моя” даже без разделенного поневоле пламени” [с.379]. Получился прозаический пересказ стихов с задержанными в памяти характерными словосочетаниями.

Пушкинские строки - в сильно усеченном, но мысленно восстановленном виде, - становятся выразителями любовного опыта романиста.

Когда Даша пытается объяснить в любви Юрию, она читает ему стихотворение французского поэта Поля Верлена “Так брезжит день...” в переводе Бориса Пастернака: “...я хочу ... / Ввериться любви без умираний чистой / Именем над ней парящих добрых сил”; “Я пойду стезей тернистой ли, случится, / Иль дорога будет мшиста и мягка...” [Пастернак 1940: 382]. Даша выбирает это стихотворение, уточняя: “Это мое – о тебе” [там же: 382]. Намерение у нее было самое возвышенное, и чувство свое она задумывала надолго.

Но достаточно было случиться более продолжительной разлуке с Юрием в военное лихолетье, как – под нажимом матери – она приложила усилия к тому, чтобы в случае потери на войне мужа-кормильца не остаться без попечителя.

Мать Даши лепила супружескую жизнь дочери по своей модели: нужен был муж как ее собственный: муж – мальчик, муж – слуга, из жениных пажей. В этой точно переданной, хотя и не закавыченной автором фразе из комедии А.С.Грибоедова “Горе от ума” (1824) герой высокого плана Чацкий гипотетически конструирует идеал мужа для охладевшей к нему во время его отсутствия Софьи – покорного безликого супруга типа Молчалина.

Заметим, что большая часть текстовых ассоциаций вообще не оговаривается, а наличествует в романе как плод ассоциативного сознания автора. В отдельных случаях упоминаются: фамилия писателя, имена персонажей; и – за редким исключением – указывается заглавие произведения или уточняется нужная нарратору часть содержания.

При описании семейного праздника в доме Даши для обозначения новых поклонников жены вводится сравнение: “Женихи сидели прямые, “как выстрел из ружья” [Заболоцкий 1983: 428]. Образное сравнение взято из стихотворения Николая Заболоцкого 1928 года „Свадьба”. В его первом сборнике стихотворений

“Столбцы” (1929) описание семейного торжества вербализовано следующим образом: “Прямые лысые мужья / Сидят, как выстрел из ружья...”. [там же: 50] Романист выражает - посредством строк Заболоцкого - ироническую дистанцию авторского Я от изображаемого.

После развода с Дашей герой-повествователь испытывает “ностальгию по человеку” и усматривает максимальную точность выражения подобного чувства в стихе Бориса Пастернака, писавшего о близком умершем человеке с профессией музыканта и композитора: “Черты в две орлиных дуги несли на буксире квартиру, обрывки афиш и цветы и приторный запах эфира” [Пастернак 1989: 434]. Стихотворение “Упрек не успел потускнеть...” (1931) посвящено памяти умершего родственника Г.Нейгауза и входит в шестую книгу стихотворений Пастернака “Второе рождение” (1931). [там же: 416] Нагибин передает отрывок по памяти, не считаясь со знаками препинания. Женщина, по которой он тоскует, осталась вписанной в привычную домашнюю обстановку, составившую как бы часть дашиного облика. О подробностях обстановки говорят приводимые строки Пастернака.

Касаясь поворота в своей жизни после отдаления от Даши, автор привлекает повесть XVIII века “История кавалера да Грие и Манон Леско”, сделавшую известным ее автора Антуана-Франсуа Прево: герой “не только от заикленности на Манон и чистоты души не мог принять утешения от ее подруг, он думал, что у него ничего не получится. Профессионалка страсти вывела меня на путь греха, с которого я не сходил в ближайшие четверть века” [Нагибин 1996: 441].

Показателен выбор произведения, повлиявшего на развитие жанра европейского романа, где черты нагибинской героини проецируются на черты женщины древней профессии Манон Леско, предавшей любимого из страха перед потерей жизненной опоры. В дальнейшем герой жил, *физиологически* общаясь с Дашей, страдая от невозможности освободиться от “едучей памяти о ее предательстве” [Нагибин 1996: 504].

Стереотипно осложненная конфигурация любовно-дружеских отношений, задуманная не им, а Дашей, ассоциируется у Нагибина с

“Зимними заметками о летних впечатлениях” Ф.М.Достоевского: “Треугольник состоял из жены - очаровательной Мабиш, мужа Бри-Бри, доброго и снисходительного увальня, и любовника Гюстава, основное качество которого – благородство” [там же: 446]. Движимый страстью нагибинский герой предпочел факт крушения семьи вместо ее мнимого сохранения – отказался от лживой роли простодушного Бри-Бри, вынужденного терпеть присутствие благородного Гюстава. И в дальнейшем Даша, склонная к любовным играм, попыталась сделать из Юрия благородного Гюстава при своем втором муже. На какое-то время это ей удавалось. По поводу заимствованной из классического литературного источника расстановки участников “треугольника” автор уточнил: “Даша не читала этого произведения и не знала, что Достоевский уже все придумал за нее” [там же: 446].

Роль любовника в общении с “новой Дашей” на первых порах показалась ему более привлекательной, хотя герой-повествователь описывает новые отношения с бывшей женой в подчеркнuto *саморазоблачительной* манере, привычно скрываясь за именами тех, кто символизировал собой искусство: я буду “Левитаном и Пришвиным в одном лице. Природолюбец, певец природы, человек из глубины пейзажа” [там же: 493]. Поиски удобного места для тайного сношения приводят к описанию: “Я расстелил широким пастернаковским жестом свой пиджак в ширину. Даша опустилась на него” [там же: 495].

Относительно “поздно проснувшейся чувственности” Даши-любовницы, повествователь вновь обращается к упоминавшимся строкам из пушкинского стихотворения, обращенного к жене, и подтверждает свою верность идеалу “смирненницы”: “А на стоны и крики вакханки молодой ... с трудом удерживался от желания дать ей по морде” [там же: 505]. Обратим внимание и на повторяющийся нагибинский стилиевой прием: сталкивание возвышенного разговорного оборота классика с собственным вульгаризмом. Восстановим соответствующие строки из упоминавшегося стихотворения:

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,

Восторгом чувственным, безумством, иступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий! [Пушкин 1959: 347]

Повествователь мотивирует постоянство своих ощущений в отношении бывшей жены:

“Даша с ее морозным холодком была мне великой помощницей, а нынешняя активность мешала, тем более, что я угадывал не мое научение” [Нагибин 1996: 505]. Стихотворение Пушкина “Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...” в памяти Нагибина существовало как текст-откровение о собственном сексуальном опыте с первой женой.

Далее поворот в общей эмоциональной настроенности героя любовной истории движется по линии нескончаемой рефлексии в духе рефлектирующих героев русской литературы, таких, как Печорин из романа М.Ю.Лермонтова “Герой нашего времени” и Рудин из одноименного романа И.С.Тургенева.

Дружеский круг семьи Даши, вдохновляемый Пастернаком, во всем “старался дойти “до самой сути” [Нагибин 1996: 506]. Ассоциация рождается из стихотворения Бориса Пастернака, озаглавленного по первой строке:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте. [Пастернак 1989: 72].

Добраться “до самой сути” в осмыслении отношений с Дашей пытается и рефлектирующий герой-повествователь. Когда в одно из тайных свиданий на него “пахнуло невыносимым и жутким смрадом” – “смрадным духом измен, лжи”, он понял, что свою любовь они “осквернили” [Нагибин 1996: 513]. Пришло понимание того, что их заветным словам уже не “вернуться в музыку” [там же: 506]. Имелось в виду поэтическое выражение любимого им Осипа Мандельштама

раннего периода: “Останься пеной, Афродита, / И слово в музыку вернись”. [Мандельштам 1990: 71].

Литературной аналогией для окончательного разрыва отношений с Дашей явилось упоминание об “огненных письменах” [там же: 514] из библейской легенды о Валтасаре. В разгар пира последний вавилонский царь получил предсказание об угрожающей ему гибели. [Мифы народов мира 1987: 211].

Несмотря на то, что герой уподоблял себя Фредерику из романа Гюстава Флобера “Воспитание чувств”, а Дашу сравнивал с госпожой Арну, он замечал отличие сюжета его истории от французского романа 1869 года. Фредерик отказался от близости с любимой, боясь разочарования, а нагибинский герой *не мог отказаться* от Даши, уже потерявшей для него прежнее очарование.

Тем временем в собственных литературных произведениях он готовил мщение, создавая отталкивающий образ родительской семьи Даши: “...моя отомщевательная литература ... была отчаянной попыткой высвободиться из ловушки” [Нагибин 1996: 524]. И однажды обида перелилась через край, и Даша решилась на полный разрыв.

Любимый Нагибиным прозаик Андрей Платонов имел свой рецепт: “...излечиться от сердечной муки в одиночку нельзя, нужно лечиться другим человеком” [Нагибин 1996: 524].

Герой последовал этому рецепту. Жену Аллу, с которой писатель делил свою жизнь в последнюю “четверть века”, он назвал “верной ... Марковной”, подразумевая спутницу жизни протопопы Аввакума, автора “Жития, им самим написанного” (1675). Анастасия Марковна разделила полную невзгод и опасностей жизнь Аввакума, окончившуюся гибелью в Пустозерске, в земляном срубе.

С женой – помощницей и соучастницей его дел - герой нашел душевную умиротворенность, живя по собственному закону сердца, а не по чужому сценарию /как в случае с Дашей/. Образцом для себя он объявил “самую не романтическую и самую обязательную для каждого книгу на свете “Приключения Робинзона Крузо” [Нагибин 1996: 529]. Опять ссылка на произведение исполнена внутреннего смысла. Даниэль Дефо (1661-1731) – один из основоположников европейского реалистического романа эпохи Просвещения. В романе

видели “аналогию истории человечества в основных этапах развития”.[Литературно-библиографический справочник 1998: 93]. Образ Робинзона Крузо символизировал победителя в единоборстве с нескончаемыми испытаниями своей индивидуальной судьбы. Этим качеством он был особенно близок русскому писателю XX века.

Реминисцентный прием, развитый Нагибиным в автобиографическом романе, беллетризует документальную основу жанра, усиливая его фикциональную специфику, и способствует развитию качеств **интеллектуального романа с эротической тематикой** – симбиоз, интригующий образованных читателей.

Обнаружилась и неожиданная черта прозы Юрия Нагибина девяностых годов: у него проявилась *антипафосность*, стремление *заземлить* общую картину российской жизни, что наложило отпечаток и на тему первой любви.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов 1993 – *Богданов И.* Энциклопедичен речник на литературните термини. София, 1993.

Брюсов 1987 - *Брюсов В.* Сочинения в двух томах, т.1. Москва, 1987.

Заболоцкий 1983 – *Заболоцкий Н.* Собрание сочинений в трех томах, т.1. Москва, 1983.

Захариева 2008 – *Захариева И.* Аспекты формирования канона в русской литературе XX века. София, 2008. Электронный вариант статьи см. на сайте [www.russian.slavica.org / article 14378.html](http://www.russian.slavica.org/article/14378.html)

Лермонтов 1957 – *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений в четырех томах, т.1. Москва, 1957.

Мандельштам 1990 – *Мандельштам О.* Сочинения в двух томах, т.1. Москва, 1990.

Мифы народов мира 1987 – *Мифы народов мира.* Энциклопедия в двух томах, т.2. Москва, 1987.

Нагибин 1996 – *Нагибин Ю.* Тьма в конце туннеля. Москва, 1996.

Нагибин 1996 – *Нагибин Ю.* Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя. История одной любви”. Москва, 1996.

Основные произведения иностранной литературы 1998 – *Основные произведения иностранной литературы.* Литературно-библиографический справочник. Москва, 1998.

Пастернак 1940 – *Пастернак Б.* Избранные переводы. Москва, 1940.

Пастернак 1983 - *Пастернак Б.* Собрание сочинений в пяти томах, т.1. Москва, 1989.

Пастернак 1989 – *Пастернак Б.* Собрание сочинений в пяти томах, т.1. Москва, 1989.

Пастернак 1989 – *Пастернак Б.* Собрание сочинений в пяти томах, т.2. Москва, 1989.

Пушкин 1957 – *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в десяти томах, т.2. Москва, 1959.

Пушкин 1959 – *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в десяти томах, т.2. Москва, 1959.

Тронский 1988 – *Тронский И.М.* История античной литературы. Издание V, исправленное. Москва, 1988.

Эккерман 1981 – *Эккерман П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Москва, 1981.

Ангелина Вачева

В ПОИСКАХ КОМЕДИЙНОГО КАНОНА: „МОСКОВСКИЕ“ КОМЕДИИ ЕКАТЕРИНЫ II

В последнее время в литературной и культурной историографии России намечается тенденция, направленная на целостное осмысление литературного творчества Екатерины II, которое должно выявить его настоящее значение. Усилия ученых многих стран основываются на начавшейся с начала 90-х гг. XX века волне переиздания забытых почти на век текстов императрицы. "...Вряд ли нужно говорить о том, что в русском культурном (и литературном) процессе XVIII века творчество Екатерины Великой – вне всякой зависимости от внутренних достоинств ее произведений – занимает не маргинальное, а центральное место. Литературная критика XIX века и следовавшие ее предрассудкам советские литературоведы во главе с Гуковским были недальновидны и тенденциозны и могут без ущерба для дела преданы забвению. Сама вовлеченность императрицы в литературную деятельность придавала ей новый статус, превращая литератора в человека, причастного государственному устройству", - пишет В. М. Живов [Живов 2007: 251].

Бесспорно, наиболее комментированная часть литературного наследия Екатерины II - это ее драматургия: написанные ею исторические хроники, комедии, комические оперы. "Драматическое творчество Екатерины II имеет давнюю традицию изучения, восходящую к середине XIX в., однако первые монографические исследования о театре императрицы появились сравнительно недавно. Изучение драматического творчества Екатерины было (и остается) затруднено дефицитом документов и отсутствием важнейших фактических данных, касающихся, в частности, появления первых ее комедий", - констатирует А. Г. Евстратов, автор недавно защищенной диссертации [Евстратов 2009: 141].

За последние несколько лет в мире буквально наблюдается взрыв в научном интересе к пьесам императрицы как к наиболее популярной части ее творчества, оказавшей воздействие на культурный диалог в русском обществе ее эпохи. Драматургические

тексты Екатерины II анализируются как с точки зрения истории их создания (наличие или отсутствие автографов, проблемы соавторства, анонимной публикации, постановки и пр.), так и с точки зрения их поэтики [см. работы Moracchi; Костиной 1993; Гуськова 1996; Donnel O'Maley 2006; Евстратова 2009 и др.]. Особое внимание уделяется тому, как пьесы сиятельного автора вписывались в литературные и общественные дискуссии того времени, а также их связям с политическим дискурсом власти, адресованным как подданным, так и западноевропейской аудитории [Moracci 1996a&b; Moracci 2007a&b; Живов 2004; Клейн 2006; Клейн 2010; Зорин 2006; Евстратов 2009 и др.]. Большинство пьес императрицы сразу же после их постановки на сцене переводились на французский язык, а сюжеты и персонажи обсуждались автором в ее переписке с Вольтером, Гриммом, Дидро, д-ром Цимерманом.

Объектом внимания в настоящей статье являются три из первых пяти комедий Екатерины II, написанные, согласно ремарке в подзаглавии, в 1772 г. в Ярославле, во время чумы. Это наиболее известная комедия императрицы “О, время!”, а также “Именины г-жи Ворчалкиной” и “Г-жа Вестникова с семьей”. Поэтика этих произведений представляет интерес в контексте создания канона русской классической комедии, воспринимаемой прежде всего как жанр, имеющий серьезный общественный резонанс (так называемая “общественная комедия”). Этот процесс начался вскоре после утверждения жанра в системе жанров русского классицизма, в конце 60-х гг. XVIII века, переосмыслением проблематики, роли любовной интриги, типологии персонажей в первой оригинальной комедии Фонвизина “Бригадир” (1768).

Рассматриваемые пьесы представляют собой своеобразную трилогию. В первой и третьей есть общие действующие лица. Место действия - Москва, согласно ремарке в комедии “О, время!”, но по аналогии можно предположить, что оно одинаково и в остальных двух пьесах. Мистификация места написания пьес и положенность текстов в основные тенденции тогдашнего екатерининского политического дискурса подробно проанализированы А.Г. Евстратовым [Евстратов 2009: 141-204].

Все три комедии – это комедии нравов. По законам жанра сюжеты в них бытовые, действие всех трех пьес происходит в дворянской среде, соответственно в домах госпож Ханжахиной, Вестниковой и Ворчалкиной. Во всех трех пьесах рамкой сюжета служит любовная интрига. В пьесе “О, время!” речь идет о планируемой женитьбе дворянина Молокососова на внучке г-жи Ханжахиной, Христине, причем задача претендента состоит в преодолении сопротивления бабушки, которой вовсе не хочется отдавать полагающееся приданое. В “Г-же Вестниковой с семьей” интерес публики должны вызвать намерения Тратова жениться на дочери героини. В “Именинах г-жи Ворчалкиной” намечаются не одна, а даже две свадьбы дочерей хозяйки. Таким образом, Екатерина II соблюдает обычную комедийную практику классицистской драматургии, основывая свои пьесы на любовной интриге. Однако это только необходимый скелет жанра. Сразу же надо отметить, что производит впечатление нетрадиционное разыгрывание мотива любовных отношений персонажей. Главная цель автора - представить широкую и достоверную картину нравов русского дворянства, его слабостей и положительных черт. В этом отношении Екатерину II можно рассматривать как предшественницу реалистических тенденций. Многие представленные ею характеры неоднозначны и сочетают в себе как положительные, так и отрицательные черты.

Современные исследователи говорят о связях комедий императрицы с общей направленностью ее сатиры, заданной ее участием в сатирической журналистике эпохи [Живов 2007: 263]. Как известно, именно Екатерина II выступила инициатором возникновения русской сатирической журналистики в начале 1769 г. в стремлении диктовать общественное мнение. Тенденциозная манипуляция идей в идущем от престола просвещенческом дискурсе проявляется не только в пресловутом споре о сущности журнальной сатиры, но дает о себе знать также и в рассматриваемых текстах. В своих первых комедиях императрица высказывает многие дорогие ее сердцу идеи, некоторые из которых уже были реализованы на деле в ее правлении. Одновременно с этим она их пропагандирует в

выходящих под ее эгидой и при ее личном участии сатирических изданиях.

Русская императрица высоко ценила театр как средство сообщения публике актуальных посланий. Своей культурной политикой она предоставляла возможность также своим оппонентам выразить собственную точку зрения, сохраняя за собой право на решающее слово. Крылатым выражением стало ее высказывание: “Театр есть школа народная. Я – первый учитель в этой школе”. Именно с позиции “первого учителя” Екатерина обратилась к жанру комедии нравов в первой серии своих комедий.

По мнению В. М. Живова, важнейшей дискурсивной стратегией русской императрицы стала подмена смысла одного из важнейших посланий европейского Просвещения: верховенства закона над всеми, в том числе и над монархом [Живов 2007: 262]. Согласно ученому, Екатерине II было ближе послание Мармонтеля из романа “Велизарий” (впрочем, переведенный императрицей и ее ближайшим окружением на русский язык в 1768г.): обновление общества должно ожидать от стремящегося к добродетельной жизни монарха, независимо от степени участия в управлении государством порочной аристократии [Живов 2007: 262]. “Если законы не действуют без нравов, то важны не законы, а нравы. <...> Общество должно исправить свои нравы, и тогда придет черед говорить о законах. До тех пор, пока общество прозябает в пороках, оно должно критически смотреть на себя, а не на законодавца, и его претензии к власти не имеют оснований. С помощью этого нехитрого дискурсивного хода просвещенческая доктрина превращается в апологию существующего порядка. Стоит отметить, что это смещение фокуса на проблемы общественной морали характерно для всех “сатирических журналов” 1769-1774 гг., включая и журналы, издававшиеся Новиковым” [Живов 2007: 262]. Этот новый в литературной историографии взгляд на характер русской периодики рассматриваемого периода стал поводом и для нового терминологического обозначения изданий не как “сатирических”, а как “морализаторских” журналов [Gareth Jones 1984, Живов 2007, Клейн 2006, Клейн 2010, Donnels O’Maley 2006].

Итак, в трех упомянутых комедиях в контексте живого русского быта того времени высмеиваются дворянские нравы. В этом отношении Екатерина II следует начавшейся тенденции к переосмыслению поэтики жанра в творчестве участников кружка Елагина и прежде всего в известной пьесе Фонвизина. Вызывает интерес мнение Иоакима Клейна, который видит в императрице своего рода члена этого писательского общества, занимавшегося главным образом русификацией западной драматургии [Клейн 2010: 255]. Основание для подобных мнений дает помощь, которую Иван Перфильевич Елагин часто оказывал императрице, редактируя ее тексты [Мораччи 2002: 15]. В сущности, первую из пьес - “О, время!” - можно рассматривать как “склонение на русские нравы” известной комедии Геллерта “Богомолка”. Произведенную императрицей адаптацию подробно комментирует А. Г. Евстратов [Евстратов 2009].

В комедиях Екатерины II можно установить ряд общих черт с ранними русскими произведениями в этом жанре, прежде всего в творчестве Сумарокова. В пьесах этого автора 50-ых гг. отчетливо проявляются параллели с жанром стихотворной сатиры. Первые комедии Сумарокова представляют собой скорее драматизированную сатиру. В них на сцене чередуются персонажи, иллюстрировавшие тот или другой порок. Интрига только слегка намечена [Стенник 1980: 554-555]. Сама императрица пользуется этим приемом в своей четвертой пьесе, написанной в 1772 г., “Передняя знатного боярина”, в которой она буквально иллюстрирует досаду вельможи, вынужденного выслушивать одну за другой безосновательные и бессмысленные иногда просьбы всевозможных просителей. Что же касается анализируемых текстов, этот принцип, хотя и не столь ясно, дает о себе знать. В наибольшей степени он используется в “Именинах г-жи Ворчалкиной”, где в образах женихов представлены различные типы безответственного поведения дворян. Производит впечатление то, что драматург избегает определений большинства персонажей, которые на паратекстовом уровне в списке действующих лиц обозначены лишь фамилиями: Фирлюфюшков, Некопейков, Гремухин, Геркулов, Таларикин и пр. Связь с сатирой проявляется также в массовом использовании значащих имен, практика, в принципе характерная для поэтики комических

классицистских жанров, но широко применявшаяся именно школой Елагина (достаточно вспомнить Простакову со Скотининым из “Недоросля” Фонвизина, персонажи Лукина и пр.). Екатерина II особенно активно пользуется этим приемом. Не только ведущие героини снабжены такими именами - г-жа Ханжахина из “О, время!”, Ворчалкина из одноименной пьесы, Вестникова (имя которой в данном случае означает “сплетница”, “вестовщица”, - но также большая часть персонажей, и положительных, и отрицательных (Дремов, Спесов, Молокососов, Некопейков, Непустов и пр.). Еще в этих первых комедиях императрица проявляет свое стремление давать странные и очевидно придуманные имена некоторым героям. Эта практика будет развита ею в поздней группе ее комедий середины 80-х гг., в так называемых “масонских” комедиях. Для достижения комического эффекта она, по всей видимости, рассчитывала на звуковую сторону странной фамилии, например: Фирлюфюшков в “Именинах...” и Калифалкжерстон в “Шамане сибирском”. На самом деле, это также прием, заимствованный у стихотворной сатиры, в которой другим вариантом именования персонажей является использование абстрактных и искусственно созданных имен. Таким образом автор оставляет за зрителем / читателем право самостоятельно и без подсказки создать себе представление о характерах действующих лиц.

Следование Екатериной новаторскому подходу к проблематике комедий, начавшемуся в фонвизиновском “Бригадире”, удостоилось справедливой положительной оценки современников. Еще ее оппонент в споре о сущности сатиры, Н. И. Новиков, на страницах журнала “Живописец” хвалит анонимного автора новопоявившихся комедий, чье имя, однако, было общественной тайной, за то, что ему удалось верно показать тогдашние русские нравы [Евстратов 2009: 146]. Мишенью насмешек выбрана нелюбимая государыней Москва, в которой Екатерина видела символ отсталости и ретроградности. В сравнении между Петербургом и Москвой, произведенном ею в конце жизни, она неприязненно говорит о старой столице, подчеркивая, что одна из самых отвратительных черт в московском образе жизни - это ложная набожность жителей [Екатерина II 1990а: 480-484]. Именно это

особенно отталкивающее в глазах просвещенных людей качество является ведущим в характере главного действующего лица в пьесе “О, время!” Ханжахиной. Ложная набожность, ханжество – удобная маска, за которой героиня, как настоящий Тартюф, скрывает свою скупость. Это также удобный предлог для погрязшей в невежестве Ханжахиной обрекать на подобную участь свою невинную внучку Христину, которую никогда и ничему не учили и которая в шестнадцать лет украдкой от бабушки учится читать. Ее учительница – горничная Мавра, гораздо просвещеннее, чем барышня. Мавра не только научена грамоте, но и регулярно читает престижный литературный журнал “Ежемесячные сочинения”.

Пьеса сиятельного автора откровенно преследует морализаторские цели. В ней Екатерина II не только излагает глубоко волновавшую ее идею необходимости просвещения женщин, незадолго до этого реализованную в знаменитом Смольном институте благородных девиц, но также защищает идею воспитания девиц устами других положительных персонажей. Не случайно под прицелом комизма в трех пьесах находятся не просто общие отрицательные черты в поведении дворян, но прежде всего такие, которые были широко распространены среди женщин. Ханжество идет рука об руку с невежеством и суеверием. Алчность и сплетни главных героинь осложняют жизнь многим персонажам. А. Г. Евстратов основательно подчеркивает связь екатерининской критики суеверия как в рассматриваемых комедиях, так и в сатирической прозе с общим дискурсом европейского Просвещения, направленного против религиозного фанатизма как одного из главных тормозов прогресса [Евстратов 2009: 169-174]. О значительности этой проблемы в русском контексте говорит сходство с Сатирой I Кантемира (чьи злободневные тексты стали достоянием русской аудитории лет за десять до появления екатерининских комедий, в 1762 г.), в которой пресловутая галерея персонажей - противников науки - открывается образом ханжи.

Императрица переосмысливает также и содержание любовной фабулы. Юный Молокососов, в отличие от других комедийных персонажей, не совсем убежден в качествах обещанной ему невесты. Его не соблазняет даже богатое приданое. Его больше смущает

крайняя наивность, неопытность и необразованность его избранницы. Герой не является безумно влюбленным, по презумпции, положительным героем комедий. Он – рациональный и прагматически настроенный молодой человек, несмотря на имя, которое носит.

Таким образом, в практике Екатерины-комедиографа использование значащих имен – лишь условное соблюдение принятой практики, тогда как имя персонажа полностью не соответствует семантике образа. С другой стороны, недостатки в образованности Христины выглядят несомненным преимуществом: она не кокетка, не коверкает русский язык. Евстратов определяет специфический прием, использованный императрицей, как парадоксальную похвалу [Евстратов 2009: 184]. Следовательно, в занимательной форме комедии высочайшая писательница ставит злободневные для времени вопросы, меняя обычные акценты и привлекая внимание зрителей к проблемам, увиденным с занимаемой ею высокой позиции. Без сомнения, в определенном смысле комедии Екатерины II выполняют не только дежурные воспитательные литературные задачи, но и главной целью ставят пропаганду идей, подсказанных практикой государственного деятеля.

Язык екатерининских комедий живой, разговорный. Автор слепо не подчиняется строгим классицистским ограничениям; вероятно, это результат также редакторского вмешательства. Автор следует введенным Фонвизиним приемам речевой характеристики персонажей и с успехом применяет их в своих текстах. Например, галломан Фирлифюшков из “Именин...”, подобно Иванушке в фонвизиновском “Бригадире”, сплошь и рядом сыплет французскими фразами и превращает свою речь в неповторимую смесь “французского с нижегородским” (в данном случае “московским”). Живость и достоверность языковой концепции пьес – главный аргумент сторонников тезиса о соавторстве в создании рассматриваемых текстов. Спорное, по мнению некоторых исследователей [Костина 1993: 307], знание Екатериной подробностей образа жизни и речи рядового дворянства может найти объяснение ее внимательностью и наблюдательностью в общении с

представительницами старшего поколения, так хорошо описанными ею в автобиографии.

Хотя Екатерина II не является радикальным новатором в области комедии, она улавливает и продолжает ряд особенностей русской комедии, которые определяют типологию жанра в русской литературе. Ее комедии подтверждают его предназначение “издевкой править нрав” (Сумароков), привлекая внимание публики к общезначимым недостаткам, которые императрица надеялась исправить более умеренными формами смеха. В ее творчестве комедии не только находились в параллели с ее же журнальной сатирой, но также поддерживали живыми уже ставшие устойчивыми национальные традиции. В то же самое время тексты екатерининских комедий доводили до сознания публики основные идеи идущего от престола политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Гуськов 1996 – *Гуськов Н. А.* К проблеме жанрового своеобразия комедий императрицы Екатерины II (цикл 1772 г.) // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 26-29 августа 1996 г. СПб, 1996.

Евстратов 2009 – *Евстратов А. Г.* Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х - начале 1770-х годов // Диссертация на соискание уч. степени кандидата фил. наук. М., РГГУ, 2009.

Екатерина II 1901 - Сочинения императрицы Екатерины II. На основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина. СПб., 1901 - 1907.

Екатерина II 1990a - *Екатерина II.* Сочинения. Сост. и примеч. В. К. Былинина и М. П. Одесского. М., 1990.

Екатерина II 1990b - Сочинения Екатерины II. Сост. и вступ. статья О. Н. Михайлова. М., 1990.

Живов 2007 - *Живов В. М.* “Всякая всячина” и создание Екатерининского политического дискурса // *Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International*

Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004. Berlin, Lit Verlag, 2007.

Зорин 2006 – *Зорин А. Л.* Редкая вещь (“Сандуновский скандал” и русский двор времен Французской революции) // Новое литературное обозрение, 2006, № 80.

Клейн 2006 - *Клейн И.* “Немедленное искоренение всех пороков”: о моралистических журналах Екатерины II и Новикова // Сб. XVIII век. № 24. СПб., 2006.

Клейн 2010 - *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. М., Индрик, 2010.

Костина 1993 – *Костина Е.Л.* К истории ранних комедий Екатерины II // Сб. XVIII век № 18. СПб., 1993.

Мораччи 2002 - *Moracci G.* К изучению комедий Екатерины II. Проблема авторства // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 2002. No. 30. December.

Мораччи 2007а – *Мораччи Дж.* Комедии Екатерины II и Вольтер. Новые заметки к теме // Реката на времето. Сборник в памет на проф. Людмила Боева. С., 2007.

Стенник 1980 – *Стенник Ю. В.* Сумароков // История русской литературы в 4-х т. Л., 1980, Т. 1.

Alexander 2004 – *Alexandre, J.* Catherine the Great and the Theatre // Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony Cross, eds. R. Bartlett and L. Hughes. Münster, 2004.

Donnels O'Maley 2006 - *Donnels O'Maley L.* The Dramatic Works of Catherine the Great. Theatre and Politics in Eighteenth-Century Russia. Ashgate, 2006.

Gareth Jones 1984 - *Gareth Jones W.* Nikolay Novikov, Enlightener of Russia. Cambridge Univ. Press, 1984.

Moracci 1996a – *Moracci G.* Gallomania, societa e morale nella commedia russa fra il XVIII e il XIX secolo // Ricerche slavistiche. Vol. XLIII, 1996.

Moracci 1996b - *Moracci G.* Catherine II's comedies of 1772 as an illustration of her policy of that time // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 26-29 августа 1996 г. СПб, 1996.

Moracci 2007b – *Moracci G.* Performing History: Catherine II's Historical Dramas // Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004. Berlin, Lit Verlag, 2007.

Wirtshafter 2003 – *Wirtshafter E. K.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theatre. Northern Illinois University Press, De Kalb, Ill., 2003.

Румяна Парашкевова

МОНАСТЫРЬ И ВЛАСТЬ В ДРАМАТИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ А. К. ТОЛСТОГО

Трилогия поэта, пародиста и романиста Алексея Константиновича Толстого (1817 – 1875), обеспечившая ему место в русском литературном каноне, состоит из трагедий „Смерть Иоанна Грозного” (1866), „Царь Федор Иоаннович” (1868) и „Царь Борис” (1870), которые обладают смысловой и композиционной автономностью, но наряду с этим образуют сверхтекстовое единство особого рода.

Условная хронологическая рамка действия в Толстовском драматическом цикле охватывает период второй половины XVI – начала XVII в., когда после сорокалетнего царствования Ивана Грозного (концу его правления посвящена первая из частей трилогии), укрепившего монархическую институцию и установившего русскую гегемонию над значительной частью Сибири, Россия оказалась на пороге тяжелейшего в ее средневековой истории политического кризиса. Он разразился в первое десятилетие XVII столетия и вошел в летописи и исторические сочинения под названием Смутное время.

Накануне Смуты, в 1598 г., смертью бездетного сына Грозного – кроткого и богобоязливого царя Федора Ивановича, и опередившей ее загадочной гибелью его семилетнего брата Дмитрия, страдающего эпилепсией, прервалась линия династии Рюриковичей, правившей Русью 700 лет (вторая часть трилогии является художественной реконструкцией наиболее важных событий этого периода). Земским советом на престол был возведен шурин царя Федора – Борис Годунов, талантливый и амбициозный политический деятель, которому, однако, молва приписывала причастность к якобы насильственной смерти малолетнего царевича. Ему пришлось бороться с внутренней оппозицией и страшным голодом, наступившим после следующих одним за другим трех неурожайных годов. В 1604 г. из Польши предпринял поход на Москву некий

самозванец¹, который объявил себя за чудесным образом спасшегося царевича Дмитрия и, пользуясь массовой поддержкой народа, после внезапной смерти царя Бориса в мае 1605 г., успел привлечь на свою сторону значительные части царской армии и захватит престол (последняя часть трилогии воссоздает монархический режим Годунова и его трагическую развязку). Историки определяют события 1604 – 1605 г. началом Смутного времени, то есть драматичных политических противоборств за власть, которые сопровождались польско-литовской интервенцией и прекратились в 1613 году с воцелением на престол Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых.

До А. К. Толстого Смутное время вдохновляло немало русских и иностранных драматургов, среди которых числятся Лопе де Вега, А. Сумароков, Ф. Шиллер, А. Пушкин, А. Хомяков, М. Погодин, П. Мериме, а также и его современников – Н. Чаева, А. Островского, Н. Павлова, А. Голенищева-Кутузова и др. В 1860 – 70-ые г., когда под воздействием предпринятых императором Александром II политических реформ русское общество переживает бурные социальные, культурно-идеологические и ментальные сотрясения, взрывно возрастает интерес к отечественной истории. Переоценке подвержены традиционные сюжеты исторической памяти, веками служившие моделью для национального самопознания и коллективной самоидентификации. Резкий контраст между консервативным режимом Николая I (1826 – 1855) и стремлением его наследника модернизировать Россию вызывает бурные общественные дебаты о смысле и функциях монархической институции, о моральной ответственности верховного суверена как перед Богом, так и перед верноподанным ему народом. В такой социокультурной ситуации А. К. Толстой обращается к началу Смутного времени в попытке предложить свою морально-философскую концепцию об одном из самых трагических периодов русской истории, чья художественная трактовка, без сомнения, соотносима с настоящим драматургом, с актуальными для него проблемами кардинального преустройства русского мира.

¹ По официальной версии это был галицкий дворянин Юрий Богданович Отрепьев, принявший монашеский подстриг с именем Григорий.

Среди вопросов, которых ставит на обсуждение драматическая трилогия А. К. Толстого, особое место занимает несовместимость христианской моральной доктрины с политической этикой Нового времени, иначе говоря, парадоксальное противоречие между требованием взаимной любви, смирения и самопожертвования, с одной стороны, и неизбежным насилием (чья легитимность легко переходит в нелегитимный произвол), на которое опирается любая форма государственной власти, с другой. Вопрос этот ставится во всей его сложности и не получает однозначного решения – мир трилогии остается трагически разорванным между христианской этикой любви и спасения и политической этикой принуждения и насилия, что перманентно угрожает его распадом, будто бы подтверждая мысль современного философа, что *„государство больше не является сущностью разумной истории; его педагогика принуждения позволяет сохранить, но не спасти человеческий род”* [Рикер 2002: 279].

С христианским этическим полем в трилогии связан образ монастыря, к пространству которого отнесены непосредственно или символично некоторые персонажи, чья роль – быть высшим моральным коррективом политического произвола и спекулятивного оправдания зла. Монастырь – это топос религиозного уединения, смиренномудрия и духовного самосовершенствования в поисках единения с Богом. Будучи местом отречения от себя, от подчиненного греху „я”, он открыт к всему существующему, поскольку, как утверждает преподобный Иустин, оставить мир ради Христа – *„значит принять его вновь, но улучшенным и очищенным Христом”* [Иустин 2007: 218]. Поэтому с духовной высоты монастыря отчетливее видны смысл и перспектива Божьего мироустройства, яснее выступают праведность или грешность земного царя.

В трагедии „Смерть Иоанна Грозного” монастырь метонимически представлен Схимником, с которым Иоанн встречается в четвертом акте, надеясь получить совет, как вывести государство из надвигающегося политического кризиса. Схима является высшей ступенью православного монашества, предполагавшей полный отрыв от мирской жизни и строжайшую

аскетику во имя искомого единения с Богом. Великосхимник, каким и есть введенный А. К. Толстым персонаж, в отличие от малосхимника, дает обет жить в строжайшем уединении, нередко в изоляции даже от монашеской братии. Он добровольно и полностью самоустраняется от мира себе подобных, и для него время, воспринимаемое как последовательность социальных событий, будто бы останавливается с момента принятия великой схимы. В трагедии А. К. Толстого схимник ушел в отшельничество тридцать лет тому назад – в 1554 г., то есть до введения опричнины и начала массовых репрессий над русской феодальной аристократией. Таким образом он воплощает в себе память о Руси до большого грехопадения паранойяльного Грозного, когда его окружение состояло из доблестных и верных бояр, все впоследствии казненных за предполагаемую измену царю. Перечисляя их имена в поисках выхода из государственного кризиса, Схимник в сущности сталкивает Иоанна лицом к лицу с его преступлениями, с его агрессивным сумасбродным поведением, поставившим государство на грань распада. В потрясении от чудовищной свирепости царя, святой старец не осуждает его, но отказывается молиться о спасении его души – жест, который риторически подчеркивает ту крайнюю и несопереживаемую ступень грехопадения, до которой опустился Грозный. После прощальных слов Схимника: *„Всемиловитый бог да ниспошлет/ Мир совести твоей!“* [Толстой 1981: 100] Иоанн погружается в молчание, которое поддается неоднозначному толкованию – это и невыразимая словами скорбная догадка о непоправимости и неискупимости соделанного им, и мимолетный прорыв в потустороний мир, где дела его подвластны только Божьему суду.

Н. Ищук-Фадеева усматривает в диалоге Иоанна с Схимником *„очевидную параллель с тем синодиком, который пишет Годунов под диктовку царя-душегуба“* [Ищук-Фадеева 2003: 37] в той же трагедии. Но эта сцена функционально сходна и с третьим явлением последнего акта шекспировской драмы *„Ричард III“*, когда накануне решающей битвы Ричарда во сне посещают призраки убитых им, а также и со знаменитым описанием предсмертной ночи Свидригайлова в романе Достоевского *„Преступление и наказание“*,

чьи сны-кошмары сталкивают его с жертвами его распутства и нравственной патологии.

Во второй части трилогии - „Царь Федор Иоаннович”, душевно связанным со знаковым полем монастыря и в частности – с храмом, является сам Федор, о котором князь Иван Петрович Шуйский говорит: „*Нет, он святой! / Бог не велит подняться на него - / Бог не велит!*” [Толстой 1981: 236]. В интерпретации А. К. Толстого сын Грозного отмечен детскостью, ассоциируемой в русском традиционном мышлении с невинностью, праведностью, ангелоподобием. Борис Годунов сравнивает его с провалившейся под землю церковью, откуда доносится звон колоколов и раздается еле доловимое песнопение:

В душе,
 Всегда открытый недругу и другу,
 Живет любовь, и благодать, и молитва,
 И словно тихий слышится в ней звон.
 Но для чего вся благодать и вся святость,
 Коль нет на них опоры никакой! [Толстой 1981: 251]

Т. В. Иванова интерпретирует это сравнение и сопутствующий ему комментарий от имени Годунова, уподобляющий Федора „*святому, но ненадежному месту*” [Толстой 1981: 251], как фигуральный ключ к противоречивому поведению царя с присущими ему неожиданными переходами от кротости к решительным поступкам, которые в конце трагедии приводят к катастрофе [Иванова 2004: 147]. На самом деле, трагическая ошибка Федора, временно разорвавшая его метафизическую связь с пространством монастыря, заключается в эфемерном его отказе от своего духовного призвания и уклонении от этики братолюбия и прощения – в конце четвертого акта он (в порыве защитить свою жену „Аринушку” от заговорщиков) начинает судить и выдавать приговоры, пользуясь унаследованным правом на власть. Но в преобладающей части второй трагедии сын Грозного телом заключен в пространстве дворца, в то время как душой полностью принадлежит храму – внушение, поддерживаемое в тексте страстью Федора слушать

церковные перезвоны и сам звонить в колокола: „Славно/ Трезвонят у Андронья. Я хочу/ Послать за тем пономарем, чтоб он/ Мне показал, как он трезвонит...” [Толстой 1981: 151]. Именно колокольный звон, приобретший в сознании верующих сакральность, распространяемую на весь окружающий мир, становится эмблемой толстовского Федора, которая указывает на всегда жившее в нем стремление к религиозной трансценденции: „... в традиционной культуре отношение к колоколам расценивалось как показатель благочестия и праведности общества и конкретного человека, а сами колокола были несовместимы с ложью, несправедливостью и греховностью” [Агапкина 1999: 236]. Не является случайным то, что Федора больше всего восхищает исполнение трезвона – радостного и торжественного звона во все колокола с короткими перерывами, который совершается в праздничные дни. Ему придавали особый мистический смысл, поскольку он выражал эмоциональный экстремум от встречи с Богом. Именно трезвон соответствует индивидуальному религиозному опыту толстовского героя, соотносимому с неким неисповедимым экстазным переживанием. Характерно то, что царю Федору нравится лично звонить в колокола, то есть добровольно служить звонарем – нисшая церковная должность, которая приравнивается к обязанностям пономаря. Этим ставится акцент на абсолютное отсутствие тщеславия в нем, а также и на присущее ему истинное христианское смирение – эта, по словам св. Иоанна Лествичника, „царица добродетелей” и „безымянная благодать души”.

Указанная в трагедии „Царь Федор Иоаннович” семантическая связь протагониста со звоном церковных колоколов была подмечена и интерпретирована многими театральными режиссерами и постепенно превратилась в постановочное клише, что привело к поиску новых театралных вариантов ее экспликации. Например в постановке пьесы на сцене ЦАТРА (Москва, 2013) режиссер и сценограф Б. Морозов в сотрудничестве с художником М. Смирновым расположили в глубину над полупразной сценой огромный колокол, а слева и справа на авансцене – колокола поменьше. Во время спектакля звон колоколов подчеркивает важных реплик персонажей, вступает в общение с ними и со зрителями,

становясь таким образом полноправным участником постановки. Театральная критика высоко оценила оригинальность того сценического эпизода, в котором Федор (в исполнении Н. Лазарева) подходит к одному из колоколов и нежно гладит его, а он еле доловимым звуком, сразу же утонувшим в тишину, отзывается на прикосновение. Этот дискретный театральный жест, метафизирующий безжизненного, имплицитно многое – робкое желание обратиться к Богу, трепетное ожидание благовестия и какую-то невыразимую словами слитность с Божьим миром, хранящую тайну изначального познания.

В последнем явлении пятого акта „Царя Федора Иоанновича”, реализующем трагическую катастрофу, действие „вписано” в особом топосе – на Соборной площади в Москве перед Архангельским собором. Наверное А. К. Толстой не только подыскивал для развязки своей трагедии эффектный фон (в чем упрекал его критик П. В. Анненков), но и стремился найти такое пространственное решение, которое соответствовало бы медиативному статусу Федора в пьесе, его двойственной позиции – быть олицетворением верховной политической власти, крепящейся на насилии, и воплощать евангельскую этику взаимной любви и милосердия.

В культурно-семиотическом аспекте преддверие храма является граничным топосом, своеобразным порогом, разделяющим и противопоставляющим два мира – профанного и сакрального. Но, твердит М. Элиаде, портал храма - *„это то парадоксальное место, где они сообщаются, где мир мирского может перейти в мир священного”* [Элиаде 1994: 24]. Амбивалентная семантика соборного преддверия аналогична тем противоречиям, которые разрывают христоликого Федора, обремененного непосильными для него обязанностями земного царя-самодержца. Впрочем, в своем проекте для постановки трагедии А. К. Толстой настойчиво требует, чтобы последняя сцена игралась именно и только у входа в Архангельский храм, что подтверждает гипотезу о неслучайном выборе места действия для финала пьесы. Локализация протагониста в точке пересечения профанного и сакрального, мирского и духовного, политического и церковного миров имплицитно метафорическую

пороговую ситуацию, выход из которой нельзя предугадать. По мнению философа Л. Карасева, изучающего „онтологический” уровень литературного текста, порог, воспринимаемый как знак экзистенциального перехода, „представляет собой точку онтологически напряженную: от того, какой она будет, как разрешится, зависит рисунок бытия будущего” [Карасев 2001: 27]. В художественном тексте обычно это места максимального сгущения смысла, в которых перевертывается и радикально меняется бытийная перспектива. Царь Федор в трагедии А. К. Толстого вовлечен в такую „точку бифуркации” в момент, когда у порога храма он отвергает опеку Годунова: „От нынешнего дня/ Я буду царь. Советы все и думы/ Я слушать рад, но только слушать их -/ Не слушаться!” [Толстой 1981: 257]. Текст, кажется, дает шанс герою стать образцовым владетелем, сумевшим сочетать христианскую педагогику любви с властовой педагогикой порядка и справедливости (П. Рикер). Но сразу же после этого Федор вынужден понести последствия своего поведения в предыдущем акте – одна за другой на него сыплются плохие вести (о смерти князя Ивана Петровича Шуйского, вероятно удушенного в тюрьме Турениным по внушению Годунова, о народном бунте и об убийстве Шаховского), которые вызывают в нем эмоциональный взрыв:

Палачей!

Поставить плаху здесь, перед крыльцом!
Здесь, предо мной! Сейчас! Я слышком долго
Мирволил вам! Пришла пора мне вспомнить,
Чья кровь во мне! Не вдруг отец покойный
Стал грозным годударем! Через окольных
Он грозен стал – вы вспомните его! [Толстой

1981: 259]

Необузданный гнев, размах аффекта, который диктует массовую насильственную смерть, угрожающее самоотождествление с беспощадным и свирепым отцом – все это якобы говорит о рождении нового тирана. Но реакцию Федора можно и надо прочесть и по-иному – она скорее выражает бессилие исправить непоправимое

и является симптомом того, что герой не в состоянии совместить в себе наивного миротворца и справедливого монарха, христороубца и разумного политика, иначе говоря, Пономаря и Царя. Весть о смерти брата – царевича Дмитрия, последнего представителя династии Рюриковичей, и сообщение о татарском нашествии на Москву окончательно сокрушают героя.

Финальный монолог Федора Иоанновича пропитан глубокой тревогой о будущем государства и болезненной виной за провал его миротворческой миссии; мучительным чувством одиночества, духовного сиротства и богооставленности. Последний возглас-стенание Федора: „... *боже, боже! За что меня поставил ты царем!*” [Толстой 1981: 264] вступает в межтекстовый диалог со скорбным вскриком распятого Христа: „*Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?*” (Мф. 27:46), который повторяет начало 21 псалма. В Псалтыре это одна из самых трогательных исповедей праведника, страдающего из-за потерянного Божьего благоволения, чье отчаяние, дошедшее до невыносимости, побеждено верой: „... *ибо Он не презрел и не пренебрег скорби страждущего, не скрыл от него лица Своего, но услышал его, когда сей воззвал к Нему*” (Пс. 21:25). Возможная отсылка к этому прототексту подтверждается и указанием А. К. Толстого для сценической реализации финала трагедии: „...*нищие затягивают псалом, но так тихо, что он только слышится сквозь последний монолог Федора, но его не заглушает*” [Толстой 1981: 585]. Тихое псалмопение, которое, уверяет апостол Павел, вразумляет, вдохновляет и дает духовную силу перенести страдания, отменяет восприятие „прощального” монолога царя Федора только в смысловых параметрах безнадежности, вводя мотив упования на Бога, на Его правду и милость. В финале трагедии на земной мир падает отблеск потустороннего, осязаемого мистического трепета страдающей и богобоязненной души, которая жаждет утешения и прощения.

В последней части трилогии – „Царь Борис”, монастырь присутствует не только косвенно – при встречах Годунова с вдовой Грозного и матерью убитого Дмитрия Марией Нагой (в иночестве Марфа) и с Андреем Клешнинным (в иночестве Левкий), но и непосредственно – в конце первого акта Борис после венчания на

царство посещает Новодевичий монастырь, где живет вдова царя Федора, его сестра Ирина (в иночестве Александра). Этот эпизод особенно важен в контексте трагедии, потому что ставит вопрос о моральной вине Годунова (его соучастие в убийстве царевича Дмитрия), сталкивая при этом две этические доктрины – христианскую и прагматико-политическую.

Для М. Виролайнен Ирина - „лучшая, чистейшая ипостась Бориса” [Виролайнен 1987: 355]. Она является персонификацией его совести, с которой ум Годунова ведет напряженный спор, что подтверждается его обращением к сестре-инокине в самом начале интересующего нас диалога:

... Сегодня я оправдан
 Любовью народной и успехом
 Моих забот о царстве. Я хотел бы
 Услышать оправдание мое
 И от тебя, Ирина! [Толстой 1981: 294]

Очевидно Борис делает попытку через Ирину убедить самого себя, что его восшествие на престол тождественно освобождению от греховного прошлого. Но оказывается, что они говорят на разных языках: он – на рациональном языке политической телеологии и социальной пользы, она – на трансцендирующем языке новозаветной этики. Этот коммуникативный разлад выражает расщепленность самой личности Бориса, в которой сталкиваются земной и божественный порядок.

Свое прошлое Годунов расценивает только как нарушение земного закона, что может и должно быть оправдано достигнутой целью – царским венцом, потому что, получив легитимную власть, он намерен употребить ее на благо всей Руси:

... Если,
 Чтоб тьмы людей счастливыми соделать,
 Я большую неправость совершил,
 Чем тот, который блага никакого
 Им не принес, - кто ж, он иль я, виновней

Перед господом? [Толстой 1981: 295]

Рассуждения Годунова воспроизводят логику макиавеллизма, сообразно которой обоснованное и внимательно продуманное насилие, вопреки тому, что нарушает установленный законом порядок, допустимо, если оно обеспечивает благоденствие верноподданных.

В отличие от Бориса, Ирина-Александра определяет его преступление как „великий, ужасный грех” [Толстой 1981: 294], который не может быть ни оправдан, ни выкуплен бескорыстным усердием государственного деятеля. Она напоминает ему, что грех не имеет срока давности и не сводим к земным законам, а каждая попытка оправдать его перед Богом является постыдным бегством от раскаяния и соответственно – от возможности очистить себя от зла. При этом христолика Ирина не осуждает своего брата, она, подобно Сонечке Мармеладовой из „Преступления и наказания”, искренно и глубоко жалеет грешника Годунова и сострадает ему: *„В тот страшный день,/ Когда твой грех я сердцем отгадала,/ К тебе глубокой жалости оно/ Исполнилось...”* [Толстой 1981: 294]. Вдовствующая царица-монашенка не отождествляет согрешившего брата с его грехом, а продолжает любить его и в грехе, заботясь о спасении его души:

Будь праведен в неправости своей...
 Но не моги простить себе! Не лги
 Перед собой! Пусть будет только жизнь
 Запятнана твоя – но дух бессмертный
 Пусть будет чист – не провинись пред ним!
 Не захоти от мысли отдохнуть,
 Что искупать своим ты каждым мигом,
 Дыханьем каждым, бьеньем каждым сердца
 Свой ложный грех!... [Толстой 1981: 295]

Ирина призывает Бориса беречь свою духовную чистоту, то есть обратиться к Богу, покаяться и праведным поведением восстановить свою разорванную связь с Ним.

В конце эпизода Годунов вдруг определяет убийство Дмитрия, которое до того квалифицировал оценочно-нейтральным словом „неправость”, как „грех”: *„Мой грех/ Я сознаю; но ведаю, что им лишь/ Русь велика! Оплакивать его/ я не могу! Мне некогда крушиться!”* [Толстой 1981: 296]. Сознавшись в том, что нарушил законы духовной жизни, он, однако, своим отказом от покаяния выбирает остаться в своем грехе, застыть в совершенном им зле. Перед ним остается открытым горизонт земного самоутверждения, но и превосходивший и поглощающий его апокалиптический горизонт небесного правосудия, к которому стремится обратить его внутренний взор Ирина. Ее келья, подобно келье Пимена в „Борисе Годунове” Пушкина, становится местом, откуда *„мир виден как неразрушимое, свыше оправданное целое”*, в котором *„все существенно связано промыслительной волей Творца”* [Котельников 1994: 225-226], но и подвластно Его последнему суду.

Мария Нагая и Андрей Клешнин, в отличие от Ирины, поддаются искушению мстить Борису и клеймить его, показав тем самым до чего трудным является подвиг смирения и отречения от чувственного мира. Они оба непосредственно связаны с преступлением Бориса – Мария в качестве потерпевшей, а Клешнин – в роли соучастника в нем. Но после появления Самозванца, выдававшего себя за чудом спасшегося царевича и претендовавшего на царский престол, Годунов требует от них подтвердить (Мария при всех, а Клешнин – только перед ним) смерть Дмитрия.

При своей встрече с Борисом в дворце (второе явление четвертого акта) принявшая монашество вдова Грозного предстает перед сложным выбором: огласив истину – что сын ее умер и погребен, она содействовала бы Годунову, ответственному за смерть Дмитрия, а признав Самозванца своим сыном, она отомстила бы за убийство, но согрешила бы перед Богом. Мария-Марфа поддается искушению мести, и несмотря на то, что царица уличает ее во лжи, она решительно отказывается публично разоблачить Лжедмитрия. Ее поступок производит осязаемый эффект на развитие драматического действия, потому что поддерживает в народе легенду о возвращении царя-спасителя и усугубляет суеверный страх Годунова, для которого личность Самозванца сохраняет свою таинственную

неопределенность. Ментально Мария-Марфа принадлежит больше к светскому, чем к монастырскому пространству, она психически продолжает жить прошлым и именно это превращает ее в олицетворенное сопричастие преступления Годунова в настоящем, в иллюстрацию Борисова самообмана, что он может преодолеть стигму когдатошнего греха.

В начале последнего акта царь Борис встречается и с ушедшим в монастырь Андреем Клешным – сообщником в подготовке царевичева убийства, который потом участвовал в его расследовании. Этот эпизод вводится в эксплицитной параллели со сценой встречи Грозного с Схимником в первой части трилогии: *„Как он, среди ночи,/ Жду схимника, чтобы сомненье мне/ он разрешил. И как при нем, так ныне/ При мне грозит Руси распадение!”* [Толстой 1981: 389]. Но в данном случае повторение является и местом дистинкции, поскольку Андрей-Левкий не отличается кротостью, смирением и мудрым спокойствием, которые присущи Схимнику. Прежний пособник преступления Годунова преисполнен моральным отвращением к их общему прошлому и ненавистью к своему собеседнику, которого клеймит с беспощадным презрением: *„Над тобой/ Проклятье божье. Мерзость ты свою/ Познай, как я; прими такую ж схиму;/ Сложи венец; молись и постись...”* [Толстой 1981: 392]. Потвердив смерть царевича, он высказывает то предположение, которое Борис, давно терзаемый им, не в силах изречь – появление Самозванца есть феномен надчувственный и надразумный: *„Дух, может быть, иль хуже...”* [Толстой 1981: 391], а следовательно, его невозможно побороть или остановить. Для Левкия происходящее в государстве является результатом продолжавшегося союза Годунова с нечистой силой, поэтому он требует от царя разорвать свою связь со злом, сойти с престола и принять подвиг смирения: *„С ним сразиться/ Ты можешь, только навши ниц во прах/ Перед крестом!”* [Толстой 1981: 392]. Ответ Бориса: *„С судьбою бороться буду/ Я до конца!”* [Толстой 1981: 393] вызывает безжалостный приговор Клешина: *„Так умирай как песь!”* [Толстой 1981: 394], которым и заканчивается этот драматический эпизод.

Сквозь образ старого морального критика Левкия просвечивает силуэт ветхозаветного ожесточенного пророка – неизменного

наставника владетелей, который говорит, порицает и угрожает голосом Божьего авторитета. Последняя реплика Клешнина пророчит Годунову безблагодатную, „собачью” смерть, что вызывает ассоциации с библейским прототекстом. В Ветхом Завете собака (вместе с гиеной и шакалом) формирует образный ряд демонического и связана с представлением о ниспроверженных Богом, разрушенных и запустелых царствах – например в предсказании Исаия о падении греховного Вавилона: *„Но будут обитать в нем звери пустыни, и дома наполнятся филинами; и страусы поселятся, и косматые будут скакать там. Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены – в увеселительных домах”* (Ис. 21:22). В словах Андрея-Левкия проявляется и феномен автотекстуальности, поскольку они перекликаются с высказыванием кающегося в начале первой трагедии Иоанна Грозного: *„Нет, я не царь! Я волк! Я пес смердящий!”* [Толстой 1981: 25]. Это межтекстовое взаимодействие одновременно и поддерживает уже установленную в третьей пьесе аналогию между Грозным и Годуновым, и намекает на разницу в их поведении. Оно напоминает, что мятежный Иоанн способен на покаяние (несмотря на то, что он иногда заигрывает им перед боярами), а Борис до конца отвергает призывы раскаяться в своих грехах и таким образом сознательно лишает себя надежды на спасение.

Итак, в драматической трилогии А. К. Толстого топос монастыря не закрыт от мирской жизни. Связанные с ним непосредственно или духовно персонажи осуществляют прорыв от истории к метаистории, лишая тем самым политическую жизнь автономности и подчиняя ее богоустроенному порядку, основанному на этике искупления и смирения.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина 1999 – *Агапкина, Т. А.* Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян. – Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. Под ред. Т. А. Агапкиной и др. М., 1999, 210-282.

Виролайнен 1987 – *Виролайнен, М. Н.* Драматургия А. К. Толстого. – История русской драматургии (Вторая половина XIX – начало XX в.). Под ред. Ю. К. Герасимова и др. Л., 1987, 336-360.

Иванова 2004 – *Иванова, Т. В.* Фольклор в творчестве А. К. Толстого. Петрозаводск, 2004.

Ищук-Фадеева 2003 – *Ищук-Фадеева, Н. И.* А. К. Толстой. Историческая трилогия. – Жанры русской драматургии. Ч. 1. Традиционные жанры русской драматургии. Тверь, 35-47.

Карасев 2001 – *Карасев, Л. В.* Флейта Гамлета. Очерк онтологической поэтики. М., 2009.

Котельников 1994 – *Котельников, В. А.* Монастырь и мир. – Пути и миражи русской культуры. Под ред. В. Е. Багно и др. СПб., 1994, 222-240.

Иустин 2007 – *Иустин (Попович), преподобный.* Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск, 2007.

Рикер 2002 – *Рикер, П.* История и истина. СПб., 2002.

Толстой 1981 – *Толстой, А. К.* Сочинения в двух томах. Т. 2. Драматические произведения. Статьи. М., 1981.

Элиаде 1994 – *Элиаде, М.* Священное и мирское. М., 1994.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Екатерина Солнцева-Накова

ВКЛАД РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В БОРЬБУ ПРОТИВ ФАШИЗМА В БОЛГАРИИ

История русской эмиграции в Болгарии продолжительна и весьма трагична. Большая часть эмигрантов поселяются в Болгарии в годы Первой мировой войны и после Гражданской войны в Советской России. Это главным образом попавшие в плен русские солдаты и офицеры генерала Петра Николаевича Врангеля, а также гражданские беженцы, среди которых множество честных патриотов, не принявших идеалы революции [Веков 1982].

По мнению первого болгарского исследователя этой проблематики Д. Даскалова, существует три волны белой эмиграции из России в Болгарию: Первая в конце 1919 г., когда в страну прибыли главным образом представители имущих слоев русского общества. Вторая - после ряда поражений Добровольческой армии под командованием Антона Ивановича Деникина в 1920 г; наряду с военными здесь много гражданских лиц, бегущих от ужасов войны. Третья – самая многочисленная волна приходится на конец 1920-го и 1921 г., после разгрома врангелевской армии. [Даскалов 1994: 57]

Кроме того, весной 1922 г. в Болгарию прибывает еще 2,6 тысяч беженцев, и в конечном счете к лету 1922 г. их число более 36 тысяч, хотя из-за отсутствия официальной статистики численность русских эмигрантов не может быть точно установлена, но по данным РОКК (Русского общества красного креста) их насчитывалось около 50 тысяч человек. Однако это число сознательно завышено ради получения больших субсидий от международных гуманитарных организаций, таких как Лига наций и др. [Там же, с.24].

«Настоящим русским патриотом» показал себя инспектор Софийской русской гимназии Петр Фивевский, который рассказывал своим воспитанникам о героизме Советской армии, а также подбирал материалы для докладов и рефератов из советских средств массовой

информации, советовал своим ученикам слушать и записывать передачи радиостанции «Хр.Ботев» из Москвы [Веков 1982: 6].

Антифашистские настроения русских эмигрантов, часть которых все более активно вовлекались в антифашистскую борьбу, серьезно настораживали болгарскую фашистскую власть и ее немецких покровителей [Там же, с.6].

Большая часть из них подкрепляла лозунги о массовой борьбе против фашизма и включалась в борьбу. В истории сохранились имена многих русских эмигрантов, которые вместе с болгарскими коммунистами томились в тюрьмах и концлагерях.

Так например, «софийским антифашистам более старого поколения известна деятельность Виталия Юрьевича, который вместе со своими родителями прибыл в Болгарию в 1922 г. и сделался одним из активных участников боевых антифашистских групп в Софии»[Веков 1982: 4].

Активным членом БОНС в Софийском университете им. Св. Климента Охридского признавалась Людмила Белоусова - дочь русского эмигранта д-ра Александра Белоусова.

Активную антифашистскую деятельность развивала также преподававшая русский язык в Софийском университете Галина Тагамлицкая. Вместе со своими родителями она была привезена в Болгарию еще в детском возрасте. Проживала в болгарском городе Павликени, где работала преподавателем болгарского, русского и латинского языков.

Проф. Галина Александровна Тагамлицкая родилась 21 июля 1916 года в России в г. Армавире Краснодарского края. В 20-е годы прошлого века ее родители эмигрировали в Болгарию. В 1935 г. Галина Александровна окончила среднюю школу в Софии и поступила в Софийский университет на отделение славянской филологии. Она увлеклась не только языкознанием и литературоведением, но и поэзией. Ее стихи публиковались в различных газетах и журналах. На творчество Тагамлицкой обратили внимание такие известные болгарские поэты, как Емануил Попдимитров и Николай Лилиев.

В период 1942-1947 гг. она преподавала в средних школах Софии, а с 1945 г. она активно участвовала в распространении и

изучении русского языка в Болгарии: вела радиокурс по русскому языку и работала на курсах подготовки учителей русского языка при Министерстве народного просвещения с русским языком и методикой преподавания русского языка.

С 1947 г. по 1963 г. Галина Тагамлицкая состояла преподавателем русского языка в Высшем институте театрального искусства (ВИТИЗ) им. Кр.Сарафова. Вела практические занятия по русскому языку, занималась научно-исследовательской работой, переводами, писала стихи. Продолжая сотрудничество с Министерством просвещения, она преподавала русский язык и методику в Институте усовершенствования учителей. В 1959 г. Тагамлицкая избрана доцентом в Высшем институте театрального искусства (ВИТИЗ) им. Кр.Сарафова и заведующей кафедрой иностранных языков.

В 1963 г. проф.А.Бурмов, ректор только что открывшегося Высшего педагогического института им. Братьев Кирилла и Мефодия в г. Велико Тырново, пригласил ее создать кафедру русского языка.

В 1966 году она избрана профессором по современному русскому языку. Проф.Тагамлицкая становится известным педагогом, читает интересные лекции по всем разделам современного русского языка, консультирует студентов, руководит научным кружком.

Необходимо подчеркнуть, что проф.Тагамлицкая пользовалась огромным авторитетом не только среди русистов в Болгарии, но и за рубежом – читала лекции в университетах Варшавы, Кракова, Берлина, Зальцбурга, Санкт-Петербурга, принимала участие в работе славистических конгрессов в Москве, Киеве и Праге.

В 1971 г. проф.Тагамлицкая становится инициатором и организатором проведения первого и последующих трех международных симпозиумов, посвященных проблемам изучения русского языка как иностранного. Такой подход стал традиционным для кафедры русского языка Великотырновского университета (в 2010 году был проведен уже десятый, юбилейный симпозиум).

Проф.Тагамлицкая заведовала русской кафедрой при университете в Велико Тырново с 1963 г. до выхода на пенсию в

1982 г. Ее кафедра стала одной из ведущих кафедр русского языка в Болгарии [Гочева, Гочев 2011: 16].

В период, предшествовавший Второй мировой войне, и особенно после присоединения 1 марта 1941 г. Царства Болгарии к Оси Берлин – Рим – Токио, отношение болгарских властей к изучению и распространению русского языка и культуры в стране было, мягко говоря, сдержанным. Именно в это время начал свою преподавательскую деятельность в Софийском университете Андрей Петрович Евдокимов [Манчев 2013: 347-351].

К сожалению, о жизни этого замечательного человека и прекрасного преподавателя известно немного [Алманах 1998: 907-908]. Андрей Петрович родился 16 октября 1893 г. в России в семье штаб-ротмистра войска Донского Петра Емельяновича Евдокимова. Закончив Новочеркасскую мужскую гимназию с золотой медалью, поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1916 г. В возрасте 27 лет, 12 апреля 1920 г. Евдокимов эмигрировал из Новороссийска с остатками армии генерала Врангеля. Трудный путь беженца привел его на один из греческих островов, затем в Сербию, и наконец в Болгарию, где Евдокимов начал преподавать в школах латинский, французский и русский языки.

Семья Андрея Петровича осталась в Советской России. Ему совершенно случайно удалось встретиться в болгарском городе Хасково со своим отцом, который не выдержав разлуки с близкими, возвратился на родину, где проводил время в заключении, а вскоре после освобождения умер. Мать и братья Евдокимова остались жить в СССР. В годы Великой Отечественной войны его братья сражались с фашистскими захватчиками в рядах Красной Армии.

Андрей Петрович гордился своей Родиной, отзывался о русском народе с большой теплотой и любовью. В страшные годы Второй мировой войны он включился в нелегальную деятельность антифашистов, о чем вспоминает проф. Елена Савова:

«Такие явки я организовала у дедушки Евфима Дюнгова и у моего учителя латинского языка. Это был русский Андрей Петрович Евдокимов, он преподавал русский язык в университете, но давал частные уроки латинского. Я знала его по гимназии в Кюстендиле,

где училась один год, и он преподавал мне русский. Он прошел по конкурсу на место учителя в Софии в 1935 г. и, учась в полуклассической гимназии (Третьей девичей), мне пришлось брать у него уроки латыни. Уходя из квартиры, Евдокимов оставлял на своем рабочем столе записку – вернусь во столько-то часов. Хотя его не было дома, хозяйка квартиры впустила меня. Я объяснила ей, что оставлю записку о том, что сегодня у нас не будет занятий. Так я смогла узнать его график и оставить нелегальную литературу. Я вложила один или два конверта в точно определенные книги его домашней библиотеки. Приходивший после меня курьер таким же образом просил хозяйку впустить его, входил в кабинет и брал почту. Риск, безусловно существовал, но со стороны Евдокимова я не ожидала ничего плохого – хотя он и был белогвардейцем, однако создал себе репутацию честного и очень трудолюбивого человека. Он говорил: Жизнь – не удовольствие, а долг! И уже в день нападения Гитлера на СССР сказал, что это безумие: Он, Гитлер, не понимает, что значит русский народ, какие богатырские силы в нем кроются. И свернет себе шею!» [Савова 2008: 78].

«Рискуя своей жизнью, русская эмигрантка Нина Тумина оказывала содействие известному болгарскому антифашисту – Цвятко Радойнову, который руководил Военной организацией партии в Болгарии. Он играл прекрасно на скрипке и был влюблен в музыку. Прекрасно владел французским, английским, немецким и турецким языком»[Минчева 2000].

По прибытии в Болгарию Цвятко Радойнов был осужден по делу парашютистов и матросов подводной лодки, расстрелян 26.06.1942 г., а Нину Тумину осудили на 15 лет тюремного заключения за соучастие. По словам дочери Цвятко Радойнова – Септемврины, которая по возвращении из Москвы работала преподавателем русского языка на русской кафедре Софийского университета, его завет: «Жизнь не только обещание или надежда, она должна быть красивой реальностью для всех, кто родились или родятся».

Мне посчастливилось быть студенткой последнего выпуска, в котором преподавала Септемврина Радойнова в Софийском университете. Она часто делилась своими воспоминаниями об отце.

Многосторонней является антифашистская и революционная деятельность Алексея Шелудько, которого еще с детства воспитывали в любви к России и ее культуре. Он окончила русскую гимназию в Софии и поступила в Софийский университет, где сделалась активным членом РЕМС-а и БОНС-а.

Когда в июле месяце 1942 года была объявлена программа Отечественного фронта по болгарской радиостанции «Христо Ботев», нелегальные комитеты Отечественного фронта начали активную деятельность по распространению обращений и других материалов от имени Отечественного фронта. В марте 1943 г. с полным сознанием большой ответственности А. Шелудько и А. Фабрикант монтируют трафаретную печать прямо в доме семьи Шелудько, где печатается газета «Отечественный фронт» – орган Третьего софийского района, а также такие материалы как «Тактика партизанской борьбы», «Как организовать боевые группы?» и инструкции по изготовлению оружия и средств диверсии против фашистов.

Нелегальные материалы из дома А. Шелудько распространялись из рук в руки и становились важным идейным и практическим руководством софийской антифашистской организации.

Обширен список патриотических проявлений русских эмигрантов, которые восприняли Болгарию как свою вторую родину и активно включились в антифашистскую борьбу. К сожалению, все еще нет целостного научного исследования по указанной тематике. Многие из имен русских героев антифашистского подполья стали известны лишь в послевоенные годы.

ЛИТЕРАТУРА

Алманах 1988 : Алманах на софийския университет.Т.2, 1939-1988 // А-3.София, 1988.

Веков 1982 : *Веков А.*, „Вечерни новини”//И приеха България за втора родина..., №211, 7 септ., София, 1982.

Гочев, Гочева 2011 : *Гочев Г., Гочева С.*, Жизнь и научное наследие профессора Г.А.Тагамлицкой // Русская диаспора и

изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении: материалы межд. научного симпозиума, Белград, 2011.

Даскалов 1994 : *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България, София, 1994.

Манчев 2013 : *Манчев В.* Преподавател софийского университета Андрей Петрович Евдокимов (К 120-летию со дня рождения) // Сб. трудов Русское зарубежье и славянский мир, Белград, 2013.

Савова 2008 : *Савова Е.* Спомени на една ятачка (1940 – 1944), София, 2008.

Минчева 2000 : *Минчева Г.* «Сега» // Цвятко Радойнов е бил роден с «риза» - интервю с дъщерята на ген. Цв. Радойнов - Септемврина Остоич, от 5 август, София, 2000.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Димитрина Лесневска

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ В БОЛГАРСКИХ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ВУЗАХ

В современных условиях многоязычия и мультикультурной среды основной целью инновационного обучения иностранным языкам (ИЯ) является формирование полилингвальной и поликультурной личности. Современное обучение ИЯ организовано с позиций межкультурного подхода (МП), предполагающего диалог культур. МП – общая парадигма обучения ИЯ, вмещающая в себя такие подходы как лингвострановедческий, лингвокультурологический, социокультурный [Кафтайлова 2008: 80].

Преподавание РКИ в болгарских неязыковых вузах в формате дискурса межкультурного профессионального общения осуществляется с позиций МП в соответствии с образовательными стратегиями современного образования [Павлова 2014: 38].

МП как лингводидактическая инновация предполагает не только сопоставление культур (лингвокультурологический подход), но и их активное взаимодействие и взаимопроникновение. Инновационность МП состоит в равноправном положении двух культур в ходе межкультурной коммуникации (МК) в рамках обучения ИЯ. Инновационная диалогическая модель обучения ИЯ предполагает знакомство с иной культурой, перенос фактов иной культуры в родную культуру, осознание особенностей иной культуры, переоценка двух культур - родной и иной, формирование вторичной языковой личности как факт межкультурной коммуникации в продуктивном диалоге культур [Тарева 2011: 237].

МП приобретает особую значимость при обучении иноязычному профессионально-деловому общению в неязыковых вузах. Новый межкультурный акцент способствует формированию

межкультурной оценки в ситуациях профессионального делового общения [Дикова 2008: 279].

Способность анализировать и сравнивать особенности носителей различных культур особенно важна для специалистов-нефилологов для осуществления эффективного общения с иноязычными и инокультурными коллегами в профессиональной сфере деловой коммуникации. По мнению Е.С. Диковой, именно инновационный МП дает возможность реализовать современные потребности знания ИЯ в профессиональной сфере – умения проводить межкультурные профессиональные диалоги [Дикова 2011: 68].

Применение межкультурного подхода к обучению русскому ПДО в болгарских неязыковых вузах требует сопоставления русского и болгарского межкультурных профессионально-деловых дискурсов, а также осуществление гармоничного синергетического перевода [Карпова 2014: 312].

При сопоставлении двух славянских языков – русского и болгарского - учитываются их изменения и развитие в XXI веке [Йорданова 2014: 382].

Сочетание межкультурного подхода и дискурсивного коммуникативного метода в преподавании русского языка как иностранного (РКИ) является предпосылкой успешного формирования полилингвальной и поликультурной личности при обучении профессионально-деловому общению на русском языке в болгарских неязыковых вузах. МП исходит из дискурсивно-стилистического, личностно-деятельностного, компетентностного подходов, причем единицей обучения ИЯ является межкультурный дискурс.

В современной лингводидактике межкультурная коммуникация (МК) рассматривается как взаимопонимание и взаимодействие культур, общение между разнокультурными и разноязычными коммуникантами. Сегодня обучение языку предполагает и обучение иноязычной культуре – обучение ИЯ проводится в контексте культур и цивилизаций в формате межкультурного дискурса [Маркина 2006].

Выявлена роль социокультурных стереотипов как единиц национально-культурной специфики организации речевого общения и их роль в обучении РКИ [Прохоров 2009].

Национальный коммуникативный стиль (одно из основных понятий теории МК) представляет собой коммуникативный код в пространстве лингвокультуры, проявляющийся именно в рамках межкультурного повседневного и институционального дискурса [Куликова 2011: 76].

Дискурс – коммуникативное явление, выраженное вербальными и паравербальными средствами. Целью обучения ИЯ является дискурсивная компетенция. – знание различных типов дискурсов и правил их построения, а также умение создавать и понимать их с учетом ситуации общения [Гураль 2008: 109].

Дискурс не сводится к стилю: дискурс определяет стиль, а не стиль дискурс [Приходько 2009]. Параметры дискурса следующие: тема, хронотоп, адресант, интенция адресанта, адресат, интенциональность дискурса (идеологемы, концепты), текст (определенный жанр, определенный стиль) [Клушина 2011]. Дискурсивный метод обучения ИЯ стремится к формированию фоновых знаний, необходимых для межкультурной коммуникации и осуществления равноправного диалога культур.

Деловой дискурс (ДД) - один из институциональных дискурсов (политический, экономический, военный, медицинский, деловой и т.п.), репрезентирующих отдельные подязыки в рамках определенной профессии / специальности в устной и письменной формах.

Институциональный дискурс характеризуется конструктивностью, институциональностью, признаками типа институционального дискурса, а также нейтральностью [Карасик 2000]. Различные коммуникативные клише формируют своеобразие отдельных типов институциональных дискурсов [Шлепкина 2011].

Деловой дискурс (ДД) актуализируется через такие понятия, как деловая культура, деловое общение, фреймы стереотипных ситуаций, речевые штампы – клише, специальный тезаурус. ДД – целенаправленная статусно-ролевая речевая деятельность людей, реализующих деловые отношения в определенной профессиональной

области. Деловой дискурс / разновидность „официально-деловой дискурс” репрезентируется в системе жанров.

Реализация ДД предполагает отбор слов и речевых клише, соблюдение делового речевого этикета, имеющего национальный характер. Интересно сравнить этикет письменной деловой речи (этикетная рамка делового письма) с этикетом устной деловой речи (этикет делового телефонного разговора).

Особенно ярко, национальный характер этикета (принципа вежливости) проявляется в культуре поведения [Колтунова 2000: 122]. Так, ДД взаимосвязан с деловой культурой и деловой риторикой [Введенская 2002]. Деловая культура определяет и предписывает нормы поведения в рамках делового общения, законодательной деятельности. Субъектами деловой культуры являются государство граждане, объединения граждан.

Знания о мире участников современного делового сообщества могут быть описаны как результат формирования глобального фрейма делового дискурса. Границами глобального фрейма ДД являются различные типы институциональных фреймов ДД: администрация и управление, право, экономика, политика, финансы, коммерция и т.п., которые репрезентируют данный глобальный фрейм, причем каждый из них содержит определенный квант знания [Ширяева 2011].

Деловой дискурс пересекается с другими дискурсами, осуществляя полидискурсивность текста. Понятие полидискурсивности означает сосуществование и взаимовлияние различных дискурсов в рамках конкретного текста, репрезентирующего полидискурс [Белоглазова 2007: 222].

ДД – институциональный регулятивный тип дискурса с четко выраженной интертекстуальностью - тесной связью между устными и письменными жанрами (сравн. связь между переговорами и контрактом, совещанием и протоколом и т.п.),

В ядерно-полевой структуре ДД административирования и управления регламентированные тексты занимают ядро („регулятивы” - законы, уставы, кодексы), вокруг них расположены такие жанры, как постановления, решения, приказы, периферию занимают заявление, служебная записка и др.

Деловое общение занимает особое место в сфере МК, так как оно опосредует профессиональную деятельность людей – носителей разных культур и языков. Межкультурная деловая коммуникация (МДК) репрезентирует структурные, интенциональные и языковые особенности межкультурного делового дискурса (МДД).

МДД репрезентируется в множестве жанров: устных (деловая беседа / деловая беседа по телефону, переговоры, презентация, интервью и др.) , письменных (деловая документация – деловые письма, соглашение, контракт, договор, протокол).

Деловые разговоры по телефону различаются по речевым клише в разных языках [Пономарева, 2011]. Особый интерес вызывает деловая корреспонденция, обладающая национально-культурной спецификой [Стеблецова 2001].

МДД отражает процесс развития деловых контактов: 1) предконтакт – подготовка к деловому взаимодействию – сбор информации; 2) коммуникативный контакт – реализация делового контакта – начало, развитие и завершение; 3) постконтакт – анализ и обобщение результатов делового взаимодействия.. МДД выражает процесс социального и национального взаимопонимание и взаимодействия в формате межкультурной деловой коммуникации.

Контекст МДД включает в себя личности адресанта и адресата, цель (интенция), поле, режим, условия, культурные правила и ожидания по построению дискурса. Субъектами МДК являются деловые партнеры, организации, фирмы, коллеги, служащие и работодатели и т.п. Участники МДК используют иностранный язык, постепенно накапливая культурологические знания и способности понимать ментальность иносоциумов [Малюга 2008].

Цели обучения РКИ в неязыковом вузе направлены на осознание фоновых знаний и представлений иноязычных партнеров по деловой профессиональной компетентности, сокращение межкультурной дистанции между представителями деловых социумов, формирование языковой деловой личности, владеющей основами межкультурной профессиональной коммуникации [Астафурова 1997].

Профессионально-деловое общение (ПДО) представляет собой профессиональную коммуникативную форму деятельности. В ПДО,

как профессиональной коммуникативной форме деятельности, выделяются три аспекта: коммуникативный (обмен информацией), интерактивный (социальное взаимодействие) и перцептивный (восприятие и понимание коммуникантов) [Химик 2012].

Межкультурная профессиональная коммуникация (МПК) отличается своей терминосистемой (экономической, медицинской, судебной и т.д.), стилевым разграничением устной и письменной форм, разнообразием жанров.

Профессионально-ориентированное обучение межкультурному деловому общению при обучении РКИ в неязыковых вузах Болгарии направлено на преодоление коммуникативного барьера и формирование профессионально-коммуникативной межкультурной компетентности. Эффективному деловому общению на иностранном языке способствует хорошее владение тактиками речевого воздействия.

В болгарских экономических вузах преподавание РКИ проводится в формате межкультурного профессионально-делового дискурса. Дискурсивное профессионально-ориентированное обучение РКИ подвергается минимизации в рамках конкретного учебного курса в зависимости от изучаемых специальностей данного учебного направления. Так, в качестве учебного курса при обучении болгарских студентов-экономистов выделяем дискурс внешнеторговой сделки купли-продажи [Лесневска 2014].

ПДО относится к формальному социально-ролевому типу. Письменная форма ПДО осуществляется согласно нормам официально-делового стиля. В своих исследованиях О.П. Сологуб предлагает систему стереотипных единиц официально-деловой речи на уровне текста и предложения. Особенно характерны официально-деловые клише, создающие стандартность делового стиля. Строительным материалом официально-деловой речи являются устойчивые словосочетания - бинарные официально-деловые клише типа *нести расходы* [Сологуб 2014: 87].

Необходимо учитывать, что степень официальности устного профессионального диалога зависит от ситуации (формальной-официальной, неформальной-неофициальной). По мнению О.Н. Паршиной, профессиональный диалог представляет собой

самостоятельную функционально-стилевую разновидность [Паршина 1994].

Устная деловая/ профессионально-деловая речь отличается разговорными признаками [Химик 2012: 51]. В устной профессиональной речи преобладают короткие предложения, употребление словосочетаний и предложений в неполном виде.

По мнению М.В. Колтуновой, устная деловая диалогическая речь – самостоятельная стилевая разновидность – „разговорно-деловая речь“, сочетающая характеристики разговорного и делового стилей [Колтунова 2000].

Стилевое разграничение письменной и устной форм межкультурного профессионально-делового дискурса учитывается при преподавании РКИ в болгарских неязыковых вузах. Так, проводится сравнение и сопоставление коммерческой корреспонденции (КК) и деловых разговоров по телефону на одну и ту же тему, например, на тему рекламаций. Письмо-рекламация оформлено согласно требованиям официально-делового стиля, в то время, как рекламация по телефону носит разговорно-деловой стилиевой характер. В процессе преподавания необходимо учитывать, что обе формы профессиональной речи (письменная и устная) относятся к формальному типу общения, но обладают разной степенью официальности. Сопоставление делового профессионального диалога между коллегами и разговорного диалога между друзьями выявит разницу между разговорно-деловым и разговорным стилями.

Для осознания и взаимодействия иноязычного и родного межкультурного профессионально-делового дискурсов (требования инновационного межкультурного подхода) необходим гармоничный перевод – система транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую [Кушнина 2014: 67]. Так, новая теория гармоничного перевода применима в современном обучении ИЯ, содействуя формированию дискурсивной и межкультурной компетентности. В процессе преобразований на межкультурном уровне - синергии слов, лингвокультурной адаптации, гармонизации переводческого пространства - переводчик расширяет свой горизонт и становится активной, творческой личностью [Кушнина 2014: 68].

Именно эти задачи ставит перед собой преподаватель ИЯ, обучающий студентов неязыковых вузов.

При сопоставлении и переводе межкультурных профессионально-деловых дискурсов изучаемого и родного языков перевод не должен быть буквальным, а должен отражать фоновые различия. При обучении ПДО в преподавании РКИ в болгарских неязыковых вузах учитывается близость славянских бизнес подязыков, общая интернациональная терминология, специфика русского и болгарского языков в рамках деловой культуры, речевого этикета, деловой риторики.

В заключение подчеркиваем необходимость внедрять в практику преподавания русского бизнес языка в болгарских неязыковых вузах новые достижения российской лингводидактики: дискурсивно-стилистический коммуникативный метод обучения, межкультурный подход, требующий равноправного диалога культур, гармоничный перевод, основанный на преобразованиях на межкультурном уровне, разграничение устной формы профессионально-деловой речи как особой стилевой разновидности (разговорно-деловой стиль), выявление четкой системы русских официально-деловых клише.

Для активного сравнения и сопоставления русского межкультурного профессионально-делового дискурса с аналогичным болгарским дискурсом в процессе преподавания нужна активная работа с соответственными болгарскими источниками. Например, русский дискурс внешнеторговой сделки при преподавании РКИ в болгарских экономических университетах необходимо сопоставить с болгарским дискурсом внешнеторговой сделки (сопоставление терминосистем, структур текстов, устойчивых словосочетаний в письменной и устной форме различных жанров – договоров, писем, переговоров и т.д.).

Новые достижения в теории и практике преподавания РКИ в формате межкультурного профессионально-делового дискурса в болгарских неязыковых вузах отвечают современным требованиям глобализации и интернационализации мира.

ЛИТЕРАТУРА

Астафурова 1997 – *Астафурова Т.Н.* Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград, 1997.

Белоглазова 2007 – *Белоглазова Е.В.* Полидискурс в системе коммуникативной иерархии: к определению понятий // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2007, № 11.

Введенская 2002 – *Введенская Л.А., Павлова Л.* Деловая риторика. Ростов-на-Дону, 2002.

Гураль 2008 – *Гураль С.К., Шатурная Е.* Болонкий процесс: роль дискурсивной компетенции в обучении иностранным языкам // Успехи современного естествознания. 2008, № 7.

Дикова 2008 – *Дикова Е.С.* Межкультурный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008, № 88.

Дикова 2011 – *Дикова Е.С.* Современные подходы к обучению иностранным языкам в неязыковом вузе ?// Филологические науки. Тамбов, 2011.

Йорданова 2014 – *Йорданова Л.* Българският език през ХХI век. Проблеми на социолингвистиката. Езикът във времето и пространството. // София: Международно социолингвистическо дружество. София, 2014, № 11.

Карасик 2000 – *Карасик В.И.* О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000.

Карпова 2014 – *Карпова Т.Б.* Рецензия: Введение в синергетику перевода: монография. Л.В.Кушнина и др. Пермь: ПНИПУ, 2014, 278 с. // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, № 18.

Кафтайлова 2008 – *Кафтайлова Н.А.* Терминологическое поле межкультурного подхода к обучению иностранным языкам // Известия ГПУ им. А.И. Герцена. № 73-2. 2008.

Клушина 2011 – *Клушина Н.И.* От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. 2011, № 9.

Колтунова 2000 – *Колтунова М.В.* Язык и деловое общение. Нормы. Риторика. Этикет. М., 2000.

Куликова 2011 – *Куликова Л.В.* Стилевой формат межкультурного дискурса // Вестник ИГЛУ. 2011, № 1.

Кушникова 2014 – *Кушникова Л.В.* Принципы гармоничного перевода: метапереводческий аспект // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2014, № 18.

Лесневская 2014 – *Лесневская Д.С.* Обучение межкультурному деловому дискурсу в теории и практике преподавания РКИ в болгарских неязыковых вузах // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2014, № 18.

Малюга 2008 – *Малюга Е.Н.* Взаимовлияние деловой коммуникации и межкультурного делового дискурса // Известия ГПУ им. А.И. Герцена. 2008, № 84.

Маркина 2006 – *Маркина Н.А., Прохоров Ю.* Учебное пособие по русской культуре и русскому менталитету. 2006, М., Выпуск 2.

Павлова 2014 – *Павлова Н.* и др. Научни образователни стратегии // Наука. София, 2014, № 2.

Паршина 1994 – *Паршина О.Н.* Профессиональный диалог: дис... канд. фил. наук. Саратов, 1994.

Пономарева 2011– *Пономарева Н.Ю.* Особенности телефонной коммуникации в различных лингвокультурах // Современная филология в международном пространстве языка и культуры. Астрахань, 2011.

Приходько 2009 – *Приходько А.Н.* Таксономические параметры дискурса // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь, 2009.

Прохоров 2009 – *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М, 2009.

Сологуб 2014 – *Сологуб О.П.* Система стереотипных единиц официально-деловой речи // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, № 18. Пермь.

Стеблецова 2001 – *Стеблецова А.О.* Национально-культурная специфика делового текста: на материале английского и русского языков: дис...канд. фил. наук. Воронеж, 2001.

Химик 2012 – *Химик В.В.* и др. Основы русской деловой речи. СПб., 2012.

Ширяева 2011 – *Ширяева Т.А.* Деловой язык: знания, язык, текст (на материале современного английского языка) // Вестник Челябинского ГУ. Филология. Искусствоведение. 2011, № 60.

Шлепкина 2011 – *Шлепкина М.А.* Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе // Современная филология. Уфа, 2011.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Илиана Владова

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В результате переводческого акта осуществляется своеобразный диалог между двумя контактирующими культурами, при котором культура-рецептор обогащается новыми идеями и концепциями, новыми духовными ценностями. Воспринимающая культура приобретает иные интеллектуальные, образно-эмоциональные и художественно-выразительные черты. Осуществление такого контакта между культурами возможно благодаря их свойству являться открытыми системами, способными отдавать свои и принимать новые элементы [Лотман 1978].

Подобное взаимодействие закономерный многоаспектный процесс, сказывающийся на всех формах культуры, но особенно отчетливо он проявляется при анализе рецепции художественной литературы. Проникновение одного художественного мира в другой художественный мир ведет к открытию необозримого богатства иной поэтики, иных эстетических приемов отражения реальности и, вместе с тем, к выявлению новых рационально-логических и образно-эмоциональных характеристик слова.

В данной статье на примере взаимоотношений между русской и болгарской культурами и, в частности, между русской оригинальной литературой и ее переводами на болгарский язык будут выявлены особенности художественного трансфера, содействующего обмену литературно-художественными идеями и формами их воплощения в иной культурной среде, что ведет к развитию и совершенствованию принимающей литературы и ее культуры.

Перевод лежит в основе развития ряда национальных литератур, и нет никакого сомнения, что он играл важную роль для ее становления и развития. Так, например, датой рождения римской литературой принято считать 240-й год до н.э., когда Ливий

Андроник, натурализованный грек в Риме, выполнил первый в Европе художественный перевод “Одиссеи” Гомера [Шишмарев 1972]. Дальнейшее развитие римской литературы осуществлялось в теснейших связях с древнегреческой. Такой же путь развития прошло большинство национальных литератур; болгарская литература своим рождением также обязана переводам, которые всегда присутствовали в ее историческом развитии, присутствуют и сегодня, в современных условиях.

Особой активностью отличается коммуникация между русской и болгарской литературами, осуществляемая посредством переводов. Подобное взаимодействие между двумя литературами обусловлено общими историческими корнями обоих народов, сходством в их языках, а также наличием прогрессивных тенденций в их развитии.

Духовное общение между болгарами и русскими имеет почти тысячелетнюю историю. Это перманентный процесс, отличающийся неравномерной интенсивностью под воздействием тех или иных социально-политических факторов. Развитие процесса протекало и под действием той объективной закономерности, сопутствующей осуществлению духовных контактов между народами. В истории человечества существуют периоды, которые отличаются активной коммуникацией между культурами отдельных наций. Это переломные эпохи в жизни того или иного этноса, обусловленные его политическим, экономическим и духовным ростом. В эти периоды происходит и интенсивный культурный трансфер; переводы дают возможность развивающемуся этносу абсорбировать ценности духовно более зрелой культуры и обогатить свою собственную. Разумеется, наряду с этапами активной коммуникации существуют и такие, при которых наблюдается снижения активности межкультурного общения.

Следует отметить, что процесс коммуникации между культурами протекает в двух направлениях: от отдающей к принимающей и обратно, от принимающей к отдающей, то есть происходит их взаимное влияние и воздействие одной на другую. Так, в древности наблюдается влияние древнеболгарской культуры на древнерусскую; известно, что в конце X века в связи с принятием христианства на Руси широкое распространение там получила

культовая литература на древнеболгарском языке. Церковнославянский язык сыграл важную роль в формировании древнерусского литературного языка и, в частности, в развитии его стилистической системы. Как подчеркивают академики А. А. Шахматов [Шахматов 1941] и В.В.Виноградов [Виноградов 1938, 1956], церковнославянский язык способствовал умножению стилистических вариаций и образно-выразительных возможностей русского языка. И до сих пор древнеболгаризмы представляют внушительный пласт архаической лексики высокого стиля, который используется русскими писателями для жанровой стилизации и формирования языкового колорита эпохи. Нас, однако, интересует доминирующее, определяющее воздействие одной культуры на другую, которое ведет к качественным последствиям.

Русская литература начинает проникать в Болгарию посредством переводов в 40-е годы XIX столетия. Эти же годы считаются началом переводной рецепции русских художественных произведений в стране; коммуникация между обеими литературами продолжается и в наши дни. Чтобы выявить сущность явления, охарактеризовать его и прийти к соответствующим выводам и обобщениям, в анализе будем придерживаться базовых характеристик переводной рецепции: ее идейно-тематического характера и интерпретационной сущности [Ничев 1981].

Любая переводная литература нуждается в соответствующем литературном контексте, чтобы установить функциональные связи с принимающей литературой, вступить в ее орбиту и стать ее неотъемлемой частью. Для характеристики любой переводной рецепции необходимо учитывать особенности отдельных этапов в истории литературы-рецептора, принимая во внимание и ее связи с другими европейскими эстетиками. Таким образом, коммуникация между двумя контактирующими литературами будет рассматриваться в пределах целостного литературного процесса с учетом соотношений между различными направлениями, которые обособились в нем [Метева 2001]. Учитывая историческую периодизацию болгарской литературы, мы выделяем следующие периоды в переводной рецепции русской литературы в болгарском духовном пространстве: 1) 40-е - 70-е годы XIX в. или эпоха

болгарского Возрождения, выступающая как начальный этап рецепции; 2) 80-е – 90-е годы XIX в.; 3) первые два десятилетия XX в.; 4) период между двумя мировыми войнами; 5) 40-е – 50-е годы XX в.; 6) 60-е – 80-е годы того же столетия 7) конец XX и начало XXI в.в.

Каждый из намеченных периодов характеризуется определенным литературным контекстом, определяющим свое предпочтение определенному кругу русских писателей и тематическую направленность подобранных для перевода художественных произведений, оказывающих влияние на поэтику литературы-рецептора, а также особой динамикой и спецификой рецепции, которая свойственна только ему.

Начальный этап переводной рецепции несет характеристики самого Ренессанса. Это период становления болгарской нации, и, как любое Возрождение, он связан с качественными изменениями во всех сферах общественной жизни. Формирование нового сознания и мышления закономерно ставит вопрос о необходимости общения с другими культурами, осуществившими уже этот обновляющий процесс. Особый интерес для перевода представляют произведения русской литературы, которые соответствуют национальным интересам и, в частности, просветительским и революционно-демократическим задачам эпохи. Переводятся преимущественно произведения И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Никитина, А. Н. Плещеева, А. В. Кольцова. Особое место занимают переводы произведений на историческую тему, как повесть А. Ф. Вельтмана “Райна, королева болгарская”, поскольку они воскрешают события и образы прошлого страны и этим способствуют укреплению национального самочувствия. Такую миссию должны осуществить и переводы героических произведений, типа “Слово о полку Игореве”.

Специфические национальные условия, уровень развития общественного сознания определяют и характер духовных открытий. Запоздалое развитие Болгарии из-за пятивекового османского ига, низкий уровень эстетической зрелости являются причиной выбора для перевода произведений таких литературных направлений, которые давно отошли на задний план как в русской, так и в европейской литературах. Поэтому в 50-е – 60-е годы XIX столетия

болгарская литература обращается к сентиментализму (“Бедная Лиза” Н. М. Карамзина, “Душенька” И. Ф. Богдановича), в то время как русский читатель проявляет к этим произведениям только литературно-исторический интерес [Германов 1980], поскольку сама исходная литература уже выработала новые более сложные приемы изображения человека, его внутреннего мира.

Уровень развития эстетической мысли предопределяет и переводческие принципы воссоздания подлинника, ибо новое всегда “переломляется, интерпретируется в обстановке культуры-рецептора” [Прокопович 1980, 42]. В эпоху болгарского Ренессанса широкое распространение приобретает адаптация переводного произведения к духовным запросам читательской публики. Переводчики активно вмешиваются в компоненты художественного текста, меняя среду социальную и природную, быт персонажей, их имена и поведение, а иногда интерпретируют политические и социальные проблемы, затронутые в оригинальных произведениях, адаптируя их к интересам читателей перевода.

Интерпретация художественных фактов русской литературы обусловлена не только спецификой духовного развития болгарского читателя, но она детерминирована политическими характеристиками исторического момента, когда народ готовится к своему освобождению от национального гнета. От этого следует вывод, что наряду с просветительскими задачами переводчики эпохи Возрождения ставят перед собой и сугубо политические цели. Так, болгарский писатель Любен Каравелов, переводя глубоко социальные произведения украинской писательницы Марко Вовчок, вносит в текст перевода новые художественные тропы, которые актуализируют содержание переводимого произведения и адаптируют его к потребностям политической ситуации в Болгарии.

Если в эпоху Возрождения болгарская литература развивается преимущественно в узких национальных рамках, приспосабливая трансферированные литературно-художественные идеи к своим узким домашним задачам, то после Освобождения от османского ига она устремляется к крупным достижениям мировой литературы. Таким образом последние два десятилетия XIX века характеризуются отчетливо выраженным эстетическим критерием подбора

художественных текстов для перевода из русской литературы. Внимание переводчиков обращено к самым ярким представителям литературы XIX столетия, как Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой. Рецепционная стратегия к шедеврам русской литературы приобретает новые параметры, обусловленные развитием рецептивных возможностей национального литературного языка, национальной литературной поэтики. Это означает, что болгарская литература уже выработала свою систему художественно-образительных средств, необходимых для усвоения значительных достижений оригинальной литературы, для осуществления адекватных эстетических контактов.

В начале XX века переводная рецепция русской литературы устанавливает синхронный ритм с литературным процессом в Болгарии. Приобщаясь к ускоренным темпам развития русской и западноевропейской литератур, болгарская художественная мысль обращается к современным модернистским направлениям, установившимся как на Западе, так и в России. Особой активностью отличается отношение к символизму, к своеобразной поэтике А. Белого, Д. Бальмонта, К. Брюсова, А. Блока. И в этот период русская литература продолжает обогащать болгарскую культуру творческими достижениями крупнейших писателей XIX века, предлагая ей новую философско-психологическую тематику, новый углубленный способ изображения человеческих характеров, включающий не только социальную мотивированность поступков персонажей, но и подсознательное, интуитивное поведение.

Меняется и художественная интерпретация переводимого текста, изоощряется внимание к поэтической многозначности слова и подчеркнутой музыкальности стиха, лежащих в основе эстетики символизма. Однако в переводах прозы продолжает доминировать буквализм при передаче лексики, а также механическое воспроизведение синтаксиса текста.

Следующий этап в развитии диалога между русской и болгарской литературами занимает время между двумя мировыми войнами: первой и второй, и отличается неравномерностью и непоследовательностью в осуществлении рецепции, вызванной социально-политическими причинами, сказывающимися на

трансфере духовных ценностей в целом. Это в первую очередь обострение политических отношений между Болгарией и бывшим Советским Союзом, а также кризисная ситуация внутри страны. Рецепция отличается активностью непосредственно после Первой мировой войны, когда в стране распространяются левые идеи, а также во второй половине 30-х годов в результате восстановления политических и культурных связей с Советским государством для того, чтобы затихнуть перед Второй мировой войной и прекратиться во время ее действия.

Социально-политический контекст обуславливает идейно-тематический характер рецепции, открытой к произведениям, созвучным с характеристиками данного принимающего контекста. К ним относим произведения А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, А. А. Блока, А. Белого, В. А. Брюсова, Д. Бедного, В. В. Маяковского. В этот период переводятся и произведения писателей, которые относятся критически к новому советскому обществу (Ильф и Петров, М. М. Зощенко).

Художественная интерпретация свидетельствует об адекватности перевода оригинальному тексту, являющейся результатом сложившейся системы литературного языка и установленной традиции в употреблении художественно-выразительных средств.

В середине XX века и, в частности, в его 40-е – 50-е годы подбор текстов русской литературы для перевода строго подчиняется идеологическому подходу, действующему по отношению всех явлений культуры. Согласно этому подходу значение писателя и его произведений оценивались с точки зрения революционных тенденций времени и идеологических догм. Подобное отношение препятствовало целостному представлению русской литературы со всеми ее направлениями, школами и жанровым разнообразием, что сузило горизонт рецепции, и из нее выпали представители т.н. “чистого искусства” и модернистских направлений, серебряного века и зарубежной литературы. Подобная ревизия рецепции соответствовала тому канону, который был установлен и в самой принимающей литературе, что и лишило запрещенных произведений необходимого для их восприятия контекста.

Возврат к общекультурным и эстетическим критериям рецепции наблюдается в 60-е – 70-е годы, когда в Болгарии начинают издаваться произведения писателей, принадлежащих к разным литературным школам и направлениям. Этот процесс становится особенно заметен в 80-е годы, считавшиеся пиковым моментом в рецепции русской литературы в Болгарии, когда она была представлена творчеством писателей, принадлежащих к разным эпохам и направлениям, причем в их жанровом и структурном многообразии.

Беспорная адекватная интерпретация оригинальных художественных текстов, характеризующая этот этап в развитии рецепции, обусловлена рядом факторов, в том числе и развитой теорией перевода и сложившейся традицией в ее практической реализации. Тексты перевода отличаются художественной достоверностью, сохраняют индивидуальные авторские особенности и соответствуют потребностям принимающей культурно-языковой среды.

В конце XX века наблюдается бурное развитие переводческой деятельности в результате появления частных издательств, однако география рецепции сильно сузилась: переводятся преимущественно произведения английской и американской литератур, русская литература сильно редуцировалась. Подобное редуцирование подчинено социологическим критериям и, в частности, переменам в политических, экономических и культурных взаимоотношениях с Россией. Наблюдается и существенные изменения в идейно-тематическом характере рецепции. Доминирующая русская советская литература с ее основными темами: Октябрьская революция и Отечественная война, уступает свое ведущее место зарубежной, модернистской и постмодернистской литературам. Наблюдается активное проникновение произведений писателей эмигрантов и диссидентов: А. И. Солженицын, В. В. Набоков, И. А. Бродский, И. С. Шмелев, Е. И. Замятин, А. М. Ремизов. Тема Октябрьской революции и Отечественной войны, присутствующей в оригинальной литературе, но с иным оценочным анализом событий и явлений, представленным в иных жанровых формах – преимущественно в

документально публицистических произведениях и мемуарах, нашла свое место и в рецепции (В. Суворов, И. Бунич).

Конец XX и начало XXI в.в. ознаменован встречей болгарской читательской публики с постмодернистской русской литературой. Яркие представители постмодернизма: В. Ерофеев, В. Сорокин, Д. Прыгов, Э. Лимонов, Т. Толстая, С. Купряшина, Е. Трегубова, Л. Улицкая представлены на болгарском языке отдельными текстами.

Производит впечатление интенсивная рецепция детективных романов, особенно активно переводятся произведения А. Марининой и Т. Поляковой. Этот жанр присутствует в современных условиях почти во всех культурах и свидетельствует об общих тенденциях в их развитии.

В настоящий момент наблюдается известное оживление в рецепции коллосальных представителей русской литературы XIX века, как А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова; издаются, однако, только отдельные их произведения.

Анализ диалога между русской и болгарской литературами показывает, что рецепция художественных текстов русской литературы осуществлялась на протяжении более полутора столетия, причем этот процесс протекал весьма неравномерно. Особенно активной она оказывается в эпоху Возрождения, в период становления нового государства после освобождения Болгарии от османского ига, набирает силы после Первой мировой войны, замирает в результате прерванных дипломатических отношений между двумя войнами, чтобы вновь оживиться после их восстановления и расширить свой диапазон в 40-е – 50-е годы XX в., достигнув своего пика в его 80-е годы, а затем отметить резкий упадок на исходе столетия и оживиться в начале нового столетия. Периоды подъема и упадка в развитии рецепции обусловлены, главным образом, социально-политическими факторами. Сама художественная интерпретация русских эстетических ценностей движется от адаптации и оболгаривания в эпоху Возрождения, через копирование подлинника в конце XIX и начале XX в.в. к художественной адекватности переводного текста исходному во второй половине прошлого столетия, чтобы к концу века опять

вернуться к неравноценной художественной передаче оригинала с надеждой на восстановление адекватности в современных условиях.

На примере рецепции русской культуры в болгарском духовном пространстве была сделана попытка раскрыть специфику перевода как процесса межкультурной коммуникации. Взаимодействие между культурами в результате трансфера художественных текстов сопутствовало развитию цивилизации, что привело к обмену культурными традициями отдельных этносов. Накладываясь на устойчивый национальный код, привнесенные черты осваивались принимающей культурой, обретая при этом новые качества. Таким образом, интеграционным процессам в развитии культур сопутствуют процессы дифференциации, сохраняющие и отстаивающие их самобытные черты.

Сегодня мы являемся свидетелями интенсивного процесса глобализации, придающей современному миру облик, неизвестный до сих пор человечеству. Глобализация размывает границы между пространствами, являющимися источником мировосприятия этносов [Гачев 1999], а перевод содействует унификации поведения контактирующих между собой культур, устремленных к интеграции. Разумеется, однако, что любая традиционная культура, будучи системой, открытой ко всем другим культурам, должна воспользоваться возможностями интеграционной множественности, причем воспринимая себя как вариант этой множественности и фильтруя многообразие культурных импульсов, отправленных к ней, сквозь призму своей уникальности.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов 1938 - *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX в.в. М., 1938.

Виноградов 1956 - *Виноградов В.В.* Образование русского национального литературного языка // ВЯ, 1956, №1.

Гачев 1999 - *Гачев Г.* Национальные образы мира. Евразия. М., 1999.

Германов 1981 - *Германов Г.* Руската литература и духовното развитие на българина. //Преводът и българската култура. София, 1981.

Лотман 1978 – *Лотман Ю. М.* Динамическая модель культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978.

Метева 2001 – *Метева Е.* Руската литература и българското й преводно битие.// Преводна рецепция на европейските литератури в България. Руска литература. София, 2001.

Ничев 1981 - *Ничев Б.* Превод и рецепция на славянските литератури.//Преводът и българската култура. София, 1981.

Прокопович 1980 - *Прокопович С.С.* Адекватный перевод или интерпретация текста? // Тетради переводчика, вып.17. М., 1980.

Шахматов 1941 - *Шахматов А.А.* Очерки современного русского литературного языка. М., 1941.

Шишмарев 1972 – *Шишмарев В.Ф.* История итальянской литературы и итальянского языка. Избранные статьи. Л., 1972.

ДЕБЮТЫ

Атанаска Методиева

ТИПОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ И ФИГУРА РЕБЕНКА – ЧУДО РУССКОЙ ПОЭЗИИ НИКИ ТУРБИНОЙ

Литературное предисловие вводит читателя в художественный текст, создавая определенную настроенность. И все же предисловие не способно повлиять на текст в интересах идеологии. Советское предисловие периода 1920-х – 1980-х годов проясняет идеологическую задачу времени, обращается к памяти читателей и осуществляет связь с именами, принадлежащими к литературному канону. А о литературном каноне следует говорить лишь в его целостном многообразии, ставя высокое и низкое не в противопоставлении, а в аспекте влияния. Поэтому детская поэзия является необходимой частью, которую мы будем иметь в виду существующей в непостоянных условиях в отношении к миру зрелых поэтов. Ника Турбина останется автором единственного сборника стихов „Черновик” – сборника, появившегося в 1984 году. Вокруг детского канона распространилось тенденциозное молчание, что позволяет взглянуть на факты с иной точки зрения.

Евгений Евтушенко остается для нас фигурой масштабного поэта и эрудированного составителя антологий русской поэзии XX века. С его именем связано знаковое издание „Строфы века: Антология русской поэзии“, изданное в Москве в 1995 году, где впервые читатель находит имена запрещенных или же забытых поэтов. В предисловии к антологии Евтушенко отмечает, что Россия оказалась неподготовленной к свободе: после исчезновения политической цензуры утвердилась коммерциальная культура. Литературный факт в предлагаемом тексте связан с предисловием Евтушенко к сборнику стихов Ники Турбиной „Черновик”. Предисловие озаглавлено „Восьмилетний поэт”.

Сборник стихотворений Ники Турбиной „Черновик” выходит из печати в 1984 году, и с этой книгой она утверждается как „ребенок-чудо” в русской поэзии. Едва достигнув восьмилетнего возраста, она усовершенствует свой стих, звучащий в непосредственной близости к „серебряной волне”, отшумевшей 60 лет тому назад:

Уронила в руки волосы –
 Как пшеничная вода.
 А напьешься –
 Вмиг накатится
 Серебристая волна.
 Время горького дыханья
 Подступило, не унять.
 Как трава еще не вялая,
 Только стоит ли срывать?
 Завтра поутру оглянешься –
 Вышел год.
 Уронила в руки волосы –
 Твой черед.
 [Турбина 1984: 28].

Восьмилетняя поэтесса обретает известность в России и получает поэтические награды за пределами страны – как например *Золотой лев* русской поэзии в Италии. В таком деликатном возрасте она равняется не на ровесников, а на утвержденные образцы русской поэзии. Евгений Евтушенко становится ее ментором, берет на себя ответственность за ее выступления. Но годы спустя он отстраняется от Ники и уже не интересуется ее литературным будущим. А если художественное произведение не отвечает заданным стереотипам, усложняется зависимость в литературных отношениях. В предисловии к книге Евгения Сидорова „Евгений Евтушенко” мы находим позицию критика, которая заключается в отыскании творческого ключа для раскрытия „волшебного мира” за запертой дверью [Сидоров 1987: 20]. После исчезновения Советского Союза Ника разрабатывает отдельные поэтические мотивы от имени поколения 1990-х годов:

Увидим последний

Трамвай за окном...
 Я очень люблю засыпающий дом.
 И пылью покроются
 Новости дня.
 И я понимаю –
 Не ждали меня.
 [Турбина 1984: 32].

В текстах Ники мы обнаруживаем поэтические фразы из творчества Анны Ахматовой, Булата Окуджавы, Беллы Ахмадулиной, которые в стихотворении „Дом Пастернака” названы „общим голосом”: „Только голоса/ В душе кричат“ [Турбина 1984: 32]. По признанию самого Евтушенко он пытался оказывать влияние на юного автора в формировании стиха. Евгений Сидоров в своем предисловии, включающем диалог с Евтушенко, задает ему вопрос относительно обвинения автора предисловия в эклектизме, которое мы находим в статье Льва Озерова „Краткий трактат о яблоке”, помещенной в журнале „Вопросы литературы” /1968, №2/. Приведенные Озеровым стихотворные образцы заимствованы из различных поэтов. Ответ Евтушенко остается в пределах эклектизма [Сидоров 1987: 12].

В предисловии Евгения Евтушенко к книге Турбиной отметим и умолчание, связанное с фактом самоубийства 28-летней Ники. Предисловие типологически относится к основному тексту, который никогда не чуждается акцентов происходящего. Не случайно Евтушенко заявляет в духе стереотипа советского предисловия: „Станет ли Ника в будущем профессиональным поэтом? Кто знает...” [Турбина 1984: 6]. По всей видимости артефакт изданной книги не является для автора предисловия доказательством принадлежности Ники Турбиной к категории профессиональных поэтов. А именно на изданную книгу ориентировался в начале XX века Анатолий Луначарский в предисловии к сборнику стихотворений Анны Барковой „Женщина”. Но обратимся к подробностям с целью оформить облик предисловия в типологическом дискурсе.

В советском предисловии прежде всего останавливаются на происхождении поэта, чтобы можно было поместить его в

определенный литературный ряд. Например, Луначарский определил Баркову как ребенка из рабочей семьи, который вскоре после окончания гимназии станет носителем современной поэтики. Предисловия к литературным изданиям в течение двадцатого века останавливаются на классовых признаках творцов. Евгений Евтушенко в предисловии к „Черновику”, исходя из литературного канона более раннего этапа, отмечает, что Ника в Ялте попадает в гимназию, где училась Марина Цветаева, а ее дядя Анатолий Игнатьевич Никаноркин является автором нескольких книг. Риторический вопрос, подчеркивающий исключительность юного автора, опять-таки характерен для советского стиля: „Но мало ли кто еще учился в цветаевской школе и мало ли у кого дедушки – поэты? Я не случайно назвал Нику поэтом, а не поэтессой. С моей точки зрения, налицо редчайшее явление, а может быть, чудо: восьмилетний поэт“ [Турбина 1984: 3].

Типологическое лицо предисловия включает обязательный момент – автор должен быть показан в сопоставлении как с утвержденными именами, так и с неизвестными на данном этапе. Евтушенко ставит вопрос о внимании, с которым следует относиться к детскому творчеству, имея в виду начало литературного пути Ники: „Мы почему-то стараемся искусственно развивать в детях детское и пугаемся, как некоей странности, наличия в них взрослости. Между тем взрослость в детях есть явление, требующее самого бережной и тактичной поддержки. Нику Турбину открыла „Комсомолка“, напечатав ее крупный цикл, а затем Центральное телевидение предоставило ей возможность прочитать стихи многомиллионной аудитории“ [там же: 4].

Первоначальные восприятия Ники, как маленького чуда, связаны с явлением литературной мистификации. Евтушенко отбрасывает обвинения относительно мнимого авторства ее поэзии, когда слышит, как звучат стихи Ники в тексте „Дом Пастернака”: „Так могут читать только поэты. В голосе было ощущение особого, я сказал бы, выношенного звона:

Междугородние звонки,
Вы с богом неперегонки.

Вокруг планеты –
 Кто кого?
 От криков лопнуло стекло,
 Которое меж ним и мной.
 Долой звонки,
 Звонки долой.
 [Турбина 1984: 14].

Вера в авторство, которую нередко выражает советское предисловие / на которое я приписываю самостоятельность литературной институции/ служит доказательством основательного места конкретной книги в издательском плане – в данном случае речь идет об издательстве „Молодая гвардия”. Книга Турбиной выходит из печати, когда литературные творцы уже предощущают крах СССР, - крах, который Анна Баркова предсказала еще в 1950-х годах в одной из своих повестей. Для поэта-ребенка время располагается в связи с переживаемым вдохновением и с иными категориями духа.

Историческое время восьмидесятых годов еще благоприятно для создания мифа о детском литературном чуде, которое в реальности страдает астмой и по ночам будит мать, чтобы она записывала сочиняемые стихотворения, - те самые стихотворения, которые позже проложат путь в Европу и будут претендовать на награды в литературных конкурсах.

Предисловие в аспекте типологии раскрывает, что вдохновение может быть преобразовано в технику, а возвышенная поэзия рассматривается с учетом недостатков, которые в начале XX века Луначарский заметил в стихах Барковой. Так и Евтушенко в предисловии к трагической книге Ники Турбиной отмечает: „В стихах я нашел и немало слабостей, но ни в коем случае не хочу навязывать Нике свои поправки – мне бы хотелось, чтобы она сама их внесла. Ника защищала свои стихи с достоинством маленькой королевы, чувствующей на своем лбу тяжесть нелегкой железной короны... Книга эта отредактирована с ее участием“ [там же: 5].

Евтушенко деликатно ставит вопрос о *литературной задаче*, связанной со стихотворением „Сорок первый год“, которая заставляет Нику познакомиться со сценарием кинофильма „Детский сад“. В этом фильме замечается вмешательство литературного

сюжета в историю, а ребенок воспроизводит историю, не задумываясь о том, с какой полнотой и подлинностью возможно ее отразить. Ника ритмизирует тему войны, понимая, что недопустимо равнодушное дыхание в пространстве детской эмоции:

Города горят,
И леса горят.
По стране идет
Черным шагом
Враг.
Смертью смотрит
Глаз,
И рукой своей
Враг заносит меч
Над землей моей.
И закрыл крылом
Страшный ястреб
Свет.
И кричит земля:
-Мне покоя нет.
Отчего вы,
Люди,
Хуже зверей,
Убиваете даже
Малых детей? –
[там же: 13].

Остается вопрос, можно ли уловить в литературном продукте детскую или же недетскую душу, особенно в тех случаях, когда душа зависима от точки зрения литературного наставника, потому что время в детской душе не исторично, но детское сознание на взгляд Евтушенко способно перенестись в кровавое, страшное время и задать истории тревожный вопрос.

Эти привнесенные свойства детского сознания отвечают важной задаче предисловия, а именно необходимости увидеть творца на службе времени, включающем внимание и сострадание. И здесь детство уходит из биографии с целью преобразования в поэзии Ники в качестве вечного мотива:

Давайте молча говорить
О том,
Как детство не убить.
[там же: 6].

Одна из объяснимых причин того, что Евтушенко отделился от жизни Ники Турбиной, кроется в его восприятии фигуры профессионального поэта, который существовал только до распада СССР. В 1994 году он заявляет в предисловии к антологии: „Мы вступаем в эпоху, когда, может быть, наше поколение останется последним поколением профессиональных поэтов, живущих на эту профессию.“ [Евтушенко 1995: 15].

В конце предисловия к книге Турбиной Евтушенко поместил свое стихотворение, посвященное поэтессе. Две последние строфы звучат как прощальная песнь, что, к сожалению, происходит за двадцать лет до смерти Ники, хотя и приобретает пророческий смысл:

Где твоя голова? Среди этого мира
Или в мире ином?
Но зубцами короны пробитые дыры
Прожигают сквозь перрон.

А с подножки глаза призывают на поезд
В жизнь, где возраста нет.
До свидания! Прыгать в твой поезд мне поздно,
Восьмилетний поэт
[там же: 17].

Между огнем и золотистым берегом, изображенным Велимиром Хлебниковым в „Детях Выдры“, располагаются „нежно-серебристые духи с белыми крылами“. Юный поэт сравнивает смерть с солнцем вследствие борьбы между его крылатым духом и злой волей. Евтушенко принимает определение „черное солнце“, которое умирает в момент заката, как предвещал Хлебников.

В советском предисловии заложено противоречие между реальной психологической основой рассмотрения творчества автора и прогнозом его литературного будущего. Поэтому показательны два

примера – Анна Баркова и Ника Турбина с их тяжелой биографией. Советское предисловие ставит литературное Я в желанные эстетические пространства, а впоследствии оставляет его самостоятельно переживать свои падения, включающие и условия лагеря, и смерть, и фатальное забвение.

ЛИТЕРАТУРА

Евтушенко 1994 - *Евтушенко, Е.* Строфы века: Антология русской поэзии, Москва, 1995.

Сидоров 1987 - *Сидоров, Е.* Евгений Евтушенко. Москва, 1987.

Турбина 1984 – *Турбина Н.* Черновик. Москва, 1984.

РЕЦЕНЗИИ

ЗАХАРИЕВА И. П. РУССКИЙ РОМАН XX ВЕКА: АВТОРСКИЕ ОПЫТЫ СПЕЦИФИКАЦИИ ЖАНРА. – СОФИЯ: МУЛТИПРИНТ, 2014 – 143 с.

Очередная книга болгарского литературоведа-русиста Ирины Захариевой **„Русский роман XX века: авторские опыты спецификации жанра”** /София, 2014/ посвящена исследованию романа XX века. Определяя специфику русского романа XX века, Ирина Захариева анализирует романы литераторов „потанной литературы”, русского Зарубежья и отдельных писателей в Советской России.

Книга хорошо структурирована, отвечая замыслу автора проследить эволюцию специфики жанра романа, начиная от русского символистского романа рубежа XIX – XX веков и заканчивая постмодернистским романом конца XX века.

В главках „Подход к теме” и „Жанровый генезис и доминантные признаки романа” Ирина Захариева дает теоретические установки своего исследования. Русская литература, по ее мнению, после периода „Серебряного века” делится на печатную российскую, литературу задержанную, литературу эмиграции, литературу отечественного андерграунда, литературу Самиздата в метрополии, литературу Тамиздата. „И только в последнее десятилетие минувшего столетия все эти отклонения развивающейся литературы, - пишет Ирина Захариева, - наконец воссоединились в единую национальную литературу” /стр. 13/. Здесь появляется вновь образ Китежа, знакомого нам из ее другой книги как „символического мегаобраза русской культуры „ Введя читателя в краткую историю генезиса жанра романа, в последующих главах исследователь рассматривает особенности романов отдельных авторов различных потоков русской литературы XX века.

Русский символистский роман исследуется в творчестве Федора Сологуба /”Мелкий бес”/, Валерия Брюсова /”Огненный ангел”/,

Дмитрия Мережковского /трилогия „Христос и Антихрист”/ и Андрея Белого /”Петербург”/. Автор суммирует поэтологические признаки символистского романа начала XX века: метафизическая философская основа; введение эсхатологических мотивов; создание иррациональных символистских образов наряду с рациональными, выполненными в натуралистической манере; в стилистике романов сочетаются натуралистическая описательность и модернистские приемы; в основе произведения заложен миф о мире, связанный с воплощением определенных символистских идей. /стр. 22/

На „советской почве” Ирина Захариева обращается в своей книге к романам „Голый год” и „Машины и волки” /образцы „фрагментарного романа”/ Бориса Пильняка, „Бегущая по волнам” /”фантастический роман”/ А.Грина, „Кюхля” и „Пушкин” /”историко-биографические романы”/ Ю.Тынянова, „Жизнь и судьба” /”ретроспективный роман”/ В.Гроссмана, „Двенадцать стульев” и „Золотой теленок” /”юмористические романы”/ И.Ильфа и Е.Петрова „Чевенгур” /”сближение с народным эпосом”/ А.Платонова, „Осударева дорога” /”роман-сказка”/ М.Пришвина. Анализируя эти произведения, автор выявляет специфические особенности для каждой из определяемых ею жанровых разновидностей романа.

Следующий круг – это романы представителей трех волн русского Зарубежья: И.Бунина, Б.Зайцева, А.Куприна, Г.Газданова, В.Сирина /Вл.Набокова/, Е.Замятина, М.Алданова, В.Войновича, А.Солженицына, Вл.Максимова, Н.Берберовой, В.Аксенова. Проза С.Довлатова исследована Ириной Захариевой и ранее. В рамках настоящего труда она выделяет циклизацию рассказов и повестей как замещение романной структуры. „Довлатовский метод критики определяли как театрализованный реализм, - пишет автор книги. – Он создавал собственный текстовый театр, и литературно-критическая игра служила ему литературным спасением.” /стр. 107/

Особое место занимают в исследовании отдельные произведения авторов андерграунда и постмодернизма. „Отрыв литературного текста от жизненной реальности”, интертекстуальность, ритуальность, ироническая интонация и другие черты поэтики постмодернизма выявлены в романе Саши Соколова „Палисандрия”.

В заключении Ирина Захариева обобщает все высказанное в книге и дает свою классификацию русского романа 1900-х – 1980-х годов: „символистский роман /Ф.Сологуб, Д.Мережковский, А.Белый/; неореалистический роман русского Зарубежья 1920-х – 1930-х годов /И.Бунин, А.Куприн/; эмигрантский роман прозаика младшего поколения в свете романтико-реалистических традиций /ранний Г.Газданов/; эмигрантский метароман В.Сирина /В.Набокова/; исторический и ретроспективный романы эмигранта М.Алданова; эпистолярный зарубежный роман /В.Шкловский/; прогностический роман нравственных ориентиров /Е.Замятин/; фантастический роман о любви и свободе личности в обществе коллективизма /А.Грин/; роман о современности условно-мифологической структуры / М.Булгаков, Б.Пастернак/; роман о современности в стиле народного эпоса / А.Платонов/; роман-сказка о связи времен /М.Пришвин/; историко-биографический роман Ю.Тынянова; информативно-биографический роман /Н.Берберова, Д.Гранин/; роман о современности, ориентированный на подтекст /Вас.Аксенов/; замещение романной структуры циклизацией рассказов и повестей о современности, объединяемых образом автора-повествователя /С.Довлатов/; исторический и ретроспективный романы А.Солженицына; исторический роман превращения „антгероя” в героя /Вл.Максимов/; юмористический роман /И.Ильф и Е.Петров/; роман „гротескного реализма” /Вл.Войнович, Ю.Дружников/; постмодернистский роман /С.Соколов/.” /стр. 133-134/

На наш взгляд, книга „Русский роман XX века: авторские опыты спецификации жанра” вводит в обиход болгарской литературоведческой русистики известные уже после периода перестройки в России имена и произведения XX века, но еще не представленные в Болгарии. Вне поля зрения исследовательницы остается роман соцреализма. Но предмет анализа всегда выбирает сам исследователь, ведомый какой-то своей особой логикой.

Книга написана на хорошем русском языке, что даст возможность обратиться к ней не только искушенному литературоведу, но и каждому интересующемуся русской литературой читателю, владеющему русским языком. **Татьяна Федь**

**КОРОСТОВА С. В. ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ СМЫСЛЫ В
РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ. – РОСТОВ-НА-
ДОНУ: ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА, 2014. – 224 С.**

Рецензируемая монография написана известным исследователем русского эмотивно-оценочного художественного пространства Светланой Владимировной Коростовой, доцентом кафедры русского языка Южного федерального университета, кандидатом филологических наук. С.В. Коростова является автором более 100 работ по проблемам лингвистики текста, эмотивности как категории художественного текста, концептуализации эмоций в русском языковом сознании¹.

Монография посвящена разработке лингвистических представлений об эмотивности как текстовой категории, существующей в виде эмотивно-оценочных смыслов в текстах разных жанров. Вопросы, освещаемые в монографии, связаны с доминирующей ролью эмоций в художественной коммуникации, которая репрезентирует и одновременно формирует эмоциональное пространство языковой личности. В книге рассматриваются способы концептуализации эмоций в русском языковом сознании и средства репрезентации эмотивно-оценочных смыслов в художественных текстах русских писателей XIX-XXI вв. разных типов авторизации, в современных масс-медиа и религиозном дискурсе.

Монография состоит из введения, трех глав, заключения и литературы. Во введении сформулирована основная цель работы – разработка концептуальных основ функционально-семантического моделирования эмотивно-оценочных механизмов разных жанров,

¹ На международной научной конференции „Перевод как средство взаимодействия культур“, организованной Высшей школой перевода МГУ к столетию со дня рождения М.Ю. Лермонтова (18–21 октября 2014 г. Краков, Польша), С.В. Коростова выступила с докладом „Прагматика эмотивности в прозе М.Ю. Лермонтова: лингвокультурологический аспект“, посвященным средствам репрезентации категории эмотивности в романе М.Ю. Лермонтова „Герой нашего времени“ – Сб. Перевод как средство взаимодействия культур. М.: МГУ, С.379–390.

описание прагматических свойств разноуровневых эмотивных единиц русского языка.

Первая глава „Теоретические основы исследования эмотивности в современной лингвистике“ содержит подробный анализ целого ряда известных работ, существующих теорий по исследуемым проблемам. При этом всегда чувствуется четкая авторская позиция в оценке обсуждаемых вопросов, многие из которых носят дискуссионный характер. Категориальный аппарат эмотиологии, представленный в этой теоретической главе, нельзя считать вполне устоявшимся в современной лингвистике, тем более значим авторский взгляд на проблему терминологии. Так, автором разграничиваются термины „эмоциональность“ и „эмотивность“², принимается точка зрения Л.А. Пиотровской³, согласно которой необходимо разграничить также „язык описания“ и „язык выражения“ эмоций.

В этой же главе рассматривается вопрос о категориальных признаках эмотивности, формирующей функционально-семантическое поле в художественном тексте, а также соотношение языковых средств выражения микрополей функционально-семантического поля эмотивности с маркерами других полей.

Оригинален подход автора к изучению статуса категории эмотивности в аспекте психолингвистики, когнитивной и антропоцентрической лингвистики. Представляет интерес эмотивно-оценочная характеристика языковых единиц в лексикографическом аспекте⁴. Автор считает, что оценочность в русской языковой картине мира должна быть отражена толковыми словарями нового типа⁵.

Вторая глава „Концептуализация эмоций в русском языковом сознании и их репрезентация в текстах разных жанров“

² Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2008.

³ Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. СПб., 2004.

⁴ Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М., 2001.

⁵ Золотова Г.А. О новых возможностях лексикографии // Вопросы языкознания. № 4. 1994. С.85–95.

рассматривает концепт страха в русской концептосфере эмоций, концептуализацию страдания и радости в русской языковой картине мира, концептуализацию эмоциональных состояний в текстах современных СМИ, эмотивность в религиозном дискурсе: способы репрезентации эмотивно-оценочных смыслов.

Третья глава монографии „Эмотивно-оценочные смыслы в русском нарративе“ посвящена анализу эмоций в художественной литературе, в частности способов выражения эмотивно-оценочных компонентов смысла в повествованиях от 1 и 3 лица.

Представляется значимой попытка автора выявить способы репрезентации эмотивно-оценочных смыслов, их прагматический потенциал в художественном повествовании от 1 и от 3 лица. Автор детально исследует эмотивное пространство русского нарратива, обосновывая функционирование эмотивно-оценочных лексическо-грамматических и синтаксических единиц эмотивной доминантой текста, формирующейся в художественном дискурсе в результате взаимодействия трех составляющих: автора, персонажа, читателя-интерпретатора.

В заключении подводятся итоги исследования. Автор подчеркивает, что в русской лингвокультуре эмоции отражают в языковом сознании говорящих многовековой опыт народа посредством универсальных и культурно-специфических представлений об эмоциональных переживаниях.

В результате тщательного анализа языкового материала автору удалось выявить когнитивно-прагматические и функционально-семантические особенности актуализации эмотивно-оценочных компонентов смысла в русском перволичном и третьеличном нарративе.

Отражение выделенных автором зон эмотивности в классическом и постмодернистском нарративе позволило сделать вывод о том, что в русском художественном тексте существуют определенные эмотивные доминанты, каузированные не только типом нарратива, но и внелингвистическими факторами, в частности, социальными и историческими условиями, предопределившими появление самого текста.

Концептуальное соотношение теории языковой личности и теории нарратива делает исследование эмотивно-оценочных смыслов в русском художественном тексте прагматически существенным в рамках современной науки, определяет перспективность разработки данного направления для теории функционального синтаксиса, теории языковой личности, психолингвистики, персонологии и других актуальных направлений современной гуманитарной науки.

Актуальны выводы автора о способах репрезентации категории эмотивности в современных масс-медиа. Ирония – эмоциональная доминанта журналистского сообщения. Степень эмотивности сообщения зависит прежде всего от стратегии телеканала, от выбора способов воздействия на массовое сознание. Автор справедливо утверждает, что за языковым выражением эмоций всегда стоят определенные интересы, силы, контролирующие „эмоциональный режим“.

Анализ выражения эмотивности в современной проповеди как основного жанра религиозного дискурса привлекает внимание читателя. Автор отмечает, что в современных проповедях эмотивные высказывания, в которых используется разговорная эмотивно-оценочная лексика, интенсифицируют речь пастыря, стимулируя когнитивную деятельность слушателей в поисках веры.

Выход в свет монографии „Эмотивно-оценочные смыслы в русском художественном тексте“ – значительный вклад С.В. Коростовой в развитие эмотиологии, текстологии, теории функционального синтаксиса, персонологии, лингвокультурологии.

Димитрина Лесневска

ХРОНИКА

ИТОГОВОЕ СООБЩЕНИЕ IV МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА «РУССКИЙ ЯЗЫК ЧЕРЕЗ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ И РУССКОЕ ИСКУССТВО»

С 25 по 28 июня 2015 года в Софии и Сандански прошел IV Международный форум «Русский язык через русскую литературу и русское искусство» с участием представителей России, Болгарии, Германии, Украины, Польши, Румынии и Нидерландов. Всего в работе форума приняли участие более 200 человек, включая специалистов библиотек, директоров детских садов и школ, учителей и методистов, экспертов, преподавателей вузов, Болгарской академии наук, представителей органов управления образованием и международных неправительственных организаций: МАПРЯЛ, МПО, и других различных общественных объединений. По сравнению с предыдущим аналогичным мероприятием, посвященным русскому языку и русской культуре, количество участников от Болгарии значительно увеличилось. В Софии и Сандански в работе Форума приняли участие болгарские преподаватели РКИ 94 образовательных учреждений из 40 городов Болгарии.

Форум состоялся в рамках международного проекта Муниципального культурного института «Столичная библиотека» и фонда «Русский мир» при содействии мэрии Софии, Министерства образования и науки Болгарии, посольства Российской Федерации в Республике Болгария, представительства Россотрудничества в

Болгарии – Российского культурно-информационного центра в Софии, Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Международного педагогического общества в поддержку русского языка (МПО), Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина в Москве, Национальной сети болгарских базовых учебных заведений с изучением русского языка, Болгарской национальной сети преподавателей русского языка и культуры, Общества русистов Болгарии и других российских и болгарских организаций.

Следует подчеркнуть, что Форум по актуальным вопросам русистики проходит успешно уже четвертый год в столице Болгарии и реализует следующие цели:

- поиск инновационных подходов в вопросах совершенствования работы библиотекаря в поликультурной среде;
- формирование современных путей укрепления позиций русского языка и русской культуры в современном мире и установление конструктивного сотрудничества в данной области;
- обмен опытом и практическими наработками в области методики преподавания РКИ в детском саду, школе и вузе.

В этом году особо стоит отметить прикладной характер мастер-классов, проводимых на базе площадок детского садика № 8 «Таврия», СОШ № 73 им. Владислава Граматика и Софийского университета им. Святого Климента Охридского.

В качестве организаторов форума и в настоящем году выступили фонд «Русский мир» и Русский центр Муниципального культурного института «Столичная библиотека».

В рамках форума проведены круглый стол, три мастер-класса, конференция и два методических семинара.

В адрес Международного форума в настоящем году были направлены приветствия от имени Министра образования и науки Болгарии, Заместителя Министра образования и науки Российской Федерации, Мэра г. Софии, Руководителя Россотрудничества, Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Болгарии, Президента Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Координационного совета Международного педагогического общества в поддержку русского

языка (МПО), Синдиката болгарских учителей, Представительства РАН в Болгарии и Федерации „Союз соотечественников“.

В день открытия Международного форума Заместитель Министра образования и науки Болгарии Ваня Кастрева провела деловую встречу в Министерстве образования и науки Болгарии с представителями всех стратегических организаций в России, которые принимали участие в Форуме. Встреча прошла в теплой дружественной атмосфере и с обеих сторон было заявлено желание о дальнейшем продолжении и развитии успешной совместной работы в области образования и обучения болгарских детей и молодежи русскому языку и русской культуре.

В работе **круглого стола на тему „Русский язык и русская культура – основа взаимопонимания и конструктивного сотрудничества“** приняли участие исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин, ректор ГИРЯ им. А. С. Пушкина Маргарита Русецкая (Москва, Россия), директор секретариата МАПРЯЛ Александр Коротышев (Санкт-Петербург, Россия), руководитель организации, на базе которой работает секретариат Международного педагогического общества в поддержку русского языка Елена Омельченко (Москва, Россия), начальник отдела развития образования Комитета по образованию Санкт-Петербурга Валерий Волков, руководители Русских центров, созданных Фондом «Русский мир» в Софии, Пловдиве и Варне, представители других болгарских и российских организаций и ведомств, а также преподаватели русского языка из Болгарии, Германии, Украины, Нидерландов, Румынии и Польши. Участники форума ознакомились с деятельностью и планами работы стратегических организаций России в области преподавания и изучения русского языка и культуры, с возможностями разработки новых проектов по данной тематике. Во время работы круглого стола было подписано Соглашение о сотрудничестве между Государственным институтом русского языка им. А.С.Пушкина и Болгарской национальной сетью преподавателей русского языка и культуры.

На высоком уровне прошли **мастер-классы по тематике Форума** на базе Кафедры русского языка Софийского университета

им. Св. Климента Охридского, СОШ № 73 им. В. Граматика и Детского садика № 8 «Таврия»

Кафедра русского языка в одном из старейших вузов Болгарии – Софийском университете им. Св. Климента Охридского – уже почти 70 лет занимается подготовкой специалистов по русскому языку – учителей болгарской средней школы и переводчиков.

Сегодня на кафедре проходят обучение будущие бакалавры-русисты, в том числе студенты из стран Евросоюза, Китая и Турции. Для тех, кто желает получить степень магистра-русиста, на факультете славянских филологий предлагается обучение по программе «Язык. Культура. Перевод». Все лекционные курсы ведутся на русском языке. Отсюда и большой интерес к этим курсам у студентов из Польши, Эстонии, Чехии, Германии, Италии.

Кафедра русского языка готовит студентов, которые выбрали себе в качестве второй специальности «Русский язык». Как правило, на нее принимают студентов, владеющих русским языком на уровне В1. Специальность пользуется спросом, и в этом году ее выбрали свыше 20 студентов факультетов славянских и классических филологий. Объем часов по 2-й специальности – 480.

Преподаватели кафедры проводят занятия по практическому русскому языку со студентами других специальностей, которые изучают язык в качестве второго или третьего иностранного языка. Так, на факультете славянских филологий русский язык включен в программы специальностей „славянская филология”, „болгарская филология” и „балканистика” (общее количество аудиторных часов – 870).

На кафедре обучаются студенты других факультетов, где проводится подготовка специалистов по таким направлениям, как *европеистика, классические и новые филологии, международные отношения, туризм, этнология, история* и др. - около 700-800 человек.

С каждым годом растет число желающих изучать русский язык. Со следующего учебного года этот предмет вошел в программы студентов, обучающихся на факультете экономики (как второй иностранный) и факультете педагогики (как факультатив).

Преподаватели кафедры – специалисты в своей области. Многие из них защитили диссертации в российских ведущих университетах. Они активно участвуют в различных международных проектах в сотрудничестве с учеными из России, Германии, Италии, Румынии, Словакии.

С 2004 года при кафедре функционирует Центр по русскому языку им. акад. В.В. Виноградова, в котором совместно с коллегами из МГУ им. М. В. Ломоносова проводится тестирование по русскому языку как иностранному.

Целью **мастер-класса на тему «Интегративный подход к адаптации текстов современной художественной литературы при обучении РКИ»**, который провели совместными усилиями директор Секретариата МАПРЯЛ Коротышев Александр Владимирович и заведующая кафедрой русского языка Софийского университета им. Святого Климента Охридского, доцент, кандидат филологических наук Алексиева Татьяна Игоревна, было познакомить студентов и университетских преподавателей с интегративной технологией адаптации современных художественных текстов при обучении русскому языку как иностранному.

Во время занятия были представлены ключевые параметры текста и характеристики аудитории, определяющие отбор художественных текстов, проиллюстрированы основные подходы к вопросу адаптации художественной литературы для учебных целей, обозначены пути практического решения проблемы сохранения аутентичности первичного текста, продемонстрирован методический инструмент интегративной адаптации – т.н. «матрица адаптации», и способ интегративной адаптации художественного текста при помощи «матрицы адаптации». Участники семинара научились адаптировать тексты с использованием интегративной технологии, познакомились с примерами текстов современной русской литературы, которые могут использоваться при обучении русскому языку как иностранному. В качестве материала для анализа рассматривался рассказ Захара Прилепина («Бабушка, осы, арбуз»), также были представлены тексты Германа Садулаева («Блокада») и Евгения Водолазкина («Служба попутчика»).

На базе СОШ № 73 им. В. Граматика г. Софии успешно прошел **мастер-класс на тему: „Преподавание литературы при обучении РКИ в старших классах школы”**. Урок провела Димитрова Елена Владимировна, главный учитель по русскому языку СОШ № 73 им. В. Граматика.

Официальным гостем события в СОШ № 73 им. В. Граматика была Мэр г. Софии г-жа Йорданка Фандыкова, которая не только тепло встретила и поприветствовала участников Форума, но и работала с коллегами во время открытого урока.

Традиции преподавания русского языка в средней школе № 73 берут свое начало с 1968г. – в это время была построена и открыта школа. С 1989 г. русский язык стал преподаваться как второй иностранный язык наряду с французским, а позже и английским. Первым иностранным языком был определен немецкий язык. В настоящее время русский язык изучается с 5 по 7 и с 9 по 12 классы. Ученики школы достигают отличных результатов в олимпиадах, многоязычных конкурсах и других состязаниях. Например, Деница Дзипалска была победительницей Международной олимпиады по русскому языку в Москве. Многие выпускники школы успешно сдают экзамены по русскому языку, а также ежегодно получают сертификаты Института русского языка им. А.С.Пушкина уровней В1, В2 и С1.

На уровень качества знаний старшеклассников благотворное влияние оказывает изучение литературных текстов при обучении языку.

К восприятию этих текстов учащиеся готовятся еще в первый год обучения на основе работы по чтению и пониманию коротких прозаических текстов и стихотворений. Особенностью этих текстов являются краткий объем, лексика базового уровня, использование изученного материала по грамматике, интересное для учащихся данного возраста содержание.

В 10-м классе школьники приступают к изучению литературных текстов выдающихся русских поэтов и писателей. Работа эта проводится поэтапно.

Сначала вниманию учащихся предлагаются произведения К.Паустовского („Корзина с еловыми шишками”, „Золотая роза”,

„Старый повар”, „Старик в станционном буфете”), А.Грина („Зеленая лампа”, „Алые паруса”).

Для восприятия каждого из них используется *предтекстовая работа*, включающая знакомство с основными моментами биографии и творчества писателя, а также выполнение заданий, связанных с новой лексикой. Тексты представлены в адаптированном виде. Если текст более объемного содержания (как, например, „Алые паруса”), то он разбивается на части.

Тексты даются в электронном виде и читаются каждым учеником на индивидуальном мониторе.

Послетекстовая работа предполагает выполнение теста по содержанию произведения. На основе его проходит обучение краткому пересказу. На следующем этапе проходит беседа в форме вопросов, которые группируются в соответствии с двумя определенными целями:

- 1- контроль над тем, как ученики усвоили содержание текста;
- 2- мотивация к размышлению над проблематикой, заложенной в содержании текста.

Вторым этапом работы над литературным произведением в 10 классе является знакомство со стихотворными текстами на основе блистательных образцов русской классики XIXв. (поэзии А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова).

Роман „Герой нашего времени” (повесть „Бэла”) изучается в виде адаптированного текста, разбитого на части. С содержанием повести „Княжна Мери” школьники знакомятся, просмотрев одноименный фильм, после чего следует обсуждение фильма и чтение диалогов из данной повести.

Если при изучении литературных произведений русских классиков используется фильм, то это подобранные фильмы российского производства. Также проводится работа перед просмотром фильма и после него.

В 11 классе учащиеся знакомятся с рассказами Н.В.Гоголя, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова.

Во втором учебном полугодии они уже подготовлены к восприятию эпизодов из романов Л.Н.Толстого „Война и мир”,

Ф.М.Достоевского „Преступление и наказание”, И.С.Тургенева „Накануне”, подобранных по определенным темам, что позволяет осуществить знакомство и с произведениями современных авторов.

При подборе литературного материала учитель обращает внимание и на юбилейные даты, и на актуальные события в общественной и культурной жизни России. Так, например, к 100-летию Первой мировой войны одиннадцатиклассники коснулись творчества И.А.Бунина, познакомившись с его рассказом „Холодная осень”. Многие самостоятельно прочитали рассказ „Солнечный удар” и смотрели одноименный фильм, снятый Н.Михалковым.

Мастер-класс на тему: „Итоговое занятие по изучению рассказа Ю.Бондарева „Простите нас” проведен в 11 классе учителем Димитровой Е.В. Цель этого занятия – знакомство с творчеством современных писателей России на основе художественного текста при обучении русскому языку как иностранному.

Во время занятия учащиеся обращают внимание на основные моменты содержания текста, используют навыки выразительного чтения, умение вести беседу по данному содержанию и выражать собственное мнение по затронутым в нем нравственным проблемам.

Интерес к русской литературе, самостоятельное изучение русского языка, формирование нравственных качеств – вот те перспективные задачи, которые ставит перед собой учитель.

Омельченко Елена Александровна, заместитель декана факультета международного образования, доцент кафедры ЮНЕСКО, кандидат исторических наук, провела беседу со школьниками на тему: *«Россия и русские в восприятии современной зарубежной молодежи»*.

В состоявшейся беседе на тему: «Россия и русские в восприятии современной зарубежной молодежи» школьники выразили свое мнение о роли России в современном мире, показали, какими они сейчас представляют Россию и россиян, обсудили роль русской культуры в истории и развитии многонационального российского государства. Отвечая на вопросы ведущего, ребята провели дискуссию о роли стереотипов в формировании представлений о народах и странах мира, а также роли современных

информационных технологий, в том числе интернета, в распространении информации об истории и культуре России среди зарубежной молодежи. Интересные мнения высказывались учащимися о том, какими способами, по их мнению, можно повысить в среде школьников Болгарии и других стран интерес к изучению русского языка, ее культурного наследия, истории и современности России.

Продолжением беседы со школьниками стал проведенный к.и.н. Е.А. Омельченко мастер-класс с педагогами на тему **«Такая разная Россия: мифы и факты. Ищем ключи к формированию у школьников интереса к России, ее языку и культуре»**. В ходе мероприятия обсуждались следующие вопросы: «Какие интересные исторические факты и события могут пробудить интерес к России у зарубежных школьников?»; «Многонациональность России как ключ к познанию ее культуры и истории»; «Эпоха великих географических открытий: российское измерение»; «Русское и советское музыкальное наследие как источник знаний и впечатлений о русских и россиянах»; «Достижения науки и техники, зародившиеся на российской земле» и другие. Ведущая мастер-класса показала, какие темы и каким образом могут быть положены в основу не только уроков, но и внеклассных, внеучебных мероприятий, а также использоваться в проектной деятельности школьников. Мастер-класс сопровождался презентациями, видео- и аудиофрагментами, иллюстрирующими основные обсуждаемые темы.

Муниципальное дошкольное образовательное учреждение "Таврия" № 8 города Софии приняло своих первых воспитанников в 1973 году. Сегодня его посещают свыше 400 детей. В саду функционируют 14 групп дневного пребывания (3 группы для детей от года до 3 лет и 11 групп для детей с 3 до 7 лет).

Детский сад оборудован современной материально-технической базой: садом с редкими породами деревьев, самостоятельной игровой площадкой для каждой группы, просторными помещениями для групп, каждое из которых оснащено мультимедийным оборудованием, актовым залом, спортивным залом, кабинетом педагога-психолога, кабинетом учителя-логопеда, кабинетом для изучения иностранных языков.

МДОУ "Таврия" уже много лет является местом прохождения педагогической практики студентов Софийского университета имени Климента Охридского, активно участвует в международных Европейских проектах. В 2013-2015 гг. в рамках Европейского проекта "Друзья танца" дети изучили народные танцы, песни, игры и национальные костюмы регионов Болгарии.

Педагогический коллектив детского сада "Таврия" работает в соответствии с утвержденной Министерством образования программой и с государственным образовательным стандартом дошкольного образования Республики Болгария. Обеспечивает познавательное-речевое, социально-личностное, художественно-эстетическое и физическое развитие детей, придерживаясь принципов демократичности, гуманизма, децентрализации управления системой образования. В его состав входят 23 педагога-специалиста с высшим образованием по специальности «Дошкольная педагогика», музыкальный руководитель, педагогический советник - психолог, логопед, 11 медицинских сестер, 30 специалистов различного профиля и служащих.

Среди основных целей педагогического коллектива МДОУ "Таврия" №8 - создание благоприятных условий для полноценного проживания ребенком дошкольного детства и усвоения им общечеловеческих и национальных духовно-нравственных и культурных ценностей. Приоритетом в деятельности педагогического коллектива является организация воспитательно-образовательного процесса на основе пристального внимания к индивидуальным особенностям каждого ребенка. Психолог, логопед и учитель совместно отслеживают динамику развития каждого ребенка, выстраивают индивидуальную программу развития с целью выявления и развития его творческого и познавательного потенциала во время игры, режимных видов деятельности на занятиях по математике, родной речи, окружающему миру, изобразительному искусству, физической культуре, по формированию знаний о социальном мире. Оказываются дополнительные образовательные услуги: обучение русскому, английскому и немецкому языкам, фольклорным танцам, игре на фортепиано, участие в секции по футболу. Обучение иностранным языкам приобщает детей к

социокультурным нормам общения с представителями других культур.

Обучение русскому языку и культуре дает детям базу для сравнения общих славянских традиций и направлено на формирование у детей устойчивого интереса к русской культуре. В детском саду "Таврия" обучение русскому языку ведется по программе, которая позволяет обучать детей произношению, лексике, умениям говорить и слушать в приятной для них атмосфере. Воспитанники детского сада с удовольствием посещают занятия и уже читают стихи русских детских поэтов, драматизируют сказки, поют с удовольствием песни, танцуют русские танцы.

Дети встретили участников мастер-класса концертом, во время которого исполнили русские танцы, песни и стихи.

Мастер-класс для преподавателей-воспитателей на тему "Использование русских народных сказок при работе с детьми по русскому языку в детских садах" провели совместными усилиями кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника Центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки ГИРЯ им.А.С.Пушкина Корепанова Татьяна Эвальдовна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры методики преподавания русского языка как иностранного Вохмина Лилия Леонидовна, старший учитель СОШ № 133 им. А.С.Пушкина, руководитель Школы повышения квалификации учителей РКИ детских садов Русского центра МКИ „Столичная библиотека” Атанасова Анна. Цель мастер-класса - познакомить слушателей с принципами выбора русских народных сказок в качестве одного из наиболее методически оправданного учебного материала для работы с детьми.

Во время работы мастер-класса аудитория познакомилась с историей возникновения методики обучения РКИ детей младшего возраста в России, с литературой, выпускаемой российскими издательствами для работы с детьми в детских садах и младших классах школы.

Особую активность аудитория проявила при обсуждении приёмов и способов работы с материалом русских народных сказок.

Во время открытия Конференции и Семинаров в г. Сандански для всех гостей и участников Международного Форума прошел праздничный концерт, подготовленный Региональным инспекторатом по образованию г. Благоевграда силами Гимназии им. Яне Сандански г. Сандански. У входа Дома культуры г. Сандански тепло и гостеприимно встречали участников Форума заместитель мэра г. Сандански и директор школы.

Гимназия им. Яне Сандански самая старая средняя школа в городе – школа с традициями, но открытая для новых идей, которые провоцируют индивидуальность и креативность, дисциплину и культуру, высшие интеллектуальные способности, образование, которое отвечает вызову жизни и современности.

В этом учебном году в гимназии обучаются 646 учеников в профилированных классах с интензивным изучением английского языка как первый иностранный язык. Основные профили в обучении это естественноматематический, технологический и иностранные языки. Как второй иностранный язык ученики выбирают русский язык или французский язык, немецкий язык, испанский язык.

Русский язык в гимназии изучается еще с его введением как учебный предмет и в последнее время наблюдается тенденция повышенного интереса к русскому языку как второму иностранному языку и все больше учеников выбирают именно его. Традицией в гимназии является проведение Вечеров иностранных языков, где ученики показывают свои языковые умения и компетенции на всех изучаемых языках, а также свои музыкальные, певческие и артистичные таланты.

В Гимназии им. Яне Сандански преподают высококвалифицированные учителя, чей труд вознаграждается высокими результатами и достижениями учеников в состязаниях, олимпиадах, конкурсах по различным учебным предметам. Много учеников гимназии, которые каждый год занимают призовые места в разном типе соревнований.

Ее воспитаники учатся в самых авторитетных высших учебных заведениях не только в Болгарии, но и за границей. По словам директора для гимназии большая честь быть хозяином международного форума по русскому языку в их городе.

Работа конференции на тему «Русский язык через русскую литературу и русское искусство в системе непрерывного образования: практика и перспективы» была организована по четырем направлениям: детский сад, школа, университет и библиотечное дело. В рамках пленарного заседания состоялся продуктивный обмен опытом между специалистами разных стран по актуальным проблемам преподавания русского языка и культуры учащимся разного возраста. Участники форума обратили особое внимание на роль культурных институтов, библиотек для развития межкультурной коммуникации и поделились опытом своих стран в этом направлении. В обсуждениях был сделан акцент на необходимость обогащать процесс обучения русскому языку новыми формами работы через русскую литературу и русское искусство.

В рамках первых трех направлений: русский язык через русскую литературу и искусство в детском саду, в школе и в университете, выступающие затронули практические аспекты обучения русскому языку. Особое внимание обращалось на возможности применения современных технологий в обучении РКИ в детском саду, школе и вузе, на возможность сочетания традиционных методов, соответствующих учебным планам и программам, с современными технологиями инновационного характера. Широко обсуждалось использование элементов русской культуры в преподавании русского языка, необходимость интегрированного подхода в обучении и его значение для повышения качества образования в детском саду, школе и вузе, необходимость проведения интегрированных занятий по разным темам в детском саду, школе и вузе.

Особый интерес вызвали выступления, в которых обсуждались приёмы использования изобразительных технологий; лингвокультурологический аспект в обучении русскому языку как иностранному и значение русской литературы для развития творческих способностей учащихся. Выступающие поделились своим практическим опытом и обсудили такие актуальные вопросы, как:

- дидактический потенциал краеведческих проектов, внеклассной и внеаудиторной работы и игровых технологий в обучении русскому языку;

- практика использования текстов разных жанров русской литературы и драматургии при формировании речевых умений.

Аудитория ознакомилась с мультимедийным курсом "Ретур" и с методикой использования русской литературы в программе "Бизнес коммуникации".

Во время форума были организованы четыре семинара, посвящённые межкультурной коммуникации в галереях, музеях и библиотеках, а также деловому общению, особенностям работы над деловой документацией и обучению взрослых профессиональному общению на русском языке.

Методический семинар «Деловое общение. Особенности работы над деловой документацией. Обучение взрослых профессиональному общению на русском языке» был посвящён практическим вопросам обучения деловой речи в основных ситуациях общения (при встрече в офисе, на переговорах, во время собеседования), ведения переписки и составления официальной документации (официальных запросов, коммерческих предложений, договоров) в зависимости от целей, этапа и конкретных условий работы. Методический семинар по проблемам делового общения разработан Коротышевым Александром Владимировичем, директором секретариата «МАПРЯЛ», имеющим опыт преподавания русского языка как иностранного в Санкт-Петербургском государственном университете.

Методический семинар «Основы делового этикета и протокола при подготовке и проведении международных мероприятий»

Основной задачей методического семинара стало обобщение и систематизация имеющихся у участников знаний о порядке подготовки и проведения крупных международных мероприятий, а также основных общепринятых нормах делового этикета и протокола. Слушатели семинара обсудили, как правильно определить формат мероприятия и дать ему корректное название, как спланировать основную программу и работу «на полях», какие

правила следует соблюдать при взаимодействии с зарубежными партнерами и представителями международных организаций, задействованных в подготовке и приглашаемых для участия в мероприятии. Участники семинара узнали об особенностях процесса сопровождения делегаций, некоторых секретах организации грамотного перевода на иностранные языки и формах общения с гостями в зависимости от страны/региона происхождения. «Изюминкой» семинара стал проведенный с помощью слушателей разбор конкретных ситуаций (case-study) из международной практики. Семинар подготовила и провела декан факультета международного образования Московского института открытого образования к.и.н. Омельченко Елена Александровна.

Методический семинар «Межкультурная коммуникация в галереях, музеях и библиотеках»

На семинаре разговор шел о поликультурном коммуникативно-информационном пространстве галерей, музеев, библиотек. Обсуждались вопросы, связанные с ролью этих институтов: а) в социализации и инкультурации «человека читающего, смотрящего, слушающего, играющего»; б) в развитии межкультурной чувствительности и преодолении межкультурных барьеров; в) в развитии навыков понимания русской лингвокультуры. Семинар подготовила и провела Брагина Наталья Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации ГИРЯ им. А.С.Пушкина.

Методический семинар «Языковое тестирование – состояние, проблемы, перспективы»

В рамках семинара заместитель директора Центра языкового тестирования и содействия миграционной политике к.филол.н. Татьяна Эльдовна Корепанова рассказала об актуальных вопросах языкового тестирования и сертификации по русскому языку для различных целевых аудиторий (в том числе с использованием дистанционных технологий), а также сделала обзор современных мультимедийных ресурсов обучения и тестирования детей-билингвов, разработанных ведущими специалистами Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Выступавшие Форума неоднократно отмечали важность вопросов, обсуждавшихся в ходе круглого стола, мастер-классов, конференции и семинаров, как имеющих большое значение для формирования поддержки изучения русского языка и русской культуры в разных странах и регионах мира. Все участники обратили внимание на прикладной характер тематик Форума, на полезность мастер-классов, проводимых на базе площадок реально работающих детского садика № 8 «Таврия», СОШ № 73 им. Владислава Граматака и Софийского университета им. Святого Климента Охридского. Вносились конкретные предложения по расширению взаимодействия болгарских школ с образовательными учреждениями России, Германии, Нидерландов и других стран.

Участники Форума выразили удовлетворение результатами его работы, отметили высокий организационно-методический и научный уровень проведения всех запланированных в его рамках мероприятий и подчеркнули целесообразность и продуктивность регулярного проведения подобных встреч в Софии.

При подведении итогов работы форума его участники выразили искреннюю признательность основным организаторам – Русскому центру МКИ «Столичная библиотека» и непосредственно фонду «Русский мир», высоко оценив его вклад в дело развития международного сотрудничества в области обучения русскому языку, укрепления позиций русского языка и культуры в современном мире.

Оргкомитет IV Международного форума

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ „РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ“

С 14-го по 15 мая 2015 г. мне была предоставлена возможность принять участие с докладом в международной научной конференции в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицина в Москве. Тема конференции: “Российская эмиграция в борьбе с фашизмом”, к 70-ию великой Победы.

Эта конференция была проведена на высоком уровне при содействии Комитета по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Государственной Думы РФ, Комиссии по делам соотечественников МИД РФ, Правительства Москвы, Московского Дома соотечественников и Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.

Кураторами конференции были кандидат исторических наук - Марина Юрьевна Сорокина и Константин Константинович Семенов.

Для участия в международной конференции были приглашены выдающиеся ученые, исследователи и специалисты не только из стран Европы, но даже из Аргентины – всего из тридцати государств мира.

Программа конференции включала следующие направления работы секций:

1. Секция „Предчувствие войны”.
2. Секция „Антифашистская борьба в литературном наследии Российского Зарубежья”.
3. Секция „Антифашистское движение в годы Второй мировой войны и российские эмигранты”.
4. Секция „Российские эмигранты – участники антифашистской борьбы в Югославии”.
5. Секция „Российские эмигранты – участники антифашистской борьбы во Франции”
6. Секция „Российские эмигранты – участники антифашистской борьбы в Европе”.

После торжественного открытия конференции была организована выставка на тему: “Российские участники

антифашистского Сопротивления в годы Второй мировой войны: Книги, фотографии, документы”

Во время работы конференции был проведен круглый стол на тему: “Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: история и современность”. Модератором круглого стола был директор ДРЗ - Виктор Александрович Москвин.

Одной из выдающихся, но недостаточно изученных страниц в истории Второй мировой войны, является участие соотечественников в борьбе с фашизмом на территории европейских стран. Тысячи российских эмигрантов участвовали в героической антифашистской борьбе движения Сопротивления во Франции, Бельгии, Югославии, Болгарии, Италии и в других странах. Их памяти, а также памяти российских антифашистов, погибших в нацистских концлагерях и гестаповских застенках, памяти советских военнопленных, сражавшихся в рядах европейского Сопротивления была посвящена проводимая конференция. Увековечивание подвига зарубежных соотечественников особенно важно в юбилейный год Победы, в современных геополитических условиях, когда предпринимаются опасные попытки ревизии итогов Второй мировой войны и возрастает значение сохранения исторической памяти о событиях Второй мировой войны и ее уроках для современного мира, о выдающейся роли российских соотечественников в сохранении мирного европейского пространства. Доклады всех участников международной конференции будут опубликованы в специальном сборнике. Благодаря самоотверженной работе, проведенной организаторами конференции, были созданы благоприятные условия для личных контактов между учеными из разных стран, которые не заменят никакие компьютеры, а также были обсуждены возможности дальнейшего сотрудничества.

Осенью с 5–9 октября 2015 года в рамках Года литературы в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына пройдет международный форум «Литература русского зарубежья: прошлое и настоящее». Партнер форума — Литературный институт им. А.М. Горького.

Екатерина Солнцева-Накова

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОГО ИНТЕРНЕТА

СПИСОК ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ, СОДЕРЖАЩИХ ИНФОРМАЦИЮ О ГРАНТОВЫХ КОНКУРСАХ ДЛЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. *База данных по всем грантам* (гуманитарные, технические науки и др.), доступным для граждан России:

www.rsci.ru

www.courier.com.ru

2. Российский гуманитарный научный фонд(РГНФ)

www.rfli.ru

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по всем направлениям *гуманитарных наук*. Трэвел-гранты. Гранты на проведение научных конференций.

Возрастных и тематических ограничений нет.

Начало ежегодного конкурса - март. Окончание - сентябрь.

Длительность грантовых проектов - до 3-х лет.

3. Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ)

www.rfbr.ru

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по всем направлениям *точных наук*. Трэвел-гранты. Гранты на проведение научных конференций.

Возрастных и тематических **ограничений** нет.

Начало ежегодного конкурса - апрель. Окончание - сентябрь.

Длительность грантовых проектов - до 3-х лет.

4. Программа Президента Российской Федерации «Поддержка ведущих научных школ России», «Поддержка молодых ученых».

www.extech.ru

Научно-исследовательские конкурсы по всем направлениям *гуманитарных и точных наук*.

Тематических ограничений нет

Конкурсы проводятся по графику, с которым можно ознакомиться на сайте программы.

Длительность грантовых проектов - до 3-х лет.

5. Программа Министерства образования и науки РФ «Университеты России». www.uniros.ru

Научно-исследовательские конкурсы по всем направлениям *гуманитарных и точных наук*. Возрастных и тематических ограничений нет.

Конкурсы проводятся 1 раз в два года по графику, с которым можно ознакомиться на сайте программы.

Длительность грантовых проектов - 2 года.

6. Программы грантов Министерства образования и науки РФ по гуманитарным и педагогическим наукам.

www.informika.ru

Научно-исследовательские конкурсы по всем направлениям *гуманитарных и педагогических наук*. Гранты для индивидуальных и коллективных проектов.

Возрастных и тематических ограничений нет

Конкурсы проводятся 1 раз в два года по графику, с которым можно ознакомиться на сайте Министерства образования и науки РФ.

Длительность грантовых проектов - 2-3 года.

7. МИОН. Межрегиональные исследования в общественных науках.

www.iriss.ruwww.inocener.ru

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по разным направлениям *гуманитарных наук*. Гранты для индивидуальных и коллективных проектов.

Научно-исследовательские гранты по гуманитарным наукам: для молодых кандидатов наук и руководителей научных коллективов.

Начало ежегодного конкурса - апрель. Окончание - сентябрь. Длительность грантовых проектов - 10 месяцев.

8. Гранты Президента Российской Федерации «Поддержка пурческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства».

www.mincullrf.ru

Конкурсы по всем направлениям *в области культуры*
Возрастных и тематических ограничений нет

Конкурсы проводятся ежегодно. Начало конкурса - август.
Окончание - сентябрь. Длительность грантовых проектов - 1 год.

9. Программа «Открытая Россия» www.openrussia.info

Гранты на осуществления различного типа индивидуальных и коллективных проектов. Условия - на сайте.

10. Фонд I Форда www.iie.ru/ifp

Гранты для студентов и аспирантов Оля обучении в вузах и аспирантуре.

Конкурсы проводятся ежегодно. Начало конкурса - апрель.

Знание английского языка требуется только для тех, кто хочет учиться не в России, а за рубежом.

11. Фонд МакАртуров

www.macfound.ru

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по всем направлениям *гуманитарных наук, связанных с правами человека и проблемами безопасности в мире.*

Научно-исследовательские гранты только для индивидуальных проектов.

Начало ежегодного конкурса - февраль-март. Окончание - июнь.

Длительность грантовых проектов - до 18 месяцев.

12. Конкурсы Фонда Спенсера в Европейском университете (СПб, Россия).

www.eu.spb.ru

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по проектам *в области образования, истории образования.*

Научно-исследовательские гранты для индивидуальных проектов молодых ученых. Начало ежегодного конкурса - сентябрь. Окончание - январь.

Список интернет-сайтов, содержащих информацию о грантовых конкурсах (доступных для участия граждан Российской Федерации) для научно-исследовательских проектов на *иностраннных языках*

13. База данных по всем грантам (гуманитарные, технические науки и др.), доступным для граждан России:

www.rsci.ru

www.courier.com.ru

14. Центрально-европейский университет (Будапешт). Институт «Открытое общество» www.ceu.hu/crc

Ежегодные конкурсы по различным направлениям *гуманитарных наук*. Гранты для профессоров и доцентов, гранты для написания и апробации вузовских учебных курсов по гуманитарным наукам. Конкурсы для участия в семинарах в Будапеште. Большинство программ предполагает обязательный выезд в Будапешт (**рабочий язык - английский**).

Возрастных ограничений нет.

Условия разных видов конкурсов - на сайте.

Длительность грантовых проектов различна.

15. Научно-исследовательская программа Фулбрайт.

Программа Кеннан-Фулбрайт <http://fulbright.amc.ru>

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по различным направлениям *гуманитарных наук*. Гранты для аспирантов, для кандидатов и докторов наук.

Возрастных и тематических ограничений нет (**рабочий язык - английский**).

Научно-исследовательский (или лекционный) проект предполагает обязательный выезд в вузы США на срок до 8 месяцев.

Программа Кеннан-Фулбрайт предполагает научно-исследовательскую работу в НИИ Кеннана в Вашингтоне в течение 6 месяцев (у Кеннан-института есть также программа научно-исследовательских грантов длительностью 1 месяц).

Условия разных видов конкурсов - на сайте.

16. Научно-исследовательская программа DAAD

www.daad.ru

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по различным направлениям *гуманитарных наук*. Гранты для студентов, аспирантов, для кандидатов и докторов наук.

Возрастных и тематических ограничений нет (**рабочие языки - немецкий и английский**).

Научно-исследовательский проект предполагает обязательный выезд в вузы Германии на различные сроки.

17. The Spencer Foundation

www.spencer.org

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы *по всем направлениям педагогических наук*.

Возрастных и тематических ограничений нет (**рабочий язык - английский**). Заявки можно прислать в любое время. Длительность грантовых проектов - 1 год.

18. Фонд Гетти

www.getty.edu

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы *по истории искусства*. Тематических ограничений нет (**рабочий язык - английский**).

Ограничения: проекты принимаются в основном от лиц, которые защитили диссертации не более чем за 5 лет до участия в конкурсе.

Длительность грантовых проектов - 1 год.

19. IREX

www.irex.ru

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по различным направлениям *гуманитарных наук*. Гранты для преподавателей вузов (**рабочий язык - английский**). Научно-исследовательский проект предполагает обязательный выезд в вузы США на разные сроки. Условия разных видов конкурсов - на сайте.

20. National Humanities Center (the U.S.A.)

www.nhc.rtp.nc.us

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по различным направлениям *гуманитарных наук*. Гранты для преподавателей вузов.

Возрастных и тематических ограничений нет (**рабочий язык - английский**).

Научно-исследовательский проект предполагает обязательный выезд в США на 9 месяцев. Условия конкурса - на сайте.

21. The Landau Network

www.centrovolta.it

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по различным направлениям *наук*. Возрастных и тематических ограничений нет (**рабочий язык - английский**).

Научно-исследовательский проект предполагает обязательный выезд в Италию на 3 месяца. Условия конкурса - на сайте.

22. Woodrow Wilson Fellowships (the U.S.A.) www.wilsoncenter.org

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по различным направлениям *гуманитарных (преимущественно - политологических) наук*. Гранты для профессуры.

Возрастных и тематических ограничений нет (**рабочий язык - английский**).

Научно-исследовательский проект предполагает обязательный выезд в США (Вашингтон) на 9 месяцев.

Начало конкурса - апрель. Окончание - 1 октября. Условия конкурса - на сайте.

23. Гранты Европейского Союза.

www.europa.eu.int/comm/research/fp6

Ежегодные научно-исследовательские конкурсы по различным направлениям *точных и гуманитарных наук*.

Для студентов, аспирантов, преподавателей.

Возрастных и тематических ограничений нет (**рабочие языки - английский, французский**).

Научно-исследовательский проект, как правило, предполагает обязательный выезд в одну из стран Европейского Союза на различные сроки. Условия конкурса - на сайте.

24. www.pushkininstitute.ru – Портал „Образование на русском” – масштабный проект, созданный в рамках Программы продвижения русского языка и образования на русском под брендом „Институт Пушкина”, который предоставляет максимально широкие возможности для:

- обучения русскому языку как иностранному (РКИ);
- повышения квалификации в области преподавания русского языка как иностранного;
- изучения различных учебных дисциплин на русском языке.

Екатерина Солнцева-Накова

ЮБИЛЕИ

ТОДОРУ МИНЧЕВУ 90 ЛЕТ

Уважаемый доцент Минчев!

Поздравляем Вас с Вашим знаменательным юбилеем – 90-летием со дня рождения!

Вас знают как авторитетного специалиста-русиста с огромным опытом, замечательного преподавателя русского языка, талантливого переводчика. Вы являетесь одним из основателей Общества русистов Болгарии. Охват Вашей научной, педагогической и общественной деятельности вызывает глубокое уважение.

В 1950 г. Вы окончили с отличием первый выпуск специальности «Русский язык и литература» в Софийском университете имени Святого Климента Охридского. В 1953 г. Вы стали преподавателем русского языка кафедры иностранных языков Инженерно-строительного института, а через 10 лет, в 1963 г., Вас выбрали заведующим этой же кафедрой. В 1975 г. Вы получили ученое звание доцента, а в 1976 г. Вы стали заместителем Ректора Высшего института архитектуры и строительства – ВИАС (сейчас Университет архитектуры, строительства и геодезии – УАСГ). С 1978 г. Вы заместитель Директора Научно-исследовательского института русского языка.

Как преподаватель и ученый, Вы обучали и воспитывали многие поколения студентов, развивали болгарскую профессиональную лингводидактику, отечественную учебную лексикографию.

Вы автор и соавтор ряда учебников и учебных пособий, специализированных словарей для студентов-будущих строителей и архитекторов, таких как *Руско-български строително-технически речник. София. ВИСИ, 1966; Българско-руски политехнически речник. Москва. София, 1975; Учебник русского языка для студентов ВИАС. София, 1981; Руско-български речник по строителство и архитектура. София. Москва, 1985.*

Вы автор замечательного словаря – *Учебен руско-български тълковен строителен речник. ВИАС, София, 1989*, который отвечает требованиям составленной в 1984 г. единой учебной программы по русскому языку для всех нефилологических вузов Болгарии.

Как педагог-общественник, Вы многолетний сотрудник Болгаро-советских обществ, главный секретарь с 1967 г. и заместитель председателя с 1976 по 1979 гг. Общества русистов Болгарии, организатор международных конгрессов МАПРЯЛ в Болгарии. На протяжении многих лет Вы своей деятельностью популяризируете русскую культуру в Болгарии.

Как переводчик, Вы внесли значимый вклад в переводческую деятельность в Болгарии. Как член Союза переводчиков в Болгарии, Вы осуществляли устный и письменный перевод на многих крупных международных конференциях и встречах. Вы перевели с русского языка много книг научно-технического жанра.

Вы завоевали заслуженное признание широкой общественности, Вас удостоили высоких наград.

Для нас, членов редколлегии журнала „Болгарская русистика“, Вы всегда уважаемый учитель, желанный коллега.

Желаем Вам крепкого здоровья, светлых и радостных дней, новых творческих вершин!

Редколлегия

ИЛИЯНЕ БОЗАРОВОЙ 80 ЛЕТ

Дорогая Илияна Бозарова!

От всего сердца поздравляю Вас, мою дорогую учительницу, с юбилеем, с днем Вашего восьмидесятилетия!

В 1956 г. Вы окончили Софийский университет имени Святого Климента Охридского по специальности «русская филология». Вы учились у таких известных преподавателей как Мария Мещерская, Андрей Евдокимов, проф. Велчо Велчев, проф. Симеон Русакиев.

В 1956 г. Вы учитель русского языка в гимназии в д. Сепарева баня. В 1958 г. Вас назначили учителем первой Русской гимназии в Болгарии. Вы первая болгарка, которая преподает русский язык в этой гимназии. С 1963 г. Вы преподаете русский язык и литературу в 35-ой школе с обучением на русском языке. В 1980 г. Вы становитесь директором этой школы. Вы 10 лет проработали на посту директора, не жалея сил во имя сохранения и развития традиций преподавания русского языка в Болгарии.

В 1985 г. за высокие профессиональные достижения Вас удостоили звания «заслуженный учитель». Вас наградили орденами «Кирилл и Мефодий» III и I степени.

Ваша энергия, Ваш энтузиазм, любовь и преданность своему делу снискали Вам всеобщее уважение и признательность. Ваш педагогический опыт, звание учителя русского языка и литературы многократно реализовано в ваших учениках, которые Вас помнят и любят.

Желаю Вам крепкого здоровья, счастья и благополучия! Долгих и плодотворных лет жизни!

Всегда Ваша ученица
Димитрина Лесневска

IN MEMORIAM

Ирина Червенкова (1931 – 2014)

17 мая 2014 г. ушла из жизни проф. Ирина Червенкова, видный болгарский русист и многолетний член редколлегии журнала *Болгарская русистика*. В 1954 г. она заканчивает филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по специальности русская филология. После окончания высшего образования работает ассистентом по русскому языку на кафедре русского языка Софийского университета им. Св. Климента Охридского. В 1975 г. в Институте русского языка РАН блестяще защищает кандидатскую диссертацию на тему *Общие адвербиальные показатели меры признака*, ее научным консультантом является проф. Ю. Д. Апресян. С 1975 г. - доцент, а с 1991 г. - профессор.

И. Червенкова работает в области теории и методики сопоставительного описания лексики близкородственных языков, в частности русского и болгарского, лексической семантики, двуязычной (русско-болгарской) лексикографии. Идеи И. Червенковой о сопоставительном подходе к современной русской и болгарской лексике представлены в ряде исследований: *О лексическом сходстве и различии русского и болгарского языков* (1977), *К сопоставительному изучению русской и болгарской лексики* (1979), *О сопоставительном описании русской и болгарской лексики* (1982), *Некоторые проблемы семантического изучения лексики русского и болгарского языков* (1987), *Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики (на основе попарного сравнения лексических единиц)* (1990).

И. Червенкова разрабатывает оригинальную методику формально-семантического сопоставительного описания русских и болгарских лексических единиц на базе словарных данных, - методику, в основе которой лежит идея о лексической паре. Благодаря изысканиям И. Червенковой болгарская русистика впервые переходит от эпизодических сопоставлений к целостному

сопоставлению лексических систем двух близкородственных языков, впервые ставится вопрос о характере и степени этой близости. Созданную проф. И. Червенковой методику можно оценить как бесспорный вклад в типологию сопоставления близкородственных языков.

Большое теоретическое и практическое значение имеют исследования И. Червенковой по проблемам эквивалентности/безэквивалентности в рамках русского и болгарского языков, интерференции между двумя языками. Она считает, что преодоление лексико-семантической интерференции должно способствовать более углубленному и точному описанию лексических единиц родного и изучаемого языков, что различия между близкородственными языками относятся прежде всего к узусу и что это положение должно находиться в центре внимания в процессе обучения (*Об интерференции в области близкородственных языков*, 1976; *Об одной типичной ошибке в русской речи болгар*, 1981).

Ряд трудов И. Червенковой связаны с теоретическими проблемами лексической семантики. Оригинальные идеи изложены в *Принципы современной лексической семантики и сопоставительное исследование лексики русского и болгарского языков* (1983) и в *Лексикална семантика и превод* (1987). Ее исследования в этой области тесно связаны с проблемами двуязычной, в частности русско-болгарской лексикографии. Они приводят к возникновению идеи о новом типе русско-болгарского, болгарско-русского словаря и общего толкового словаря (*Сопоставительный анализ лексики и двуязычные словари* (1988).

Научная деятельность И. Червенковой тесным образом связана с ее 44-летней преподавательской работой. Она разработала и вела курсы *Современный русский язык. Фонетика. Фонология. Лексикология. Фразеология. Лексикография (1957-1999)*, *Семантика и перевод (1976-1980)* *Семантика (1981-1999)*, *Сопоставительная лексикология (1981-1999)*. И. Червенкова долгие годы руководила научным кружком студентов-русистов в СУ (1977-1998), Проблемной группой по сопоставительному анализу современной лексики русского и болгарского языков при кафедре русского языка им. Св. Кл. Охридского, она - автор ряда учебников и учебных

пособий – *Современный русский литературный язык. Ч. 1 (раздел: Лексикология)* (1971); *Лингвометодическое описание русской лексики и грамматики в свете болгарского языка (Пособие для болгарских учителей)* (разделы: *Введение; Лексика, 2, 5*) (1995). Принимает участие в научных форумах в Болгарии и за границей, многие годы – член редколлегии журнала *Съпоставително езикознание* и журнала *Болгарская русистика*.

В памяти коллег и последователей И. Червенкова останется примером трудолюбия, высокого профессионализма и благородства, в ученых кругах русистов и болгаристов ей принадлежит значимое место в области сопоставительной лингвистики, лексической семантики, двуязычной русско-болгарской лексикографии.

Надежда Делева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вачева Ангелина Иванова – доктор, доцент кафедры русской литературы Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) avacheva@slav.uni-sofia.bg

Владова Илиана Михайлова – доктор, доцент кафедры русского языка Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) docvladova@mail.bg

Делева Надежда Петкова – доктор, гл.ас. кафедры русского языка Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) n_deleva@abv.bg

Захариева Ирина Петровна – доктор, доцент кафедры русской литературы Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) irina_zaharieva@abv.bg

Лесневска Димитрина Спасова – доктор, доцент кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики Университета национального и мирового хозяйства (София, Болгария) dimitrina_lesnevska@abv.bg

Меснянкина Елена Игоревна – докторант кафедры русского языка Софийского университета им. Св. Климента Охридского e_mesnyankina@abv.bg

Методиева Атанаска Симеонова – преподаватель болгарского языка и литературы в школе внеклассного обучения „Alex academy” (София, Болгария) ; докторант Югозападного университета (Благоевград, Болгария) atanaskametodieva@gmail.com

Муллагалиева Лилия Канафова – доцент Башкирского педагогического университета (Россия, Уфа)
mullagalievalk@rambler.ru

Парашкевова Румяна Корсемова – гл.ас. кафедры русской литературы Софийского университета им. Св.Климента Охридского (София, Болгария) rumik@slav.uni-sofia.bg

Солнцева-Накова Екатерина Васильевна – редактор при Факультете славянских филологий Софийского университета им. Св.Климента Охридского (София, Болгария) solnceva@yahoo.com

Спасова Римма Аркадьевна – доктор, доцент кафедры русского языка Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) rimmas@mail.bg

Федь Татьяна Николаевна – доктор, доцент Нового Болгарского Университета tnfed@abv.bg

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: bolgrusistika@gmail.com. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются материалы на русском языке.

Общие требования

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, шрифт 12.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

Оформление статей

На русском языке (*данные автора: Имя Отчество Фамилия, Название организации, Город, Страна, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*), а затем на английском языке (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*), напр.:

Вера Иванова Петрова
СУ им. Св. Климента Охридского
София, Болгария

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

(шрифт 12)

Аннотация: шрифт 11, до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: шрифт 11, не более 10 слов

Vera Ivanova Petrova
Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria

THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE

(шрифт 12)

Abstract: шрифт 11, до 800 знаков с пробелами

Keywords: шрифт 11, не более 10 слов

Основной текст статьи

Текст на русском языке: шрифт 12, объем: до 20 000 знаков с пробелами.

Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, шрифт 10. Библиографические ссылки – в квадратных скобках [Фамилия автора, год издания, стр.], например: [Петров 2007], [Иванов 2014: 43], [Ефимова 2000: 60–72]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис. » с порядковым номером (10 шрифт).

Список литературы – шрифт 12, в конце статьи без нумерации, фамилии авторов в алфавитном порядке (сначала на кириллице, потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Литература оформляется следующим образом:

ЛИТЕРАТУРА

Максимов, Голубева 2010 – Русский язык и культура речи. Учебник / Ред. Максимов В.И., Голубева А.В. Санкт-Петербург: Златоуст. – 382 с.

Формановская 2002 – *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. Москва: Русский язык. – 216 с.

Целищев, Карпович, Поляков 1982 – *Целищев В.В., Карпович В.Н., Поляков И.В.* Логика и язык научной теории. Новосибирск: Наука. – 189 с.

Черникова 2011 – *Черникова И.В.* Типология науки в контексте современной философии науки // Вопросы философии. № 11. С.71–79.

Krier 1979 – *Krier Rob.* Urban space. New York: Rizolli international publications. – 174 p.

После списка литературы следует **резюме статьи** – шрифт 11, до 800 знаков с пробелами на **болгарском языке**, а также, ключевые слова статьи, переведенные с русского на болгарский язык (этот материал составляется редколлегией), напр.:

Имя Отчество Фамилия (автора статьи)

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Резюме

Текст....

Ключови думи:

Оформление рецензий

Рецензия на русском языке – шрифт 12, объем: до 8 000 знаков с пробелами. Заглавие рецензии – точные данные рецензируемого труда. Данные автора помещаются после текста, напр.:

**Елена Андреевна Брызгунова. ЗВУКИ И ИНТОНАЦИЯ
РУССКОЙ РЕЧИ. М.: Русский язык, 1977. – 281 с.**

Текст, текст....

Ирина Иванова Петрова
ЮЗУ им. Неофита Рильского
Благоевград, Болгария

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям,
не рассматриваются. ***Редколлегия***

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И Ж У Р Н А Л А

Дружество на русистите в България
Списание „Болгарская русистика“
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bolgrusistika@gmail.com